

Выпуск № 2, 2021

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2021. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житнев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2021. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Григорян А. А., Григорян А. Ю. Объективация женщины как один из видов сексизма	5
Капустин Н. В. Рассказ А. П. Чехова «Страх»: жанровые метаморфозы и обертоны смысла	11
Лакербай Д. Л. И конь, и трепетная лань: заметки о феномене советского писателя-журналиста	18
Похаленков О. Е., Фролова Э. А. Тема войны в сборнике рассказов Э. М. Ремарка «История любви Аннетты»	30
Холодова З. Я. Рецепция Германии в сверткесте М. Пришвина	36

История

Ильин Ю. А., Орешкин О. Ю. Торговая сеть Ивановской межрайонной базы Торгсин в 1933—1935 гг.: специфика организации и деятельности, итоги работы	47
Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Археологический музей в научно-образовательном пространстве Ивановского государственного университета	54
Осипова Н. А. Наделение профсоюзов новыми полномочиями по регламентированию трудовых отношений в годы нэпа (по материалам Иваново-Вознесенской и Владимирской губерний)	64
Тюрин А. С. Деятельность ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии по защите интересов казны и государственных крестьян в середине XIX века	72

Философия

Петряков Л. Д. Ноосферная безопасность как актуальная идентичность	80
Баксанский О. Е., Задорожнюк И. Е., Шурупова Р. В. Индикаторы образовательной безопасности: медицинские вузы в рейтингах «пандемического года»	84
Суворова Г. М. Основные тенденции развития «образования безопасности»: взгляд через призму универсума кодов российской цивилизации	93
Булычёв И. И. Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса	98
Зубкевич Л. А., Пахомов Е. А. На пути к новому мировоззрению. Неортодоксальный марксизм	109

<i>Сведения об авторах</i>	118
----------------------------------	-----

<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	121
---	-----

CONTENTS

Philology

Grigoryan A. A., Grigoryan A. Yu. Objectifying women as a manifestation of sexism	5
Kapustin N. V. Chekhov's story "Fear": genre metamorphoses and overtones of meaning	11
Lakerbay D. L. Both the horse and the delicate trembling doe: notes on the phenomenon of the Soviet writer-journalist	18
Pokhalenkov O. E., Frolova E. A. The theme of the war in the collection of short stories by E. M. Remarque "Annette's Love Story"	30
Kholodova Z. Ya. The reception of Germany in M. Prishvin's supertext	36

History

Ilyin Yu. A., Oreshkin O. Yu. Business network of the Ivanovo cross-regional division of the Torgsin company: particular features of its organization and operation in 1933—1935 and the outcome of work	47
Kostyleva E. L., Utkin A. V. Archaeological museum in the scientific and educational space of Ivanovo State University	54
Osipova N. A. Ensuring trade unions with new credentials to regulate labor relations in the NEP years (Based on materials from the Ivanovo-Voznesensk and Vladimir provinces)	64
Tyurin A. S. Activities of the state property office in Nizhny Novgorod province on protecting the interests of the treasury and state peasants in the middle XIX century	72

Philosophy

Petryakov L. D. Noospheric security as an actual identity	80
Backsanskiy O. E., Zadoroznjuk I. E., Shurupova R. V. Educational safety indicators: medical universities in the ratings of the "pandemic year"	84
Suvorova G. M. Basic trends in "security education" development: a look through the prism of the universe of Russian civilization codes	93
Bulychev I. I. Artificial intelligence in the mirror of an alert philosophical discourse	98
Zubkevich L. A., Pakhomov E. A. On the way to a new worldview. Unorthodox marxism	109
<i>Information about the authors</i>	118
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	121

УДК 811.111'272
ББК 81.432.1-003
DOI: 10.46726/Н.2021.2.1

А. А. Григорян, А. Ю. Григорян

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ СЕКСИЗМА

Казалось, что к началу XXI века в результате целенаправленных усилий гендерно-сенситивной части общества в англоязычных странах достигнут весьма значительный прогресс в вопросе элиминирования сексистского отношения к женщине. Определенные успехи в этом направлении действительно достигнуты. Однако внимательный анализ языковых структур, которые находятся в активном употреблении средствами массовой информации, участниками всевозможных телешоу, писателями и т. д., позволяет сделать иной вывод: сексизм, скорее, не исчез, а видоизменился, мимикрировал. Статья посвящена одному из способов проявления сексизма: объективации образа женщины. Фокусирование внимания на внешности женщины, рассмотрение ее в качестве объекта, а не субъекта действия — объективация женщины — в каком-то смысле ведет к отрицанию полноценности женщины в принципиально важном для человека качестве — вершителя своей судьбы. При отражении этого процесса в языке могут быть задействованы разные механизмы. Не в последнюю очередь речь идет о вариантах выражения сексизма через использование страдательного залога, переходных и модальных глаголов, а также «пустых» имен прилагательных.

Ключевые слова: сексизм, объективация женщины, отражение сексизма в языке.

A. A. Grigoryan, A. Yu. Grigoryan

OBJECTIFYING WOMEN AS A MANIFESTATION OF SEXISM

One might have assumed that by the start of the XXI century the problem of sexism has been successfully solved due to very energetic and fruitful efforts undertaken by the so-called gender-sensitive layers of the society. Indeed, their efforts have led to quite tangible results. However, in reality it turns out that sexism is still there; it has changed its form/s, and we have just stopped talking about it. The article is devoted to the question of objectifying women as a manifestation of sexism. That trend of talking about women as recipients of actions, denying or — at least — diminishing their ability to be active subjects / agents of actions results in considering women as less competent and even — to a certain extent — less human. The article deals with linguistic mechanisms of expressing this manifestation of sexism: passive voice, transitive and modal verbs and so-called “empty” adjectives.

Key words: sexism, objectifying women, linguistic manifestation of sexism.

© Григорян А. А., Григорян А. Ю., 2021

На протяжении всей истории человечества женщине была отведена роль существа зависимого от мужчины и в какой-то степени подчиненного ему. Нам представляется, что несмотря на то, что к XXI веку в сексистско-патриархатном устройстве мира многое изменилось и в положении женщины в обществе достигнут очень существенный прогресс, было бы преувеличением говорить о наступлении времени действительного равенства полов. Одним из факторов, свидетельствующих о сохраняющемся дисбалансе, является сексуальная объективация женского тела. Возможно, это наиболее очевидная и распространенная форма сохранения сексистского статус-кво.

Языковое неравенство в положении мужчин и женщин в обществе подтверждается также важной составляющей феминистской теории, получившей название «объективация». Рассматривая проблему отражения социального статуса женщины в языке, Р. Лакофф пишет: «Speech about women implies an object ... whose social roles are derivative and dependent in relation to men» (Когда говорят о женщине, подразумевают ее объектность ..., а ее социальные роли считают производными и зависимыми от мужских) [7, p. 45]. В том числе речь идет и о сексуальной объективации, т. е. восприятии женщины в качестве сексуального объекта с наименьшим вниманием к ее человеческим качествам, так или иначе проявляющимся в общении, работе и т. д. Сексуальная объективация сводится к опредмечиванию женщины, восприятию ее как картинки, абстрактного образа, искусственно наделенного характеристиками, отвечающими интересам мужчин.

В современной лингвистике существует теория объективации, исследованию которой посвящено немало работ. Согласно этой теории (см. например, [3, p. 17]), женщины становятся сексуальным объектом, который предназначается для дальнейшего использования мужским полом. Сексуальная объективация имеет место быть в случае, когда женское тело или его части воспринимаются отдельно от личностных характеристик женщины в качестве физических объектов мужских желаний.

Сторонники теории объективации говорят о двух ее способах. Первый способ, прямой и явный, подразумевает случаи сексуальной объективации, когда женщины нередко предстают не совсем одетыми, служат своего рода привлекательным фоном для рекламируемого товара. Более того, иногда таким фоном выступает всего лишь часть тела женщины (например, зона декольте). Заметим, что здесь речь идет не только и не столько о сексуальности. Речь — об объективации женщины. Сексуальность мужчины также довольно часто используется средствами массовой коммуникации для продвижения идеи о привлекательности или престижности какого-то товара. Однако при этом мужчины, как правило, выступают в качестве субъектов, для которых те или иные престижные предметы предназначены. В этом кроется принципиальное отличие: женщины служат своеобразным фоном, красивой формой/оболочкой, на которую что-то надето. В результате женщина не предстает как субъект, который владеет чем-либо; наоборот, возникает стойкое ощущение объектности женщины.

Второй способ, косвенный и скрытый, подразумевает восприятие женщинами сексуальной объективации или самообъективацию. Фредриксон и Робертс [3] полагают, что женщины нередко бывают сильно зависимы от мнения, высказываемого посторонними людьми. В результате женщина может начать воспринимать себя в качестве объекта, который оценивают по внешним признакам. Самообъективация проявляется в большей степени

на атрибутах внешнего вида и на том, как часто женщина следит за своей внешностью.

Процессы, ведущие к объективации женского, берут свое начало в детском возрасте. Исследования свидетельствуют, например, о том, что в названиях порядка 36,5 % детских книг используется имя персонажа мужского рода. При этом персонажи женского рода упоминаются только в 17,5 % названий [11, р. 202]. Кроме того, в качестве главных героев детских книг почти всегда выступают представители мужского пола. В частности, в работе Дж. МакКейб отмечается, что только в 33 % книг главными персонажами были представители женского пола [11, р. 202]. Указанное исследование интересно тем, что ученые попытались сравнить разные издательства, разных авторов, а также постарались учесть фактор времени выхода книг. При учете всех этих факторов общий тренд оставался неизменным: персонажей мужчин в детских книгах значительно больше, чем женщин.

Этот дисбаланс не исчезает и в более поздние периоды жизни человека. Например, женщин, которые являются главными героями или ведущими различных шоу, играют главные роли в фильмах, рекламных роликах, существенно меньше, чем мужчин. Стоит отметить, что большинство женщин, которые предстают перед зрителем на экране, часто выступают в так называемых ‘supporting roles’: матери, жены, домохозяйки и т. д. Еще один стереотип заключается в том, что почти все такие женщины очень привлекательны, ухожены, не отягощены лишним весом и — нередко — молоды. Результаты исследований, кажется, подтверждают это. Так в работе М. Лаузен утверждается, что в 2011 году лишь 11 % главных героев наиболее кассовых фильмов — это женщины [8]. При этом в том же 2011 году женщинами было куплено 55 % всех билетов на киносеансы.

Нам представляется, что объективация ведет к конструированию человека как объекта (предмета), в связи с чем подвергающиеся объективации («опредмечиванию») индивиды теряют часть своей полноценной человеческой сущности, своей «humanness» [2, с. 34]. Речь идет о своего рода «дегуманизации». Ученые предположили, что определенные характеристики воспринимаются людьми как более или менее существенные и важные для человека. «Дегуманизация» выражается в отсутствии или нехватке у других людей каких-либо значимых черт «человечности», поскольку «индивиду свойственно приписывать себе больше, а другим людям меньше фундаментально важных человеческих черт» [2, с. 34]. Фокусирование внимания на внешности индивида, а не на его существенных характеристиках, приводит к восприятию этого индивида как несколько менее «human».

Таким образом, исследователи пришли к выводу, что

- женщины, в целом, воспринимаются как менее компетентные;
- женщины, в целом, воспринимаются как индивиды, утратившие часть фундаментально важных человеческих качеств [4, р. 392].

Более того, стоит отметить, что объективация затрагивает женщин не только на внутриличностном (intrapersonal), но и на межличностном (interpersonal) уровне, что может оказать определенное влияние на шансы индивида добиться успеха в конкретной области.

Этот сохранившийся патриархатный тренд представления женщины в качестве объекта не может не находить языкового выражения. Представляется интересным проследить за тем, какие именно языковые механизмы могут быть задействованы в этом процессе. Кроме того, языковой материал был

намеренно взят из произведений, написанных и изданных в XXI веке. Это решение было осознанным, учитывая тот факт, что тексты художественных произведений являются в значительной мере проекцией реальности, в которой существует автор — носитель языка.

В ходе исследования были обнаружены следующие лексико-грамматические способы выражения объективации в современном английском языке: использование страдательного залога (наиболее частотный способ на нашем языковом материале), переходных глаголов, модальных глаголов и так называемых ‘empty adjectives’ («пустых» имен прилагательных). Этот список, безусловно, не является исчерпывающим. Он в какой-то степени показателен только для нашего материала.

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой страдательный залог определяется как «грамматическая категория глагола, выражающая различные отношения между субъектом и объектом действия» [1, с. 46]. В приводимом ниже примере это иллюстрируется достаточно красноречиво:

«*But I want to be loved. I have always been loved*» [5, p. 215]

«Я хочу быть любимой. Я всегда была любима» (здесь и далее перевод наш. — А. Г.).

Более того, отметим своего рода пассивность женщины и в следующих строчках автора:

«*I am happy; I am in his arms, my face crushed against his padded jacket, his arms around me as tight as a bear, so that I cannot breathe*» [5, p. 156].

«Я счастлива; Он крепко, как медведь, сжимает меня в своих объятиях. Мне почти нечем дышать».

Когда речь идет о переходных глаголах, то, по сути, говорят о дифференциации между активным субъектом и пассивным объектом, на который «переходит» действие, который подвергается определенному воздействию. Эта дихотомия находит отражение и в нашем материале: мужчинам наделены статусом субъекта, в то время как женщины строго объективированы:

«*When I look up into his beloved weary face, he kisses me so hard that I close my eyes and think myself a besotted girl again. I catch a breath, and he kisses me some more*» [5, p. 156].

«Когда я поднимаю глаза и вижу его милое уставшее лицо, он крепко целует меня. Так крепко, что я снова себя чувствую потерявшей голову от любви девушкой. А он целует меня снова и снова».

«*He had considered her the perfect wife: beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent the once or twice a month when he came to her bed*» [10, p. 246].

«Он считал ее идеальной женой: красивой, уравновешенной, непроблемательной, молчаливо соглашающейся на его нечастое — раз или два в месяц — появление в ее спальне».

Данный пример также содержит пример объективации женщины, созданный посредством использования переходного глагола *consider*. Более того, в данном предложении образ «идеальной жены» собирается посредством эпитетов: *beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent*. Таким образом, создается впечатление, что у женщин не должно быть своего мнения, личных желаний и запросов; внутренний мир женщины и её переживания не имеют значения, важна только внешность, и вместе с этим женщина должна подчиняться мужчине так, словно это её главное предназначение в жизни.

«*From the start, he had only wanted someone young and attractive to wear on his arm*» [10, p. 168].

«С самого начала ему требовалось лишь нечто молодое и привлекательное, нечто такое, что можно носить на руке».

В данном примере также используется переходный глагол *want*, за счет которого женщина, подразумеваемая под местоимением *someone*, становится не субъектом, а объектом повествования. Более того, используется прием метафоры, посредством которого женщина сравнивается с красивым аксессуаром, который носят на руке, например, часами или браслетом.

Как известно, основным значением английского модального глагола *must* является выполнение чего-то обязательного, требующегося по закону или по каким-либо общепринятым правилам. В этой связи нам представляется небезынтересным следующий пример:

«*Perhaps, Clare thought, she was in love with the doctor and thought she must protect him from hordes of hysterical, demanding patients*» [9, p. 43].

«Возможно, Клэр верила в то, что влюблена в доктора, как и в то, что ей следует оберегать его от толпы истеричных и требовательных пациенток».

Кроме того, что роль женщины в данной ситуации сводится к защите мужчины, которого она любит, внимания также заслуживает прилагательное *hysterical*, употребленное как часть словосочетания *hordes of hysterical, demanding patients*. Представляется вполне логичным предположить, что большая часть *толпы истеричных и требующих внимания пациентов*, представлена женщинами. Это предположение, конечно, следует тщательно проверить, опираясь, например, на словарные дефиниции прилагательного *hysterical*.

Приведем еще один пример с модальными глаголами. Как известно, основным значением глагола *should* является выполнение действия, которое говорящий считает правильным, исходя из чувства целесообразности или ответственности:

«*Cole says the only jewelry a woman should wear besides a cross is a wedding ring. <...> “But it’s perfectly fine for him to wear all those big shiny belt buckles and turquoise bolo ties. It’s different for men”, Becca said*» [6, p. 47].

«По мнению Коула, из украшений женщина — кроме нательного крестика — может позволить себе еще только обручальное кольцо».

Как видим, мужчина считает себя вправе определять, что должна и не должна носить женщина, какие украшения — только крестик и обручальное кольцо — могут быть уместны. Женщине отказывается в праве принимать собственные решения; она в очередной раз выступает в роли объекта.

Словосочетание ‘empty adjectives’ было когда-то введено в лингвистический оборот профессором Р. Лакофф, когда она рассуждала о специфических женских характеристиках английского языка [7, p. 34]. Она имела в виду такие имена прилагательные, как *lovely, adorable, charming, divine*. В качестве примера можно привести следующее предложение:

«*Oh, where did you buy that lovely blouse of yours?*» [6, p. 74].

«*Боже, где ты раздобыла эту прелестную блузку?*».

Прилагательное *lovely* можно назвать «пустым», точнее «опустошенным», не несущим никакого особенного смысла.

Итак, в статье предпринята попытка подхода к освещению некоторых языковых механизмов, которые могут быть задействованы при объективации женского образа. Представляется, что перечисленные способы представляют собой далеко не исчерпывающий список по нескольким причинам.

Во-первых, мы ограничились в своем анализе лексическими и морфологическими механизмами, совершенно не касаясь синтаксического строя языка. При этом отдаем себе отчет в том, что и пласт возможностей лексико-морфологического характера проанализирован далеко не в полном и не в должном объеме. Намечены лишь некоторые, показавшиеся нам перспективными, направления. Во-вторых, объективация как один из видов манифестации языкового сексизма многолика и изменчива. Она — так же, как и сексизм в целом — еще долго будет приковывать внимание исследователей и требовать тщательного изучения.

Список литературы

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. *Григорян А. А., Григорян А. Ю.* Объективация как способ пейоризации образа женщины // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. Вып. 14. С. 37—41.
3. *Fredrickson B. L., Roberts T.-A.* Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks // *Psychology of Women Quarterly*. 1997. Vol. 21, № 2. P. 173—206.
4. *Glick P., Larsen S.* Evaluation of Sexy Women in Law and High Status Jobs // *Psychology of Women Quarterly*. 2005. Vol. 29, № 4. P. 389—395.
5. *Gregory Ph.* *The Lady of the Rivers*. New York: Simon & Schuster, 2011. 512 p.
6. *Jordan H.* *When She Woke Up*. London: Harper Collins Publishers, 2012. 344 p.
7. *Lakoff R.* *Language and Woman's Place*. New York: Harper and Row, 1975. 309 p.
8. *Lauzen M. M.* It's a Man's (Celluloid) World: On-Screen Representations of Female Characters in the Top 100 Films of 2011 // Center for the Study of Women in Television and Film, San Diego State University. URL: http://womenintvfilm.sdsu.edu/files/2011_Its_a_Mans_World_Exec_Summ.pdf (дата обращения: 28.03.2021).
9. *Lively P.* *The house in Norham Gardens*. London: Jane Nissen Books, 2004. 154 p.
10. *Marchall J.* *The Other Side of the Mirror*. New York: Pinnacle Books Windsor Publishing Corp, 2007. 318 p.
11. *McCabe J.* Gender in twentieth-century children's books: Patterns of disparity in titles and central characters // *Gender & Society*. 2011. Vol. 25, № 2. P. 197—226.

УДК 821.161.1.09"18"
ББК 83.3(2=411.2)53-8
DOI: 10.46726/Н.2021.2.2

Н. В. Капустин

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «СТРАХ»: ЖАНРОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ И ОБЕРТОНЫ СМЫСЛА

В центре внимания автора статьи рассказ А. П. Чехова «Страх», в одном из писем названный писателем рождественским и опубликованный 25 декабря 1892 года в газете «Новое время». Это способно вызвать недоумение, поскольку действие рассказа происходит летом, что, кажется, безгранично удаляет «Страх» от традиционного святочного/рождественского канона (приуроченность художественного времени к зимнему праздничному циклу — Святки, Рождество, Новый год). Однако, называя рассказ рождественским, Чехов имел в виду его центральный мотив, каким оказывается типичный для этой повествовательной формы мотив страха. В статье показано своеобразие чеховской трактовки данного мотива, сближающей его не со сферой необыкновенного, чудесного, ирреального, как предписывала традиция, а с обыкновенными проявлениями реальной человеческой жизни. Возникнув в контексте святочной словесности, трактовка страха в рассказе Чехова была смещена в иное смысловое пространство, а связь с традицией лишь подчеркивала его новизну. На отталкивании от старого, привычного выростала новая художественная концепция, кардинально расходящаяся с привычным «горизонтом ожидания» читателя, знакомого с газетной святочной и рождественской словесностью. Проведенные параллели с темой страха у И. С. Тургенева и С. Кьеркегора уточняют смысловые звенья чеховского понимания страшного.

Ключевые слова: Чехов, святочный/рождественский рассказ, мотив страха, жанровые метаморфозы.

N. V. Kapustin

CHEKHOV'S STORY «FEAR»: GENRE METAMORPHOSES AND OVERTONES OF MEANING

The article is devoted to the short story of Anton P. Chekhov «Fear». Chekhov himself considers his story as a «Christmas story» (it was published on December, 25, 1892 in «Novoe Vremya» newspaper). It is a bit paradoxical because the narration covers summer time. That seems to extremely distance the story from the traditional Christmas canon (Christmas is celebrated in winter: Christmastide, Christmas, New Year). Yet, by naming his story a Christmas one Chekhov alluded to the central motive of fear so typical of a Christmas story. The author of the article shows how Chekhov interprets the motive of fear in his story. According to Chekhov the motive of fear is connected not with the sphere of unusual, wonderful, unreal (as it was traditionally done before in the genre of Christmas story) but with the usual events of the real life. Thus, the interpretation of fear was transferred to another semantic field while the connection with the tradition emphasized the innovative nature of Chekhov's story. Chekhov creates the new concept in fiction that was absolutely new for the reader who was used to the traditional

---

© Капустин Н. В., 2021

Christmas stories published in the newspapers. The author of the article also analyzes the motive of fear in the works of Ivan S. Turgenev and S. Kjerkegor. These parallels reveal Chekhov's understanding of «fear» as well.

Key words: Chekhov, Christmas story, motive of fear, genre metamorphoses.

Свойственные тому или иному жанру признаки нередко существуют в сильно трансформированном виде. В таком случае читатель не всегда осознает их как качества, присущие данному жанру, что, естественно, сказывается на понимании текста. «Диалогизирующий фон» (М. М. Бахтин) уходит из сферы восприятия, возникают потери смысла, особенно ощутимые тогда, когда автор рассчитывает, что его установка на диалог с традицией будет замечена. Потаенным, скрытым от реципиента оказывается то, что писатель как раз не собиравшись скрывать, а, наоборот, акцентировал, обыгрывая традиционное и тем самым добиваясь прироста смысла.

Жанровые формы русской литературы XIX века изучались более чем основательно, но лакуны еще остаются. Так, в частности, сравнительно недавно предметом специального рассмотрения стали формы массовой календарной словесности, во взаимодействии с которыми, как выясняется, был создан ряд выдающихся произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и других русских писателей [3; 4]. Среди них нужно назвать А. П. Чехова. Своеобразие связанных с церковным и народным календарем пасхальных и святочных рассказов Чехова раскрыто в работах Е. В. Душечкиной и А. С. Собенникова [3; 7]. Однако несколько чеховских произведений, вступающих в довольно сложные интертекстуальные отношения с календарной словесностью, оказались за пределами внимания. К ним относится и рассказ «Страх» (1892), названный Чеховым в письме к Н. М. Ежову от 25 декабря 1892 года рождественским.

В том, что «Страх» фактически никогда не рассматривался в контексте рождественской словесности¹, ничего удивительного нет. Святочный рождественский рассказ (термины «святочный» и «рождественский» строго не различались и были взаимозаменяемыми) — форма с твердыми жанровыми признаками, главными из которых являются приуроченность художественного времени к зимнему праздничному циклу (Святки, Рождество, Новый год) и набор устойчивых мотивов: гадания, ряжения, сна, «нечистой силы», разнообразных вариантов «рождественского чуда» и др. [3]. Чеховский рассказ не вызывает ассоциаций со святочным прежде всего потому, что действие в нем происходит в июле. Нет в нем и перечисленных устойчивых мотивов. Но картина изменится, если среди постоянных признаков святочного жанра назвать еще один, имеющий непосредственное отношение к рассказу Чехова. Речь идет о мотиве страха.

Характерная для Чехова тема страха, разумеется, не всегда соотносилась им со святочной литературой [2]. В то же время Чехов, прекрасно знавший календарную словесность еще со времен сотрудничества в «малой прессе», ясно создавал, что мотив страха, часто соединявшийся с изображением сверхъестественных сил и явлений, — типичная принадлежность массовой

---

¹ Исключение — работа, автор которой, однако, ограничился указанием на время публикации рассказа и его непохожесть на типичные образцы святочной литературы (Есин Б. И. Чехов-журналист. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977).

святочной продукции. Об этом, например, свидетельствуют его святочные рассказы «Страшная ночь» (1884), «Ночь на кладбище» (1886), «То была она» (1886), в которых тема страха разработана в комическом ключе. Именно мотив страха, но существеннейшим образом трансформированный в сравнении с традиционным, и позволил Чехову отнести рассказ «Страх» к рождественским. Место первой публикации — рождественский выпуск газеты «Новое время» — закрепляло связь чеховского произведения со святочной литературой. При этом «Страх», как и «Гусев», появившийся в «Новом времени» 25 декабря 1890 года, конечно, разрушал «горизонт ожидания» тех читателей, которые были любителями традиционных образцов святочного жанра. Впрочем, читатель чеховской поры в значительной мере был подготовлен к метаморфозам жанра, поскольку процесс размывания стабильной некогда формы стал довольно распространенным. В результате «в рождественских выпусках периодических изданий могли печататься тексты, сюжетно не приуроченные к празднику» [3, с. 195]. Таким образом, появление рассказа «Страх» в рождественском выпуске было по-своему закономерно.

Народным сознанием святки воспринимались как время разгула сверхъестественных сил. Согласно русским верованиям, «...Бог, радуясь рождению сына, выпускает из “иного мира” покойников и нечистую силу “гулять по белу свету”» [1, с. 352]. С существами иного мира и была преимущественно связана свойственная святочному времени атмосфера страха, нашедшая воплощение, в частности, в жанре былички. Будучи родственным быличке, святочный рассказ (в его наиболее традиционном варианте) унаследовал присущую фольклорному жанру разработку темы страха, с которой, как правило, корреспондировали представления о странных, необъяснимых случаях. Тягу человека к таинственному, непонятному хорошо объяснил автор «Святочного фельетона», писавший, что «возможность вмешательства тайной сверхъестественной силы в нашу прозаическую жизнь так заманчива, так интересна, что нет ни одного человека, даже самого отчаянного атеиста, который бы не нашел в своей жизни хотя одной минуты, хотя одного маленького факта, когда ему пришлось испытать нечто необъяснимое» [6, с. 8]. Тесная связь мотива страха с inferнальным, свойственная святочной словесности, и стала предметом переосмысления Чехова.

По наблюдениям Е. В. Душечкиной, характерную для святочного времени тему сверхъестественного, непонятного по-своему трактовали Гоголь, Билевич и Полевой [3]. Иные акценты внесены Лесковым и другими писателями [7]. Однако чеховская концепция непонятного, необъяснимого, страшного была своеобразна.

Рассказ Чехова — не только об особом ощущении страха, но и о том, почему такое ощущение возникает. Это рассказ о феномене сознания и драматичной судьбе русского «слабого» человека.

Монолог Силина, раскрывающий его восприятие страшного, строится, как уже было сказано, с явной ориентацией на типичные мотивы святочного рассказа. Главное в его позиции проявлено в двух адресованных рассказчику вопросах, в сущности, уже подразумевающих ответ, который открыто звучит в самом начале монолога: «Наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны. Кто боится привидений, тот должен бояться и меня, и этих огней, и неба, так как все это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менее, чем выходцы с того света» [10, т. 8, с. 130]. То, что это доминанта, подчеркивают повторы: «...страшны видения, но страшна

и жизнь. Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни», «...я болен боязнью жизни» [10, т. 8, с. 131]. «Загробный мир», «привидения», «выходцы с того света», «видения», чуть ранее «таинственное», «фантастическое», «непонятное» — слова и словосочетания, соотносимые с мотивом страха в традиционном святочном рассказе. Совмещение названного мотива с не менее непонятной, чем загробный мир, реальной человеческой жизнью привело его к коренному изменению.

Чем же, с авторской точки зрения, объясняется то ощущение страха, которое делает мучительной жизнь Силина? Ответ на этот вопрос выводит к чеховской концепции жизни и человека.

Монолог Силина художественно организован так, что в нем раскрываются представления о страхе и одновременно выявляются их истоки. «Спутниками» понятий страха и страшного оказываются слова «непонятно», «не знаю», «не понимаю», которые проходят через весь монолог. С мыслями Силина о том, что реальная жизнь непонятна, а потому страшна, согласился бы сам Чехов. «Страх, как и одиночество, проистекает в мире Чехова из самой “сущности жизни”», — утверждает Р. Лапушин [5, с. 15]. Но главное в мировосприятии героя объясняется не объективными сложностями, стоящими на пути познания сущности жизни, не тем непонятным, что в ней есть, а субъективными факторами: свойствами мировоззрения, психоэмоциональным складом характера и личными обстоятельствами жизни.

Мировоззрение Силина внутренне противоречиво, путанно, непоследовательно. Он довольно хорошо осознает, что «...мы мало знаем и поэтому каждый день ошибаемся, бываем несправедливы, клеветаем, заедаем чужой век, расходует все свои силы на вздор, который нам не нужен и мешает нам жить...» [10, т. 8, с. 131]. Причинно-следственная связь в этой фразе налицо: между знанием о мире и непонятным (соответственно — страшным) существует зависимость. Реплика героя построена так, что содержит имплицитное указание на перспективу преодоления страха: нужно искать истину. Но подобная мысль в сознании Силина даже не мелькает, наоборот, он уже давно, не без доли гордого самоуничтожения избрал другое: «Я человек от природы не глубокий и мало интересуюсь такими вопросами, как загробный мир, судьбы человечества, и вообще редко уношусь в высь поднебесную» [там же]. Реально, однако, чеховский герой как раз «уносится» в высокие сферы, потому что задумывается над вопросами самого высшего плана: о цели и смысле жизни, цели и смысле человеческой деятельности. Найти ответы он не может, да, собственно, и не ищет их, остановившись на стадии констатации непонятного и страшного. Не претендуя на поиск «общей идеи», Силин не понимает, что его страх в значительной мере вызван ее отсутствием. Напрашивается параллель со «Скучной историей», где поставлен «диагноз», проясняющий мировосприятие героя рассказа «Страх»: «Когда в человеке нет того, что выше и сильнее всех внешних влияний, то, право, достаточно для него хорошего насморка, чтобы потерять равновесие и начать видеть в каждой птице сову, в каждом звуке слышать собачий лай» [10, т. 7, с. 307].

Мировосприятие Силина мотивировано не только отсутствием «общей идеи». Чувство страха в какой-то момент возникает и у рассказчика, который, судя по всему, также не имеет цельного мировоззрения. И все-таки его настроение воспринимается как кратковременное, Силин же обречен всю жизнь находиться в «пограничном состоянии». Он человек с психастеническими свойствами характера, сложности существования которого

усугубляются семейным неблагополучием. Все это сильнейшим образом влияет на склад его мыслей.

Своего рода «двойником» Силина является Гаврила Северов, воплощение судьбы которого не имя, а прозвище — Сорок Мучеников. По-видимому, Чехов осознанно создавал противоречие между именем (Гавриил — «сила Божья») и прозвищем, акцентируя мотив несостоявшейся, пошедшей по другому руслу жизни. В данном случае обыгрывается и мысль о слабости русского человека, которая к тому же выражена через несовпадение имени и характера главного героя рассказа: вопреки своей фамилии, Силин — тип слабого человека, бессильного что-либо изменить в собственной жизни. Финал повествования (Силин с изменившей ему женой продолжают жить вместе) — еще одна вариация устойчивого в творчестве Чехова мотива Екклесиаста: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» [Еккл. 1:9]².

Возникнув в контексте святочной словесности, трактовка страха в рассказе Чехова была смещена в иное смысловое пространство, а связь с традицией лишь подчеркивала новизну его концепции. Впрочем, ее своеобразие проявляется не только на фоне массовой святочной литературы. Исходные реплики Силина воспринимаются как почти дословные цитаты из тургеневского «Довольно», где, в частности, говорится о том, что «не привидения, не фантастические силы страшны; не страшна гофманщина, под каким бы видом она ни являлась...». Однако в целом понимание страха у Тургенева и Чехова существенно отличается. Убеждение тургеневского художника «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» [8, с. 227] — это принципиально иной аспект восприятия в сравнении с Силиным, для которого «страшны видения, но страшна и жизнь» [10, т. 8, с. 131].

Парадоксальная мысль тургеневского героя («Страшно то, что нет ничего страшного...») вызвана осознанием кратковременности, конечности человеческого существования, тщеты человеческих усилий перед лицом неизбежной смерти. Представление о смерти возникает и у героя Чехова, но не оно источник его навязчивого состояния. Его страшит не преходящее человеческой жизни — страшат самые обыкновенные ее проявления, которые невозможно понять. Главное в позиции Силина, как уже было отмечено, определяется индивидуальными особенностями его мировоззрения, психоэмоционального склада, семейными обстоятельствами. Эта позиция не дана Чеховым как некая универсальная истина, да и сам герой не претендует на открытие сущности бытия, к тому же в его монологе утверждение и вопрошание идут рядом друг с другом. Вместе с тем чеховский герой, называющий себя «человеком от природы не глубоким», оказался выразителем мыслей, не звучавших в русской литературе, в которой тема страха преимущественно объединялась с проблемой смерти, с метафизическим, ирреальным.

Возможны параллели между Чеховым и Кьеркегором, который глубже, чем кто-либо, подошел к феномену страха. Но и в этом случае акцент должен быть поставлен не на сходстве, а на различии. По словам Л. Шестова, Кьеркегор «открыл в себе и в других безотчетный, беспричинный и бессмысленный страх <...> страх пред Ничто» [11, с. 55]. Разъясняя его философию,

---

² О мотивах Екклесиаста у Чехова см.: *Капустин Н. В.* Религия // А. П. Чехов: энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 328—329.

Шестов подчеркивал мысль Кьеркегора о немотивированном страхе, который нужно отличать от «боязни, опасений и других подобных душевных состояний, всегда вызываемых какими-нибудь определенными причинами» [11, с. 85]. Именно «страх пред Ничто» был главным предметом размышлений автора «Болезни к смерти». Страх же чеховского героя мотивирован, причем как объективными, так и субъективными причинами. Различие, кроме того, в том, что Кьеркегор рассматривал понятие страха в теологическом контексте, который в рассказе Чехова отсутствует. Согласно датскому философу, страх — решающее условие в обращении человека к Богу. В рассказе Чехова религиозной идеи нет. Показательно, что церковь, несколько раз упоминаемая в повествовании, ни у рассказчика, ни у Силина, ни у Сорока Мучеников не вызывает каких-либо надежд и никак не выделена в ряду других признаков предметного мира. Ясно, что страх, который владеет Силиным и на какое-то время охватывает рассказчика, не является для них истоком возникновения веры. И еще об одном. Пафос Кьеркегора в том, что разум противоположен вере — единственной силе, освобождающей от страха. В поисках пути преодоления страха Кьеркегор шел не к Гегелю, а Иову, не к Сократу, а Аврааму, потому что «ненавидел разум больше всего на свете» [11, с. 31]. Мысль же Чехова и его героев находится в сфере влияния традиций европейского рационализма: «страшно то, что непонятно». Однако поиск истины на рациональной основе — не единственная возможность победы над страхом, мысль о чем имплицитно присутствует в рассказе.

Сосредоточенность на одном, безмерно длящееся, как правило, негативно оцениваются Чеховым. *Idee fixe* закрывает горизонт, превращая жизнь Силина в вариант «футлярного» существования. Примечательно, что в отличие от него рассказчик, не подверженный всепоглощающему влиянию страха, способен к объемному восприятию. Ему дано видеть явления природного мира, свет костра, слышать то, что проходит мимо Силина, не оставляя никаких следов в его сознании. Это ему принадлежат слова: «...нам сквозь решетку ограды были видны река, заливные луга по ту сторону и яркий, багровый огонь от костра, около которого двигались черные люди и лошади. А дальше за костром еще огоньки: это деревушка... Там пели песню» [10, т. 8, с. 130]. Силин же смотрит — «нам были видны» (курсив наш. — *Н. К.*) — и... не видит ничего, кроме ключев тумана, меняющиеся очертания которых наводят его на мысль о привидениях и покойниках, подталкивающую к монологу о «страшном». А ведь открывается пространство иного мира, полюс жизни, противостоящий страху. Характерно, что Силин не замечает костра, который в таких «программных» произведениях Чехова, как «Студент» и «В овраге», символизирует свет и теплоту человеческого мира и является залогом преодоления тяжелого душевного состояния героев. Из этого пространства в принципе не исключена и церковь. Другое дело, что для героев рассказа она «закрыта» и что автор не настаивает на приобщении к религиозной вере как решающему и универсальному, возможному для всех пути выхода из кризиса.

Литературный и философский контекст, проясняющий своеобразие рассказа «Страх», может быть значительно расширен, но уже сейчас довольно отчетливо видны метаморфозы, происходящие с жанром святочного рассказа в творчестве Чехова. Характерный для святочной словесности мотив страха приобретает совершенно иное измерение: непостижимым (а потому страшным) становится не только и не столько ноуменальное, сколько феноменальное, не сверхъестественное, а обыкновенное. И хотя отождествлять

точки зрения автора и персонажа нет оснований, нельзя утверждать и то, что Чехов воспринимает позицию своего главного героя исключительно как аномалию, не имеющую никакого отношения к реальности. Художественная концепция рассказа корреспондирует с мыслью О. Уайльда, которую очень кстати вспоминает Н. И. Ульянов, говоря о специфике «мистицизма» Чехова: «Истинная тайна мироздания в видимом, а не в невидимом» [9, с. 86]. Обыгрывая мотив страха, ставший клишированным признаком святочного рассказа, Чехов обманывал жанровые ожидания читателя, думая, однако, не о «пощечине общественному вкусу», а о преодолении стереотипов восприятия. Трансформация традиционного была адекватна этой установке, внося обертоны смысла, возникающие на пересечении старого, привычного и нового, неожиданного.

Список литературы

1. *Виноградова Л. Н.* Святки // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Эллис ЛАК, 1995. С. 351—353.
2. *Долженков П. Н.* Тема страха перед жизнью в прозе Чехова // Чеховиана: мелиховские труды и дни: статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1995. С. 66—70.
3. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Яз. центр СПбГУ, 1995. 256 с.
4. *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 249—261.
5. *Лапушин Р.* Не постигаемое бытие: опыт прочтения А. П. Чехова. Минск: Пропилей, 1998. 116 с.
6. Петербургский святочный рассказ. Л.: Петрополь, 1991. 174 с.
7. *Собенников А. С.* Между «есть Бог» и «нет Бога»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 224 с.
8. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978—2018. Т. 7. 559 с.
9. *Ульянов Н. И.* Мистицизм Чехова // Русская литература. 1991. № 2. С. 84—93.
10. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974—1983.
11. *Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс — Гнозис, 1992. 304 с.

УДК 821.161.1.09"19"-1/-9

ББК 83.3(2=411.2)6-446

DOI: 10.46726/H.2021.2.3

*Д. Л. Лакербай***И КОНЬ, И ТРЕПЕТНАЯ ЛАНЬ:
ЗАМЕТКИ О ФЕНОМЕНЕ
СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ЖУРНАЛИСТА**

Настоящая статья посвящена проблеме неразличимости художественного и журналистского текста в произведениях «большого стиля» сталинской эпохи. Концепт «литература» историчен, поэтому исследовать необходимо именно историческую конфигурацию литературы, в первую очередь определяя релевантные контексты. Таким контекстом для сталинской эпохи становится государственная стратегия полного включения литературы в парадигму социального утилитаризма и социальная инженерия. В рамках этого единого задания художественное произведение и журналистский текст теряют свои различительные признаки, так как оба несут одинаковый пафос. Сходство наблюдается также в темах, проблемах, жанрах, языке. Ярким примером такой гибридной словесности является творчество известного советского писателя Бориса Горбатова. Его роман «Мое поколение» представляет собой беллетризованную публицистическую хронику, в которой каждый эпизод и образ создан публицистическими средствами. Автор постоянно напоминает читателю, что пишет не свою автобиографию, а биографию поколения. Он заранее представляет все идеологические оценки, предлагает читателю готовую схему, которую старается оживить с помощью деталей, как в очерке. Горбатов также постоянно сообщает, что его текст имеет прямое отношение к действительности, и нередко переходит на открытую публицистику.

Ключевые слова: историческая конфигурация, социальная инженерия, инструментальная функция, беллетризованная публицистическая хроника, тенденциозность.

*D. L. Lakerbay***BOTH THE HORSE AND THE DELICATE TREMBLING DOE:
NOTES ON THE PHENOMENON
OF THE SOVIET WRITER-JOURNALIST**

This article is devoted to the problem of the indistinguishability of artistic and journalistic texts in the works of the “grand style” of the Stalin era. The concept of “literature” is historical, so it is necessary to study the historical configuration of literature, first of all determining the relevant contexts. Such a context for the Stalinist era is the state strategy for the full inclusion of literature into the paradigm of social utilitarianism and social engineering. Within the framework of this single task, a work of fiction and a journalistic text lose their distinctive features, since both carry the same pathos. There are also similarities in themes, issues, genres, and language. A striking example of such hybrid literature is the work of the famous Soviet writer Boris Gorbатов. His novel “My Generation” is a fictionalized journalistic chronicle, in which every episode and image is created by journalistic means. The author

constantly reminds the reader that he is not writing his own autobiography, but the biography of a generation. He sets out all the ideological assessments in advance, offers the reader a ready-made scheme, which he tries to enliven with the help of details, as in an essay. Gorbатов also constantly reports that his text is directly related to reality, and often switches to open journalism.

Key words: historical configuration, social engineering, instrumental function, fictionalized journalistic chronicle, tendentiousness.

Современные представления о литературе невозможны без усвоенных научной мыслью принципов релятивности критериев и оценок, осознания границ методологических «абсолютов», взаимообусловленности и взаимопроницаемости исследовательских практик. Аксиоматична историчность самого концепта «литература» на протяжении даже ближайшей истории: так, мы не можем подходить к советской литературе, возникшей в результате изменения «ситуации творчества», с критериями и инструментарием XIX века или Серебряного века, — но точно так же не можем установить какую-либо внеисторическую, «нормативно-правильную» оптику по исчезновению этой литературы — тем более в эпоху, когда «деградирующая система литературных институций уступает место телевидению, превращающемуся в главный интегратор российского социума, а затем и новым медиа» [14, с. 168]. Важно всегда держать в поле научной рефлексии представление о многосоставности и варибельности самого понятия «литература», обозначающего целую вселенную не сводимых друг к другу — исторически и типологически — способов «производства» авторов и производства текстов, их рецепции, легитимации, институций и пр. Этот условно «социологический» взгляд на литературу сам по себе, однако, является огромной проблемой как в методологическом плане (с точки зрения сочетаемости друг с другом различных ракурсов и различного инструментария), так и с точки зрения дисциплинарного самоопределения. Даже вполне «традиционный» исследователь констатирует: «Судьбу социологии литературы нельзя признать простой — она всегда находилась на перепутье, всегда оказывалась в методологической растерянности. Это являлось объективным следствием отсутствия научного самоопределения социологии литературы» (по отношению к социологии культуры / искусства) [12, с. 95]. В рефлексии же исследовательского опыта последних десятилетий актуальны методологическое «сожителство» и конкуренция авторитетных концепций: социологии литературы в классическом смысле; «поля литературы» П. Бурдьё (акцентирующего «социальную игру, связанную с борьбой за власть в поле литературы и определяющуюся реализацией потенциала социальных позиций» [14, с. 166]); более «антропологизированного» и теснее сопрягающего филологическое и социокультурное проекта социологии литературы Л. Гудкова и Б. Дубина; Cultural studies и др.

Не углубляясь в эти дискуссии, отметим лишь очевидные предпосылки. Во-первых, в каждой конкретной ситуации исследования мы имеем дело не с «литературой вообще», к которой применимы все имеющиеся в наличии инструменты, а с ее *исторической конфигурацией*, где первоочередной задачей становится поиск релевантного контекста (внутреннего, описывающего способ существования авторов и текстов в их собственном историческом изменении, и внешнего, задающего ситуацию исследователя). Ведь оценка литературы «вне» породившего ее социума всегда есть оценка явно или скрыто

субъективная, всегда есть экстраполяция на нее правил игры другого социума. Явно или подсознательно искомая в литературных текстах «метафизика существования» не прочитывается сама по себе, так как мы в процессе восприятия текста всегда историзируем его как целое, создаем актуальный контекст (самыми разными способами). Художественность текста исторична (социальна) по сути и происхождению, и именно поэтому обладает способностью воспроизводиться с изменениями (в случае «контакта» с новой аудиторией) или не воспроизводиться (отсутствие контакта) — но каждый раз это происходит заново. Так понимаемая «литература» всегда не равна самой себе, и соответственно историк литературы не может игнорировать всю эту многоплановую Историю и заниматься просто «литературой».

Во-вторых, реконструкция «исторического смысла» (в бартовском понимании) литературных явлений невозможна без полноправности, наряду с историко-литературным, историко-культурного, социокультурного и прочих планов исследования, без взаимообусловленности и взаимопроницаемости их. Естественный вопрос о центре и периферии научной практики должен ставиться и решаться каждый раз заново, в зависимости от внутреннего релевантного контекста. Ведь уже разная степень автономности «поля литературы» обуславливает приоритетность тех или иных факторов литературного развития — тем более когда речь идет о реализуемой государством стратегии полного включения литературы в парадигму социального утилитаризма.

Сразу отметим несколько моментов. Во-первых, суть отношения советской власти к литературе, журналистике, искусству в конечном счете определялась задачами социальной инженерии, целью которой было массовое производство «нового» человека; именно поэтому вся культурная жизнь и литература в частности нуждались в тотальной регламентации и «плановом» управлении¹.

Во-вторых, как давно отмечено, «произведения социалистического реализма следует трактовать как источник образцов для социализации, как средство коллективной терапии» [11, с. 209], поэтому успешность всего проекта не имеет прямой связи с эстетически понимаемым условным «качеством текста»: и «качественные» тексты (упрощаясь, банализируясь), и тривиальные, будучи тем или иным образом встроены во властные и массовые ожидания, легко превращаются «в иллюстрации символических событий “национальной истории”, идеологически предписываемые образцы “социального” или “национального” характера, изображения антропологических типов, примеров социального поведения (героичности, предательства, народности) или решения конфликтных ситуаций», играют «важнейшую роль в процессах массовой социализации новых поколений или аккультурации немодерных периферийных слоев общества, втягивания их в сферу письменной культуры, их модернизацию» [6, с. 29].

Как известно, успешность советской «утилитаризации» творчества базировалась на программной деиндивидуализации судьбы советского человека; наиболее достойный с общественной точки зрения вариант ее — построение по какому-либо героическому образцу, от чекиста до полярника. В рамках бинарной политической мифологии выстраивался единый для всей культуры ряд героев и антигероев; вся словесность мыслилась в режиме обязательной манифестации неразделимости «я» и «мы». Система «читатель — писатель» изначально основывалась на социальном родстве обоих, и даже

¹ Документальную хронику этого процесса см. напр., в: [3].

«профессионализация» (создание специального привилегированного отряда «мастеров слова» — Союза советских писателей) не изменила главного: писатель для читателя «выступает в роли своеобразного эксперта модернизации, как образец успешной и в принципе доступной карьеры. Отсюда — особенности языка как соцреалистической прозы, так и языка автобиографических записей и дневников советских людей. Их авторы владеют нормативным языком, языковой нормой, но в то же время ощущается, что он нов для них, что они только недавно выучились...» [11, с. 215]. Нормативность как казенность речи, «необретенная субъектность» роднит типичного советского писателя с чиновником на государственной службе, не сознающим, как правило, степени дискредитации искусства в своей работе (см. выразительнейший коллективный образ МАССОЛИТа в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда даже в момент прозрения поэт Рюхин не в состоянии понять, чем же он радикально отличается от Пушкина). Массовый («конвейерный») автор первого советского поколения с энтузиазмом готовил себя к должности, встраивался в общий нарратив и превращался в собственного цензора (см., напр.: [2, 8]); не навязана сверху, а возвращена совместными усилиями была и рецепция соцреалистических текстов: «Соцреалистическая эстетика — продукт и власти и масс в равной мере. Она была рождена одновременно — эстетическим горизонтом и требованиями масс; имманентной логикой революционной культуры; заинтересованностью власти в консервации массовых вкусов» [9, с. 108]. Но предпосылки неполного разграничения литературы и журналистики в русской культуре и без того имели богатую традицию.

Русскую журналистику можно назвать сиаемским близнецом и классической, и советской литературы — настолько прочны связывающие их узы и настолько переплетены их судьбы. Ключевое связующее понятие здесь — публицистика, а вернее публицистичность как та грань, на которой, пусть и в пафосе высокого убеждения, происходит перелом от самоценно-эстетического к инструментальному, утилитарному. Публицистика растет и из литературы, воспринимаемой писателем в качестве «общественной трибуны», и из литературной критики, актуализирующей в тексте его символический смысл и идеологическое задание. Можно сказать, что журнализм, в высоком понимании этого слова, у русских писателей в крови, и вряд ли возможно в диахроническом аспекте четко разделить продукты писательской деятельности на «целесообразность без цели» и «злобу дня» (не говоря уже о наличии пограничных жанров). Однако сам исторический факт неполной разделенности не отменяет наличия в синхроническом аспекте двух полюсов деятельности — художественного и журналистского. Журналистское слово в принципе инструментально, сиюминутно, мозаично, документально, жестко привязано к текущему моменту, не создает новой художественной реальности — художественный текст исключительно вариативен в своих «привязках», одновременно «историчен» и «анахроничен», так как течение времени не исчерпывает, а раскрывает его смысловую перспективу, но главное — для писателя глагол «писать» непереходный [1, с. 135], слово не орудийно (по крайней мере, всецело), и потому, строго говоря, литература всегда нереалистична и амбивалентна в плане невозможности разделить цель и средство, объяснение и вопрошание, «почему мир таков?» и «как о нем писать?», нарциссизм и гражданственность. Рационализм, утилитаризм и «моментализм» журналистского выступления могут, тем не менее, в определенные эпохи не просто

сравниваться с художественностью, но мыслиться в одной парадигме (вне зависимости от предпочтений): «Самая интересная книга в наше время — это хорошо друг к другу прилаженные газетные вырезки. В них экстракт дней и ночей человека. Литература — хромоподобный подслеповатый барин, газета — живой спортсмен, тренирующий себя у финиша. Газетный журналист ограничен временем, местом и дает события в максимально сжатом виде. Писатель должен эти события подробно расшифровывать» (Л. Рейснер) (цит. по: [13, с. 114]).

Суть неразграничения заключается в превалировании предметно, «денотативно» понимаемого «содержания» над «формой» — иначе говоря, яркая динамичная современность довлеет над бытийным иномирием искусства, непосредственность восприятия над культурными опосредованиями. Это не просто преимущество «что» перед «как» — «что» литературы замещается на «что» журналистики и оснащается инструментально понимаемым «как». Литература в такой трактовке оказывается анахроническим дублетом журналистики, и источники здесь общеизвестны. Это резко проявившиеся в еще в не-красовскую эпоху восприятие литературы как «жизнедеяния» и «общественной трибуны», тенденциозность и публицистическая нагруженность «слова о мире», совмещение писателя и журналиста в одном лице; в дополнение к данной традиции в эпоху пореволюционную само «слово о мире» ассоциируется прежде всего с массинформационными критериями, в первую очередь актуальностью и оперативностью.

«Историческая конфигурация» журналистики здесь пункт исходный, поскольку, во-первых, «журнализм, как социальную профессию, можно считать изоморфной типу государства. Каково государство, таково и журналистика» [13, с. 110]. Иными словами, журналистика непосредственно, буквально зависима от «поля власти», от властного понимания сути и назначения массинформационных потоков, от предлагаемых «правил игры» и «правил мышления». С другой стороны, главным профессиональным отличием журналистики «является ее универсальность, широта, многофункциональность, способность выполнять любые функции, диктуемые моментом» [13, с. 123]. Ясно, что в тоталитарном обществе власть воспринимает и литературу, и журналистику в их инструментальной функции, распределяет и перераспределяет эти функции по своему разумению, формируя тем самым и тип журналиста, и тип писателя. Суммируя все вышесказанное, можем выделить четыре аспекта сопоставления: содержательный (характер метаинформации, «вести»), функциональный (назначение этой «вести»), языковой и авторский (тип творца-коммуникатора).

Поскольку мы говорим о типологии, неизбежны известные упрощения, и все же общий характер массовой советской журналистики ясен. Жесткое подчинение партийным установкам, прямое руководство из партийных комитетов разного уровня, отождествление журналистских и партийных мнений и задач, идеологический, пропагандистский и производственный пафос — словом, многоуровневая фильтрация массинформационных потоков, инструментальный характер профессии, однонаправленность авторитарно-идеологической коммуникации, когда интересы аудитории не столько учитываются, сколько формируются. И хотя реальная практика всегда была сложнее и журналисты поднимали весьма неоднозначные и острые вопросы, «орудийность» СМИ сомнению не подлежала. Но ведь даже в эпоху «оттепели» сомнительный хрущевский комплимент (о журналистах как «подручных» партии) легко переадресовывается советской литературе — собственно говоря,

для власти и Союза писателей так оно и было, и никакого внятного «разделения функций» попросту не существовало. Уже знаменитая ленинская статья «Партийная организация и партийная литература», давшая основной подход к искусству в советскую эпоху, фактически отождествляет писателя и журналиста, лишая первого творческой свободы, второго — свободы поиска, понимания и предъявления информации, укладывая обоих на прокрустово ложе идеологии и пропаганды. Советская власть впрягла в одну упряжку коня и трепетную лань, дала им на двоих одно туловище, и далее партийные постановления о литературе показывают их неразделимость — даже издаются, к примеру, в сборниках типа «КПСС о средствах массовой информации и пропаганды». Власть согласна лишь с тем, что (стандартная оговорка) литература, безусловно, «дело тонкое», понимая под «тонкостью» более сложный характер данного инструмента и создавая корпус советских писателей и критиков (через организацию ССП и Литинститута) как привилегированный отряд «мастеров слова», т. е. не проводя принципиальных качественных различий. И действительно, качественные различия перекрываются общими «боевыми задачами», охватывающими всю сферу духовного производства, понимаемую прежде всего как сфера идеологии, и формулируются в категории «долженствования»: «Правдивость и историческая конкретность художественного изображения должна сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания трудящихся людей в духе социализма <...> Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра <...> Будьте активнейшими организаторами перedelки сознания людей <...> Будьте на передовых позициях борцов...» [10, с. 376—377]; «Основным героем наших книг мы должны избрать труд <...> Мы должны выучиться понимать труд как творчество» [5, с. 379—380]. В качестве характерных примеров можно привести деятельность газеты «Культура и жизнь», с первого номера адресующей литературе и прессе исключительно одни и те же требования (классовый подход при оценке фактов жизни, широкая и повседневная пропаганда ленинского мировоззрения, воспитание коммунистического сознания и т. п.) и знаменитую кампанию 1946 года.

На самом деле разграничение функций, конечно, существовало, однако оно находилось вне поля зрения массового писателя и журналиста, так как носило всецело сверхличный характер и было укоренено в мифологемах новой цивилизации, в социальных истоках и процессе производства всей советской культуры. Государство как «тотальное произведение искусства» продуцировало фиктивный мир, где неуловимыми становились сущностные различия (см.: [7, с. 8]). Вся суть именно в этой «неуловимости», в смещении эстетических — с одной стороны, — а с другой — журналистских («правда факта») критериев в одну и ту же сторону, где различия нивелируются, становятся факультативными, а получившийся продукт имеет общее и с журналистикой, и с литературой, но представляет собой нечто среднее — «коня» и «лань» одновременно, если можно так выразиться.

Самосознание советских писателей в целом, естественно, разграничения литературы и журналистики не содержит, что отражается в их поведении: они легко и нередко добровольно целыми бригадами «мобилизуются» на всевозможные ударные стройки, производства и колхозы, идут в газеты, в любой нужный партии и государству момент (например, во время войны) в массовом порядке становятся журналистами, дружно откликаются на сформулированные партией актуальные тематические задания общественно-политического

и социального характера. Советский писательский журнализм — это не упрек писателю, не однозначно негативная его характеристика, а мифологическая органика, результат длительной селекции и гибридизации.

Это «невидимое» функциональное разграничение на самом деле базируется на содержательном сходстве, т. е. сходстве метаинформации, «вести» о мире. Первое, что бросается в глаза при обращении к любому источнику сведений о советской литературе: ее основные темы в их заявленных подходах и конфигурации (героика войны и труда, освобожденный труд, стройки социализма, переделка массового человека, «перековка» несознательного, врага, формирование типа руководителя, новые отношения между индивидом и коллективом, перипетии классовой борьбы и пр.) совпадают с журналистскими, неотличимы от них; многие жанры прямо рождаются из журналистских (например, производственный очерк — и роман). А если обратить внимание на краеугольный для советской литературы социально-публицистический и социально-педагогический пафос, содержательное сходство будет тотальным.

Власть, претендовавшая через писателя на роль «властителя дум», неминуемо должна была ориентироваться на порог массового восприятия и принять художественный стиль, соответствующий «наивному реализму» читателей. Вся сложность творческого процесса сводилась к сложности жизненного явления, которое необходимо изучить, к сложности освоения «технических приемов классики». «Реализму» и «техницизму» учил армию советских писателей Горький, оказавший огромное влияние на формирование соцреалистической эстетики, но писавший на современные темы исключительно публицистику — в силу того, что сам этот «реализм» был в первую очередь инструментом создания воображаемого мира. Двойственность соцреалистического письма заключается в том, что оно создает симулякр — с неподдельным реалистическим пафосом описывает несуществующий или несоответствующий описанию объект, в котором, однако, обитают живые люди. Этот тотальный реализм, Большой стиль советской эпохи охватывает и литературу, и журналистику, *не уподобляя одну другой, но наделяя их общей судьбой*, и, если Б. Гройс называл советскую архитектуру «отстроенной идеологией», Е. Добренко вслед за ним литературу — «идеологией, расписанной в словах», то мы можем по аналогии советскую журналистику «классического периода» назвать «словесной хроникой идеологизированного времени» (здесь достаточно вспомнить ее тематику, тотальную «кампанийность» или одни и те же с литературой манипулятивные стереотипы). Соответственно, оппозиция «реальное / условное» для разграничения советских журналистики и литературы не работает; разграничение проходит по-иному: литература в первую очередь создает сам образ действительности, задает параметры симулякра — журналистика, также участвующая в создании этого образа (прежде всего через очерк и фельетон), следит за его каждодневным продвижением в жизнь, контролирует неуклонность этого продвижения.

Что же происходит при этом с языком? Общеизвестен факт существования советского «новояза» — фактически глобального цивилизационного дискурса, порождающей матрицы конкретных текстовых значений, наличие которой затрудняет саму постановку вопроса об индивидуальном стиле советского писателя — он становится в принципе неотличим и от стилевой манеры журналиста. Это опять-таки общая судьба, на сей раз языковая: исходно «транзитивный» язык журналистики и исходно «нетранзитивный» язык литературы возводятся не столько к реальному объекту, сколько к идеологическому

«надобъекту», гиперреальности симулякра и потому обретают *одновременно и орудийный, и сакральный характер — язык есть не просто орудие, но орудие Идеала.*

Любопытнейшим примером этой гибридной словесности, так сказать, «большого стиля» сталинской эпохи, является практически все творчество известного советского писателя (человека отнюдь не бездарного) Бориса Горбатова, многолетнего и плодовитого правдинского очеркиста (только в 1932—1933 годах он выпустил книги очерков «Горный поход», «Коминтерн», «Мастера»). Комсомолец 1920-х годов, Горбатов в «романе» «Мое поколение» (1933) дает, по сути дела, беллетризованную публицистическую хронику своей комсомольской юности. Произведение интересно тем, что автор с подкупающей наивностью синтезирует разные жанровые модели: роман воспитания (в советском варианте часто — перевоспитания), автобиографию и историко-революционную хронику; многие страницы отмечены патетикой ораторских выступлений и «лирических» отступлений, что придает тексту и «гимнический» оттенок. В основе понятная («архетипическая» для совлита) идеологическая схема — революционная эпоха дает путевку в жизнь пролетарскому «молодняку» (изначально наделенному «правильным» классовым чутьем), но неизбежный путь «непрерывного роста сознательности» тернист во всех отношениях. Не просто тенденциозность, но публицистическая заданность и однозначность определяет многие параметры текста. В первую очередь, конечно, это фигура самого повествователя, открыто, нередко в форме публицистической исповеди, преодолевающего рамки художественной условности: «В тысяча девятьсот двадцать третьем году, не раньше, увидел этот малыш свет. Я уже... Да, я уж был тогда секретарем комсомольской ячейки! <...> Между Вовкой и его старшим братом идет мое поколение. Я знаю его, как рыбак знает берега своей речушки. Когда я говорю — “старая гвардия”, мне представляется ряд крепких седых людей, а за ним море человеческих голов. Когда я говорю — “наша смена”, мне представляется пионерский отряд: паренек, закинув вихрастую голову, трубит в хриплую трубу, девочка бьет в барабан» [4, с. 9]. Уже эта цитата показывает: с одной стороны, автор пишет как бы не «роман» (fiction), а с другой — «условным» оказывается собственно автобиографический пласт, поскольку он растворяется в «биографии поколения», в свою очередь обобщенной до эмблемы, предваряющей основной текст.

Мгновенно доводятся до эмблематичности и «конкретно-исторические» реалии. Возникает — поверх сюжета — публицистический образ времени: «И, как этот флаг, непрочной и тревожной была и жизнь города, людей, страны. Улица корчилась в судорогах событий, происшествий, побоев и драк, кричала плакатами, приказами, манифестами, размахивала столбами, на которых — синие и распухшие — качались удавленники (очевидно, повешенные. — Д. Л.). Улица жила тревожной жизнью — в выстрелах, в дыму, в звоне бьющихся стекол, в топоте тысяч солдатских ног, проходящих через город, чтобы драться и умирать <...> На наших глазах просто и некрасиво умирали люди. Трупы валялись на вокзалах, на улицах, разлагающиеся, гниющие. Их хоронили без попов, без речей, без таинств — просто свалив кучей на грузовик. И мы знали: они превратятся в прах, их съедят черви, нет никакой загробной жизни, нет и не может ее быть» [4, с. 12, 14]. Почти дословное совпадение с Маяковским («улица корчилась...») и пародийное совпадение с Булгаковым (звучащие в сознании Шарика слова безымянного председателя — это именно совпадение, так как булгаковский текст Горбатову не мог быть

известен) еще раз подтверждают: внешне натуралистическая и «фактологическая», ситуация на самом деле сакральна — это подготовка классово-правильных подростков к идеологической инициации в разваливающемся мире. «Величайшее из всех учений в истории — ленинское учение — было взметено миллионами знамен и плакатов, и в них, в этих лозунгах, броских и динамитных, познавали мы то, за что боролись и умирали люди. Познавали легко, без труда, без борьбы, — щедра была эпоха, богатая гением величайшего из вождей, и мы, смутно помнившие городского, плевали в глаза царскому портрету, орали: “Нет бога ни на земле, ни в небесах!” Еще не работая сами, мы уже знали величайшую справедливость на земле: “Не работающий да не ест”, — и все это сокровище досталось нам даром, здесь, на нечаянных митингах» [4, с. 25]. Обратим внимание и на постоянное использование романтической стилистики (контрасты без полутонов, антитезы, гиперболы, патетика и пр.).

Публицистически выстраивая каждый элемент «реальности», писатель старается, тем не менее, отразить сложность открытой подростку картины эпохи: «Задумавшись, Алексей пошел по коридору. Какой он веры? — спросила “белорыбица”. Какой он нации? — спросил Хрум. Какой он партии? — спросил Рябинин. Вот сколько, оказывается, есть вопросов в мире» [4, с. 153]. Однако этот троекратный синтаксический параллелизм с повторами (и акцентировкой «главного» вопроса — он последний) — риторическая опора новой сакральности, восхождение через языковую поэтизацию «реальности» к мифологической картине мира. Она возникает на наших глазах.

Кумир детворы матрос Хворост спокойно сообщает ей, что работал в Чека и расстреливал.

— Как же так?! — закричал Валька в ужасе. — Людей?

Хворост посмотрел на него удивленно, потом просто ответил:

— А ты б как думал? Ведь они ж нам вредные [4, с. 22].

Потом он убежденно отвечает, что при коммунизме «нипочем не будут» расстреливать; «блеснула слеза» при прощании. «Так прошел сквозь наше детство этот усатый, рябой моряк с “Авроры”, плотно увешанный ручными гранатами, не знавший ни семьи, ни хаты и отдавший всю неистраченную свою любовь босоногой детворе с Заводской улицы» [4, с. 23].

Единство мифологической картины мира сказывается и в том, что автор-повествователь, рисуя сознание подростка, дает его как вектор к своему, публицистически комментируя и не скрывая оценочности (т. е. не разграничивая себя и «правильных» героев — опять-таки поверх сюжета, который от этого становится еще более условным). «Разумеется, Семчик не мог еще понять во всем многообразии и величии тот сложный и увлекательный процесс, который свершался сейчас в деревне: от военного коммунизма через нэп к социализму! <...> но всем ребячьим сердцем своим он был со взрослыми, с отцом, с партией, с Лениным. <...> “Мы еще посмотрим, кто кого!” — шептал он, сжимая рукой воображаемый наган. Славный хлопчик! Он и не знал, что в свое время придет и его черед ценою жизни доказать свою верность этой клятве на партийном собрании» [4, с. 38]. Попытка автора ввести интригу (обаятельного героя, сбивающего с «пути истинного» протагонистов сюжета) неуклюже пресекается самим же автором-идеологом. Временно увлекший Алексея Гайдаша Ковалев (офицерский сын, «умный, серьезный шестнадцатилетний парень с плечами атлета и глазами философа» [4, с. 51], не боящийся красиво противопоставить себя коллективу) разоблачает свою классовую сущность постепенно, но сразу наделен ее знаками: на правильном

лице челюсть хищно выдается вперед, а глаза холодные, пустые, бесцветные («цвета колодезной воды»).

Собственно, нет смысла проследивать сюжетные перипетии: при обилии разновозрастных героев, интересно выписанных как социальные типы, вся внешняя многолинейность биографий собирается в два русла. Понятно, какое первое, а во второе отводятся все взрослеющие не в нужном направлении: кого-то сманило искусство, кого-то — мещанское счастье, а офицерскому сыну Ковалеву автор (перед окончательным разоблачением) доверяет злобно-презрительные характеристики белого движения («как они драпали!»). Никита Ковалев ненавидит белых «орлов» «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом» (Лермонтов цитируется и в буквальном смысле), но большевиков ненавидит еще больше, а «большевееющие» подростки ненавидят его. Классовая «драка» Гайдаша и Ковалева неожиданно завершается патетической сценой похорон чекиста («пусть режут, рубают шашками, загоняют гвозди под ногти», но «да здравствует мировая коммуна!» — и т. п. [4, с. 122]), а через несколько страниц автор, почти без передышки в патетике, публицистически оформляет кодекс классовой ненависти: «Но сейчас Алеша впервые ненавидел отдельное лицо, и этим лицом был Ковалев. <...> В Ковалеве совмещались и шляпа бойскаута, и погоны офицера, и пузо хозяина. Все большие и малые ненависти парня с Заводской улицы слились сейчас в одну — в страшную, взрослую ненависть. <...> Я хочу, чтоб вы запомнили, что мой ровесник Алеша узнал первую ненависть раньше, чем первую любовь» [4, с. 127]. Какая уж тут «первая любовь» — и романтизм юности, и подростковая сексуальность здесь непрерывно идеологически «сублимируются», и герои неистовствуют на собраниях и напряженной комсомольской работе...

При всем при этом в «романе» достаточно «художественной фактологии» и голода / холода, и мучительных поисков работы, но они воспринимаются как *очерковая детализация готовой схемы*, о реализованности которой в жизни автор не устает напоминать на протяжении всего текста, переходя на чистую публицистику.

«Передо мною письмо, которое прислал мне когда-то Павлик. Я перечитываю его и смеюсь. Сейчас, когда всей стране известно имя Павла Гамаюна, как не хохотать, читая такие строки...» [4, с. 83]. И далее — ода профессиям, сочетающая многие составляющие советского пропагандистско-художественного («слово как действие») дискурса: безудержный романтический пафос и социальный оптимизм, гимническая патетика (ибо массовые профессии представлены здесь в мифологически-сакральном аспекте преобразования мира трудом), заклинаящие повторы, параллелизмы («Мне шахтер скажет, как найти уязвимое место пласта; мне бетонщик поведаст секрет ажурного бетона; мне сталевар покажет мудрость полировки кипящей стали; чахоточный стеклодув, загубивший легкие на работе (!), все же превознесет свою красивую профессию» — [4, с. 86]) и прочие гипнотизирующие механизмы поэтической речи на службе великой, как мир, и в то же время беспредельно-интимной Идеи. Когда (обратимся к максиме советских литературоведов) общественное всецело раскрывается как свое, а свое неотлично от общего, откуда взяться в соцреалистическом мейнстриме принципиальной разнице между литературой и публицистикой? Но нельзя говорить и о смешении / переплетении, поскольку «переплетаться» могут лишь хоть сколько-нибудь *разнородные* начала, а здесь — одно сплошное родимое пятно, мифологическая

органика. Советский писатель занят развертыванием новой единой Правды о мире и человеке (см. название главной большевистской газеты), в убедительность этого процесса он вкладывает душу и риторическое мастерство. Доменщик укрощает бурлящий и дымящийся чугунок, словно древний герой хтоническое чудовище (стилистика картины романтизирована — чугунок, развевающая огненную гриву, «несется в сиянье и славе — неукротимый горячий скакун» — [4, с. 85]); такелажник «легким толчком ладони подымает над рекой многотонные каркасы»; «человек невысокого роста» «лениво» поворачивает паровоз на поворотном круге — и т. д. и т. п. И после этого не удивляет признание героя-повествователя, освоившего волшебную профессию наборщика («Микеланджело — побеждая мрамор, Бенвенуто Челлини — придавая форму литью, Никита Изотов — вырубая угольный пласт, были менее счастливыми творцами, чем я, сложивший строку «Озимые посева требуют глубокой вспашки» — [4, с. 84]): «Мне кажется, что писатель живет, радуется и печалится всеми профессиями: он и уголь рубит и плоты ладит, — все, что делают его герои, — и я очень хочу научиться писать книги» [4, с. 87]. В новом культурном поле нет принципиальной разницы между этими занятиями, поскольку духовное мифологически материализовано.

В этом ритуально-мифологическом контексте сама природа литературы и публицистики предстает малозначимой (различение нерелевантно); на первый план выходят общественная психоидеология и тотализирующий дискурс. И горбатовский текст словно сам торопится зафиксировать новую сущность мира и слова, где прежние дефиниции не действуют. Герою-повествователю периодически надоедает подобие fiction, и в ход идет прямое авторское вмешательство, по закону художественности лишь укрепляющее миф: «Я никогда не был беспартийным. Мне было двенадцать лет, когда я впервые пришел в комсомольский клуб записываться в детскую коммунистическую группу. Мне было четырнадцать лет, когда комсомольский военорг впервые послал меня в чоновский караул к вещевому складу. Мне было восемнадцать лет, когда собрание ячейки приняло меня в кандидаты партии. Я не успел быть беспартийным.

С детства я привык быть в организации. <...> С детства я ощущаю себя патроном, зажатым в обойме и ожидающим нажима курка. <...> Я знаю: мне жить, работать, мне умирать в коллективе. Я не умею иначе» [4, с. 136].

Настоящий советский писатель действительно «не умел иначе». Не случайно, изображая жизнь как «великую стройку» и всячески подчеркивая этот пафос, Горбатов всю жизнь — сознательно или бессознательно — создавал, по сути, единый публицистически-беллетристический текст, написанный практически одним и тем же «взволнованным», романтически-приподнятым слогом. Если сравнивать «роман» «Мое поколение», книгу «рассказов» «Обыкновенная Арктика», повесть «Непокоренные», публицистические «Письма к товарищу» (размещенные в томе избранных произведений без разграничения на литературу и публицистику — знак эпохи), то бросается в глаза факультативность не только «родовых», но и жанровых различий — одни и те же идеи, пафос, приемы, типологические характеристики (так, «рассказы» «Обыкновенной Арктики» вполне можно назвать очерками). Чуть больше беллетризации — похоже на литературу. Чуть меньше беллетризации, а больше патетики — вроде публицистика.

И последний штрих. В повести «Мое поколение» (1943) и «Письмах к товарищу» (1944) есть практически идентичные эпизоды. В одном из «Писем» герой-повествователь рассказывает об Игнате Трофимовиче Овчаренко

(по прозвищу Игнат Несогласный) из совхоза «Червонный яр», который шесть лет не соглашался идти в колхоз, долго прикидывал, а потом решил и горя не знал («Что хлеба в амбаре! Что кавунов! Меда! Птицы на дворе! И все — колхоз» — [4, с. 710]), поэтому теперь ненавидит фашистов и, хватая героя-повествователя за руку, шепчет «тоскливо, болестно: — Не могу я теперь без колхоза жить. Чуете? Не могу!» [4, с. 711]. Это сокращенная публицистическая версия встречи коммуниста-подпольщика Степана со старостой Игнатом («Мое поколение»). Все то же самое, но чуть беллетристически подробнее и несколькими другими словами. Вопрос, что было раньше — курица или яйцо, что является вариацией чего, излишен — матрица на оба эпизода одна, и она располагается в том новом едином мировом Сверхтексте, который в сознании советского писателя предшествует любым другим, выступающим как его разнообразные вербальные манифестации.

Список литературы

1. *Барт Р.* Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 133—141.
2. *Борисова Н.* Конференция «Письмо и власть. Литературная учеба в советской культуре 1930-х гг.» (Констанц, июль 2007 г.) // НЛО. 2008. № 89. С. 439—440.
3. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
4. *Горбатов Б.* Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1964. 806 с.
5. *Горький А. М.* Советская литература (Из доклада на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года) // Русская советская литературная критика (1917—1934). Хрестоматия. М.: Просвещение, 1981. С. 379—380.
6. *Гудков Л.* К истории одного незавершенного проекта // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: 2-е изд. М.: НЛО, 2020. С. 5—37.
7. *Гюнтер Х.* Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон / под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический проект, 2000. С. 7—15.
8. *Добренко Е.* Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 557 с.
9. *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 321 с.
10. *Жданов А.* Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире: Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // Русская советская литературная критика (1917—1934). Хрестоматия. М.: Просвещение, 1981. С. 376—377.
11. *Козлова Н. Н.* Соцреализм как феномен массовой культуры // Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 208—218.
12. *Попов Е. А.* Литература сквозь призму науки об обществе // Вопросы филологии. 2012. № 2 (41). С. 93—99.
13. *Свитич Л. Г.* Феномен журнализма. М.: Икар, 2000. 252 с.
14. *Степанов Б. Е.* Борис Дубин и российский проект социологии культуры // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 163—173.

УДК 821.112.2"19"
ББК 83.3(4Гем)6-8,3
DOI: 10.46726/И.2021.2.4

О. Е. Похаленков, Э. А. Фролова

ТЕМА ВОЙНЫ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Э. М. РЕМАРКА «ИСТОРИЯ ЛЮБВИ АННЕТТЫ»

В статье рассматривается тема войны в сборнике рассказов Э. М. Ремарка «История любви Аннетта», которые Ремарк пишет в период с 1930 по 1931 гг., между двумя важными в его творчестве романами «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение». В отличие от романов рассказы Ремарка все еще недостаточно изучены не только в России, но и на родине писателя. Рассмотрены все шесть входящих в сборник рассказов («Враг», «Безмолвие вокруг Вердена», «Карл Брегер во Флери», «Жена Йозефа», «Странная судьба Иоганна Бартока» и «История любви Аннетты»), в которых прослежена не только тема войны, но и многие проблемы, которые или уже были ранее поставлены писателем, или еще только намечаются в будущих романах.

Ключевые слова: Первая мировая война, немецкая литература, Эрих Мария Ремарк, мотивный анализ, рассказы.

О. Е. Pokhalenkov, E. A. Frolova

THE THEME OF THE WAR IN THE COLLECTION OF SHORT STORIES BY E. M. REMARQUE “ANNETTE’S LOVE STORY”

The article deals with the theme of the war in the collection of short stories by E. M. Remarque “Annette’s Love Story”, which Remarque wrote in the period from 1930 up to 1931, between two most important novels “All quiet on the Western Front” and “The road back”. Unlike the novels, Remarque’s stories are still insufficiently studied not only in Russia, but also in the writer’s homeland. All six short stories are included in the collection (“The Enemy”, “The Silence around Verdun”, “Karl Breger in Fleury”, “Josef’s Wife”, “The Strange Fate of Johann Bartok” and “Annette’s Love Story”). Besides the theme of the war, a number of other problems either already previously posed by the writer or just outlined in his future novels are delved into.

Key words: World War I, German literature, Erich Maria Remarque, motif analysis, short stories.

Первая мировая война, имея под собой ряд экономических, идеологических и социальных причин, катастрофой обрушилась на Европу в 1914 году. Эта война принесла огромное количество жертв не только среди военных, но и среди мирного населения; вследствие поражения Германия переживала тяжелый экономический и социальный кризис, что обусловило в дальнейшем

начало Второй мировой войны. Одним из последствий войны стало появление литературы «потерянного поколения» — поколения, пережившего войну, но не сумевшего возвратиться к прошлой жизни. Литература этого времени находится в вечном поиске утраченных идеалов, человечности, она пытается отразить не только весь ужас и бессмысленность войн, но и их неизбежные последствия [1; 3].

Одним из представителей «потерянного поколения» стал Эрих Мария Ремарк, ворвавшийся в мировую литературу со своим первым серьезным романом «На Западном фронте без перемен», который мгновенно стал бестселлером и прославил писателя. Сам писатель непосредственно участвовал в Первой мировой войне, в 1916 году он был призван в армию, а в 1917 году попадает на Западный фронт, где, прослужив полтора месяца, получает тяжелые ранения, из-за чего остаток войны он проводит в военных госпиталях. Несмотря на относительно недолгий период службы военного опыта хватает ему до конца жизни. Тема войны, ее бессмысленности и античеловечности становится основополагающей в творчестве писателя. На протяжении долгих лет после Первой мировой войны Ремарк пытается осмыслить все увиденное на фронте, пока, наконец, все его переживания не выливаются в целый роман. В интервью с Фридрихом Луфтом, снятом для литературной передачи немецкого телевидения «Профиль» в 1962 году, писатель сам рассказывает о том, что написал «На Западном фронте без перемен» всего за четыре недели, не внося существенных правок и изменений, однако это стоило десяти лет жизни и размышлений [6]. Роман повествует о трагических судьбах молодых солдат, однокурсников и о том, как им не только предстала во плоти реальная война, отличная от войны из пропагандистских призывов, но и о том, как можно стать жертвой войны, даже если спасся от ее снарядов. Безусловно, многие мотивы, взявшие начало в романе «На Западном фронте», пройдут и через шесть небольших рассказов, появившихся в период с 1930 по 1931 г. — время между двумя романами «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение».

Эти шесть рассказов («Враг», «Безмолвие вокруг Вердена», «Карл Брегер во Флери», «Жена Йозефа», «Странная судьба Иоганна Бартока» и «История любви Аннетты») входят в сборник, который в России вышел под названием «История любви Аннетты», а в Германии, уже много лет спустя, под заглавием «Враг». Как уже говорилось ранее, некоторые темы, освященные в романе «На Западном фронте», вновь поднимаются в рассказах, как, например, тема осознания «врага» в первом рассказе.

Весь сборник открывает рассказ «Враг», впервые появившийся в американском сборнике *Collier's* в 1930 году. К слову об издании сборника на немецком языке — в период Веймарской республики рассказы Ремарка не пользовались популярностью у правительства Германии, поэтому на родине писателя сборник выходит лишь к 1990-м годам [2]. В тексте «Враг» школьный товарищ рассказчика вспоминает самый «живой» эпизод войны, оставшийся в его памяти. Людвиг Брайер вспоминает два случая, первый из которых нельзя объективно назвать выразительным. Ведь, действительно, происходит следующее: Людвиг и его отряд отправляют на отдых в тыл, в маленькую французскую деревушку, где герой натывается на плененных французских солдат — тривиальный случай на фронте, переворачивающий представление Брайера о войне. «Меня ошеломила простейшая мысль, что они ведь такие же люди, как и мы» [5, с. 15] — говорит герой в рассказе

и далее размышляет о том, каким образом «такие же» люди вдруг стали врагами. И офицер находит ответ — оружие.

Первая мировая война перевернула многое: это не только касается политического строя во многих странах, это переворачивание христианской морали, на которой держался мир, это переворачивание восприятие оружия. Научно-технический прогресс в начале XX века ознаменовал новую эпоху, когда технологии смогут облегчить жизнь и работать на благо человека. Первая мировая война оборачивает технологии против человечества, сталкивая его со всей мощью изобретений: самолеты, танки, оружие массового поражения, газы и т. п. Эта война становится полигоном для Второй мировой. И Э. М. Ремарк видит опасность развития техногенной сферы и ее использования в военных целях, поэтому он и демонстрирует в произведениях решающую роль оружия в этой войне: «Но меня неотступно преследовала эта смутная мысль, что вот, мол, именно оружие и навязало нам войну. В мире накопилось столько вооружений, что в конце концов они одержали верх над людьми и превратили их во врагов...» [5, с. 17].

Второй эпизод, рассказанный Людвигом Брайером, повествует о случае братания на фронте. Спокойный участок, две стороны, чуть ли не по расписанию обмениваются дежурными выстрелами, пока французы не предлагают перемирие, размахивая пачкой папирос, прикрепленными к лопате. С этого момента ситуация между двумя враждующими сторонами меняется: каждый день, в отведенное время, французы и немцы обмениваются «подарками» и соблюдают перемирие. При этом описанная Ремарком ситуация не исключение из правил: во времена Первой мировой войны братание на фронте было совершенно обычным делом: известны знаменитые Рождественские братания в 1914 году, когда потенциальные враги вместе пели рождественские песни, также обменивались подарками и даже дружили. В самом рассказе также подчеркивается «обычность» этого явления. Однако, безусловно, так было не на всех участках, и зачастую такие взаимоотношения срубало на корню командование, которое было категорически против «такого рода дел». Во «Враге» эту идиллию также нарушает майор, приехавший на этот участок с целью разобраться, о его визите немцы не успевают предупредить французов, и майор застреливает молодого безоружного француза с передачкой. После этого взаимный огонь вновь открылся с новой силой и еще долго не прекращался.

Стоит сказать, что «Враг» — единственный рассказ в сборнике, который в большей степени касается военных действий, а не жизни после войны, в отличие от остальных пяти рассказов.

Следом за «Врагом» идет «Безмолвие вокруг Вердена», в котором нет главного героя, а в центре повествования — бывшее поле сражений. Примечательно то, что Ремарк не описывает события битвы при Вердене, иначе называемой Верденской мясорубкой. Такое название битва справедливо получила из-за того, что при огромных жертвах (более миллиона человек), при многочисленном применении разного вида вооружения, Германия, спустя год сражений, оказывается на том же месте, где и началось наступление на Верден. Писатель не касается подробностей самой битвы, вместо этого — мертвые земли, где даже природа с трудом прорывается сквозь захоронения. Здесь никто не живет, земля усеяна неразорвавшимися снарядами, и только одно нарушает это безмолвие — искатели. Этих людей, с абсолютно прагматичными интересами, ведет жажда наживы. Они ищут похороненные в земле металлы, склады с оружием — все, что можно потом продать, попутно,

исключительно между делом, откапывая трупы солдат и обязательно вечером относя их на головной склад. Ремарк недвусмысленно дает нам понять, как прошлое влияет на настоящее, когда неосторожный искатель подрывается на неразорвавшейся мине. Если «На Западном фронте без перемен» — роман о «тех, кто стал ее [войны] жертвой, даже если спасся от снарядов» [4, с. 11], то рассказ «Безмолвие вокруг Вердена» — рассказ о том, как спасшиеся могут стать жертвами снарядов войны уже после ее окончания.

«Карл Брегер во Флери» — повествование о бывшем лейтенанте Карле Брегере, который, кажется, смог после окончания войны вернуться в привычное русло. Он банковский служащий, здоров, размышляет о перспективах стать руководителем фирмы, и его жизнь выглядит вполне счастливой. До тех пор, пока Карл со своим другом и группой туристов не возвращается на места сражений, ставшие теперь рынком для экскурсоводов. Карл бродит по страшным местам — рубежи Тиомона и Флери, где разгорались сражения Верденской мясорубки. Немецкие атаки на истощившиеся французские корпуса армии были ожесточенными, свыше ста тысяч химических снарядов обрушились на французов, это был настоящий огненный Апокалипсис, где Карл Брегер «вместе со своим взводом полз по-пластунски в ту страшную ночь, когда осветительные ракеты, точно огромные дуговые лампы, висели над всеобщим уничтожением, и вся земля вокруг Тиомона и Флери, словно море, вздымалась и опускалась под фонтанами взрывов» [5, с. 30]. Карл возвращается на десять лет назад, недоумевая, как в таком мирном ныне месте мог происходить такой ужас. Бывший унтер-офицер больше не говорит о спорте и бизнесе, теперь его мысли занимаютobelisks мелькающие за стеклом автобуса: «Но вообще-то они правы, что ставят такие памятники, потому что нигде не было больше страданий, чем во всех этих местах. Только про одно забыли: чтобы больше никогда. Вот этого не хватает. Ты понимаешь?» [5, с. 33].

Следующий рассказ, «Жена Йозефа», показывает нам другую сторону послевоенной жизни — жизнь жены душевно травмированного после войны солдата. Йозеф Тидеман чудом выживает после того, как его вместе с товарищами заживо похоронило под землей от взрыва мины. Тидеман единственный, кто провел под завалом больше двух часов и выжил, но «после этого Тидеман глубоко вздохнул и лишился чувств» [5, с. 34]. Он возвращается домой, однако он апатичен ко всему, и хозяйство полностью ложится на плечи его жены Анны. Она не только хорошо справляется с этой обязанностью, но и отчаянно ищет способ помочь мужу, на это она не жалеет никакие деньги и силы, поэтому когда появляется шанс отправиться на поля сражений, где, возможно, и произошла трагедия Йозефа, Анна с мужем едет туда. И вот мы вновь возвращаемся в знакомую картину — испещренные окопами поля и искатели, словно вновь на страницах «Безмолвие вокруг Вердена».

Эти совпадения неслучайны, все истории Ремарка органично перетекают друг в друга и словно дополняют. Считается, что особенность художественной системы писателя заключается в фабульной преемственности, и, хотя это высказывание относится только к романам Ремарка, его также можно отнести и к сборнику рассказов. Более того, сами рассказы напоминают связывающее звено между «На Западном фронте» и «Возвращение», поскольку в последнем романе мы можем вновь увидеть и Людвиг Брайера из «Врага», и Карла Брегера [2].

Возвращаясь к тексту «Жена Йозефа», мы можем увидеть, что, столкнувшись с призраками прошлого, Йозеф Тидеман оживает. Может быть,

тогда и удалось достать живого Йозефа из-под обломков, но душа его все это время «лежала» среди этих мест. Теперь, благодаря стараниям своей жены, Йозеф смог пережить эту травму и уже «через несколько недель Тидеман мог вновь заняться своим крестьянским двором» [5, с. 43].

«Историю любви Аннетты» скорее можно назвать историей о любви как об осознании или о переходе восторженной влюбленности в глубокое чувство. Центром повествования становятся обычная хорошенькая девушка Аннетта Штоль и долговязый юноша, ее друг и сосед Герхард Егер. Когда начинается война, юноша идет туда добровольцем с готовностью принести свою жизнь в жертву. Что Герхарду, что Аннетте война сперва представляется увлекательным приключением, поэтому на прощание девушка просит у Герхарда привезти ей «что-нибудь приятное из Парижа». Далее юноша сталкивается с войной таковой, какая она есть — жестокой, бесчеловечной и бессмысленной, в письмах к Аннетте он старается возвращаться в прошлое, далекое от войны, что, естественно, остается непонятным для девушки, ожидающей подробные рассказы о сражениях. Возмужавший Герхард возвращается домой на небольшой отпуск, он вызывает у всех домашних эстетический восторг — идеал воина, сражающегося за Родину. Сам юноша серьезен, он превыше всего ценит жизнь и время, поэтому торопится успеть как можно больше «прожить», пока он не вернулся на фронт, поэтому делает предложение Аннетте. Девушка соглашается, ее прельщает перспектива стать самой молодой обрученной в классе, к тому же Герхард — образец мужчины.

Ремарк освещает проблему слепого восторга войной, он противопоставляет наивную Аннетту и общество, далекое от войны, Герхарду Егеру — человеку, которой на себе испытал все ее ужасы. Поэтому юношу так раздражают громкие тосты на свадебной церемонии «за победу, славу и удачу в бою» и все разговоры, сводимые только к теме войны. Спустя четыре недели после возвращения на фронт, Герхард погибает, а Аннетта становится семнадцатилетней вдовой, однако этот факт не травмирует девушку, в конце концов они слишком мало времени провели вместе. И вплоть до двадцати пяти лет Аннетта живет обычной жизнью, пока ее не настигает гложащее чувство вины, а затем раскаяния, она годы носила в себе это чувство, как неразорвавшийся снаряд, чтобы потом он все же взорвался и пробудил ее. Осознав ценность жизни и цену отданной Герхардом жизни, Аннетта навсегда изменилась и в какой-то степени сошла с ума, до самой смерти любя «исчезнувшую тень» [5, с. 53].

Последний рассказ знакомит нас со «Странной судьбой Иоганна Бартока», и странно в ней то, что она совершенно обычная. У жестянщика Иоганна Бартока есть своя мастерская, молодая жена и прибыльное дело. Перспективы будущего разрушает война — Иоганна почти сразу призывают на службу, где он попадает в плен. Его с отрядом других пленных перевозят на корабле, где они решают устроить бунт и захватить корабль. Сперва им действительно сопутствовала удача, однако вскоре их всех поймали и арестовали, каждому пятому достался пожизненный срок. Герою рассказа относительно повезло, и ему назначили только пятнадцать лет обязательных работ на острове, без единой связи с домом.

Отбыв свой срок, в возрасте сорок семь лет Барток возвращается в Германию, которая, казалось, «ускорила» за эти пятнадцать лет. Когда герой находит свою жену и возвращается к ней, то обнаруживает, что она вышла замуж, поскольку та была уверена, что Иоганн уже мертв, вдобавок у нее

уже есть дети. И возникает вопрос — что же такого странного в истории Иоганна Бартока, если многие люди разделили его судьбу после Первой мировой, если есть истории, гораздо более «странные». Скорее всего, вся странность заключается в финале рассказа, когда почти пятидесятилетний мужчина, потерявший пятнадцать лет жизни вдали от всего мира, потерявший жену, мастерскую и работу, вдруг, вернувшись в родной город, «решил подыскать себе работу и начать все сначала» [5, с. 61]. Странность заключается в том, что несмотря на все испытания войны, герой находит в себе силы жить дальше, в отличие от многих других героев этих же рассказов, которые «потерялись» в новой жизни.

Подводя итоги, скажем, что не только тема войны объединяет все сюжеты этих шести рассказов Ремарка, но в них он также поднимает проблемы и сюжеты, обозначенные в романе «На Западном фронте без перемен». Встает вопрос — зачем Ремарку вновь и вновь повторять одни и те же темы? Исключено, что писатель сделал это на волне успеха «На Западном фронте», с желанием еще заработать на злободневной теме, такую меркантильную версию отвергает Томас Шнайдер в послесловии к сборнику на немецком языке. Отвечая на вопрос в ранее упомянутом интервью, хотел бы Ремарк попробовать написать что-то «новое», вне тем войны и эмиграции, писатель говорит, что «вообще это сложно, потому что до сих пор все области жизни пронизаны прошедшей войной» [6]. Тема войны остается слишком живой и важной для писателя, поэтому он старается поднимать ее в своих произведениях.

Список литературы

1. Балакин С. В. Моделирование развития концептосферы (на примере концепта враг/Feind) // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 13—18.
2. Морозов В. С. Век ремарка: сборник статей. Магадан: кордис, 1998 [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 1999. № 3. С. 148—153.
3. Полетаева А. А. Особенности осмысления событий Первой мировой войны в произведениях российских и зарубежных писателей-современников // Pro pinc. 2013. № 1 (12). С. 36—41.
4. Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. Возвращение: Романы. М.: Художественная литература, 1988. 399 с.
5. Ремарк Э. М. История любви Аннеты. Рассказы. Публицистика. М.: АСТ, 2009. 254 с.
6. Эрих Мария Ремарк. О себе и о всех нас [Интервью] / пер. Н. Переверзевой // АП-ПА. Ассоциация Просвещенного патриотизма. 2018. 23 мая. URL: <https://news.ap-pa.ru/news/i4671-erih-mariya-remark-o-sebe-i-o-vseh-nas-edinstvennoe.html> (дата обращения: 14.02.2021).

УДК 821.161.1.09"19"
ББК 83.3(2=411.2)6-8
DOI: 10.46726/H.2021.2.5

З. Я. Холодова

РЕЦЕПЦИЯ ГЕРМАНИИ В СВЕРХТЕКСТЕ М. ПРИШВИНА

В статье рассмотрена рецепция Германии в контексте пришвинского творческого наследия, пронизанного размышлениями о немецкой философии, музыке, поэзии, бытовой культуре. В автобиографическом романе образ Германии раскрыт через восприятие героя, сравнивающего Германию и Россию, и ряд лейтмотивов. Мотивность обеспечивает целостность художественного мира писателя. Эта особенность пришвинской поэтики отражена и в «Кашеевой цепи», где также сказалось большое влияние Вагнера, создавшего в своих операх технику лейтмотивов. Пришвин хорошо знал философские учения рубежа XIX—XX веков, но испытал наибольшее воздействие «философии жизни», особенно идей Ницше и Зиммеля. Книги Ницше открыли герою «Кашеевой цепи» «настоящее знание», ярко осветившее мировое пространство. Пришвин размышлял о Ницше на протяжении всей своей творческой жизни, Ницше для него — прежде всего художник слова и великий философ, чье учение «дает толчок искусству». Немецкая философия и культура оказали определяющее влияние на формирование философских и эстетических взглядов Пришвина, но особенно значимой для его художественного мышления стала зиммелевская концепция понимания как отношения одного духа к другому, дополняемого актами самосознания, обеспечивающими знание себя как другого. Для Пришвина характерны «внутренние диалоги» с соратниками по перу, философами, религиозными мыслителями, учеными — современниками и предшественниками, он их вел с целью определения своего творческого поведения.

Ключевые слова: рецепция, свертхтекст, творческое наследие, художественное мышление, «Кашеева цепь».

Z. Ya. Kholodova

THE RECEPTION OF GERMANY IN M. PRISHVIN'S SUPERTEXT

The article considers the reception of Germany in the context of M. Prishvin's creative heritage permeated with reflections on German philosophy, music, poetry and everyday culture. In the autobiographical novel the image of Germany is revealed through the perception of a character comparing Germany and Russia and leitmotifs. The motivation ensures the integrity of the writer's artistic word. This peculiarity of Prishvin's poetics is reflected in the "Kashcheyev Chain", where he also experienced a great Wagner's influence. The composer had created the technique of leitmotifs in his operas. Prishvin was well aware of the philosophical teachings of the turn of the 19th and 20th centuries, but he experienced the greatest impact of "the philosophy of life", especially through Nietzsche's and Simmel's ideas. Nietzsche's books revealed "the real knowledge" to the character of the "Kashcheyev Chain", brightly illuminating the world space. Prishvin reflected on Nietzsche's ideas throughout his creative life; to him Nietzsche was primarily an artist of words and a great philosopher, whose teaching "gives impetus to art". The German philosophy and culture had a decisive influence on the formation of Prishvin's philosophical and aesthetic views, but Simmel's concept of understanding

as the relationship of one spirit to another, supplemented by acts of self-consciousness that ensure the knowledge of oneself as another, was especially significant for his artistic thinking. “Internal dialogues” with fellow writers, philosophers, religious thinkers and scientists, contemporaries and predecessors are very characteristic of Prishvin; he conducted them in order to determine his own creative behavior.

Key words: reception, supertext, creative heritage, artistic thinking, “Kashcheyev Chain”.

В дни Первой мировой войны М. Пришвин с горечью думал о том, что Россия воюет с той страной, которая ему дала «всё»: «Роман моей жизни: столкновение Германии и России, я получил все от Германии и теперь иду на нее (Лейпциг, Тюрингия)» [1, кн. 1, с. 151], — записал он в дневнике в марте 1915 года.

Из биографии писателя известно, что после тюремного заключения за революционную деятельность, он, лишенный возможности продолжить учебу в высших учебных заведениях России, вынужден был уехать за границу. Еще в Рижском политехникуме он «менял разные факультеты в поисках “философского камня”» [1, кн. 2, с. 366], и Германия была выбрана им не случайно: она славилась своими учеными. Пришвин закончил философский факультет Лейпцигского университета «по агрономическому отделению».

В автобиографическом романе «Кашеева цепь» пребыванию Алпатова — alter ego автора — в Германии посвящены звенья: «Зеленая дверь» и «Юный Фауст», а также начало звена «Брачный полет». В них нарисованы картины общественной и культурной жизни страны. Поданы они главным образом через восприятие героя, который постоянно сравнивает Германию и Россию, немцев и русских. Однако образ Германии создается и иными средствами: авторскими комментариями и лейтмотивами — «скрепами» пришвинской лирической прозы.

Мотивность является органическим свойством творчества писателя, обеспечивающим целостность его художественного мира. Безусловно, и в «Кашеевой цепи» нашла отражение эта особенность пришвинской поэтики — здесь также сказалось большое влияние на писателя его любимого композитора Рихарда Вагнера, создавшего в своих операх технику лейтмотивов, когда «определенная мелодия или аккорд устойчиво ассоциируется с определенным персонажем» [5, с. 58] или, добавим, явлением. Одни мотивы прослеживаются на протяжении всей «Кашеевой цепи», другие — в отдельных звеньях. В произведении можно выявить множество мотивов персонально авторского происхождения, придающих ему яркую поэтичность. Рассмотрим те из них, которые служат раскрытию образа Германии. Так, в звене «Зеленая дверь» таковыми являются *грамотные извозчики, фруктовые деревья, Венера Милосская, большая и маленькая правды, запах воды и камня*, а в звене «Юный Фауст» главные мотивы — *полет, два ума, Фауст и Мефистофель, идея, марксизм*.

Вот Алпатов, которому предстоит определиться в «огромном беспорядочном мире» [2, с. 309], мчится в поезде «в ту самую страну грамотных извозчиков, дорог с фруктовыми деревьями и всего светлого, что выражалось в слове “прогресс”». Через дым паровоза в наступающих сумерках можно было едва-едва рассмотреть довольно скучные прусские возделанные земли, но Алпатов все глядел туда страстно, как будто пытался через дым и сумерки

узнать там где-то спасающую человека Венеру Милосскую» [2, с. 308]. Герой переполнен радостью, он хочет ею поделиться с самым близким человеком. Ближе других кажется ему Несговоров, благодаря которому «мир предстал разделенный на классы, в которых последний через мировую катастрофу должен сделаться первым» [2, с. 309]. «Казалось, ничуть не мешая решенному вместе с Ефимом делу, присоединялась теперь радость увидеть завтра же своими глазами ту самую Европу, где была и Венера Милосская, и грамотные извозчики, и волшебные аллеи фруктовых деревьев на проезжих дорогах» [2, с. 309]. Но «в отношении к Ефиму» все это почему-то показалось глупо: Алпатов почувствовал, что Несговоров его не поймет.

Первое же впечатление от Берлина подтвердило реальность того, о чем Алпатов слышал в детстве и что воспринимал как сказку: он увидел «волшебного извозчика», читающего газету. Поразило и то, что даже на самых верхних этажах вертелись на подоконниках горничные, «всюду, не стесняясь, выставляли, вывешивали на воздух пуховики, одеяла, подушки, а внизу мыли асфальт и чистили щетками так прилежно, так много лилось воды, что все пахло водою и камнем. Сотни тысяч рук свежим утром прибирали город для нового бодрого трудового дня. И вот такое берлинское, едва ли повторимое в других городах Европы, утро встретило русских, приехавших из недр России с подушками, одеялами и чайниками. На первых порах Алпатов, конечно, не мог разобраться и понять *что от чего*, все главное, казалось ему, было в этом аромате воды и камня» [2, с. 313].

Он пытается увидеть «чисто немецкое» в лицах, но люди кажутся обыкновенными — таких много и в России. «Но все-таки это были и не русские люди. Чудесно было знать, что тут уж никто не подглядывает, не смотрит в упор, не спрашивает: “Чьи вы?” Казалось, человек тут виден не с лица, а вывернулся всем своим рабочим механизмом наружу и так сошелся в деле с другим. Тут весь человек шагал все вперед и вперед своим историческим маршем. Вот, видно, почему так и кажется, будто в Берлине немцев меньше, чем в Москве: потому что все моховые извилистые ручейки народностей тут, в огромном европейском городе, вошли в одно прямое широкое русло всего человеческого потока в каменных берегах» [2, с. 317—318]. «Широко, просторно, пахнет только водою и камнем» [2, с. 308]. В восприятии Берлина и немцев явно чувствуется двойственность: и привлекает «слиянность» людей в едином потоке, и настораживает то, что «человек тут виден не с лица».

Алпатов видит не только парадную сторону Берлина — рейхстаг, «большое тяжеловесное здание с золотым куполом» [2, с. 306], старое здание университета, «столь почтенное и не соответствующее новому времени» [2, с. 323], «на несколько верст прямую, как линейка» [2, с. 317], улицу, ведущую к Шарлоттенбургу, где он хочет снять квартиру. Идя от центра Берлина к пригороду, он вскоре заметит, что дома уже без украшений, они похожи один на другой, «на асфальте начался сор, из дворов на улицу стали выбегать плохо одетые дети, толпа поредела. Совершенно так же, как и в России, остановились на углу два знакомых, стали разговаривать и загородили собой путь другим» [2, с. 318]; казалось, они разговаривали спокойно, но вдруг один бросил в лицо другому цветочный горшок с землей и человек с окровавленным лицом бросился догонять убежавшего обидчика. «Тогда музыкальный марш человека прекратился. Алпатов был в рабочем квартале» [2, с. 319].

Но попав в комнату немецкого рабочего, с «умывальнойником под мрамор и вышивкой под точеной ручкой для полотенца: “Бог есть любовь”»

[2, с. 319], Алпатов поражен удивительной чистотой. Он понял, почему томился в тюрьме: «потому что там миллионы людей жили под соломенными крышами вместе с животными, с божницами, наполненными черными тараканами. Там, на родине, был закон для совестливого человека: “так жить нельзя”. Тюремная камера там казалась единственно возможным жилищем для совестливого человека, временным страданием до исполнения срока мировой катастрофы, после которой разрешено будет жить хорошо, потому что тогда не будет ужасного неравенства» [2, с. 320]. Кровати с пуховиками, полочки, умывальники под мрамор с вышитыми над нами словами — основные мотивы главки «Русский», связанные с размышлениями Алпатова о том, что «скромная жизнь порядочному человеку в Германии разрешается», тогда как на родине «запрещена порядочная жизнь для интеллигента» [2, с. 320].

Еще не раз, рассказывая о Германии, Пришвин будет подчеркивать высокую культуру быта немцев. В прекрасном пансионе с окнами на горы в Иене, владелицей которого является вдова профессора, не случайно любят останавливаться иностранцы — здесь комфортно, все до мелочей продумано. Казалось бы, незначителен эпизод встречи Нового года в Лейпциге, но мы из него узнаем об обычае саксонцев угощать в Новый год всех, кто бы ни зашел. Алпатов приглашен хозяином встречать Новый год «с его семьей и обычными гостями» только потому, что сидел до тех пор, пока не начали сдвигать столы. При этом «...хозяин считает своим долгом еще раз объяснить гостю, чтобы он не подумал, будто он его желает в интересах своего дела, нет: все угощение будет за счет хозяина, такой обычай во всей Саксонии» [2, с. 409]. Алпатова поразило, как самый обыкновенный уличный кабачок преобразился вечером, он стал домашним, уютным: «Не узнать пивную, в которой сегодня же был, все устроено, как будто это внутренняя комната какой-то семьи. Барышня, вероятно, хозяйская дочь, встречает него приветливо, как знакомого, просит раздеться, гости приветствуют его приход, другая барышня играет на пианино, а третья вот уже подходит к нему с подносом, просит взять его стакан с горячим вином» [2, с. 412].

Но Алпатов отчетливо понимает, что немцы отличаются от русских не только по бытовой культуре и поведению, у них иное мировосприятие. Он убедился в этом сразу, как только приехал в Берлин. Извозчик, с которым он заговорил, был удивлен желанием прилично одетого господина найти дешевую квартиру. В те секунды, пока извозчик думал, о чем спросить, у Алпатова мелькнула мысль, что «московский лихач непременно бы ему ответил сразу и высокомерно: “Я почему знаю?”». Но извозчик вежливо спросил, с какой целью приехал в Берлин молодой человек. «Газета в руке извозчика обернулась титульной стороной», и Алпатов, прочитав название, обрадовался: значит, они единомышленники. Назвав извозчика товарищем, он признался, что в Германию приехал учиться и что у него мало денег. «А если у вас мало денег, товарищ, — ответил извозчик, — то зачем же вы приехали учиться?» Герою стало ясно, что общественное сознание в Германии иное, чем в России: «Слово *товарищ* было для него как перебегающая искра мировой катастрофы: студент и товарищ в России много значит даже для неграмотных людей, а вот в Германии человек читает “Форвертс” и никак не может понять, что бедный стремится к науке» [2, с. 314].

Точно так же не будут понимать Алпатова и хозяева квартиры — рабочий-металлист Отто Шварц и его жена, их родственники и приятели, которым унтер-офицер «почему-то» кажется лучше студента, а также сокурсник

Алпатов — Мейер, от которого он услышит «совершенный вздор мещанской жизни» о «двойной» любви: одна — для портнихи, другая — для «приличной жены» [2, с. 346], и хозяйка квартиры в Лейпциге, где он проживет три года. Все немцы, с которыми общается Алпатов, — люди добрые, открытые, гостеприимные, но в то же время — практичные, деловые, во всем ищущие личную выгоду и умеющие устроиться в жизни с наибольшей пользой для себя.

«Алпатов не обратил никакого внимания на Германию военную, о которой с возмущением говорили все либеральные люди. Он смотрел в Берлине на жизнь по линии лучших возможностей, главой государства был ему Бебель, а не Вильгельм, господствующими классами не юнкерство и буржуазия, а только пролетариат» [2, с. 357]. Но Алпатов увидел, что рабочих абсолютно не интересуют политические вопросы. В романе рассказывается о собрании металлистов, куда его повел Шварц. Рабочие собрались в танцевальном зале, они сидят за столиками с женами, пьют пиво, одобрительно слушая адвоката Гейне, убеждающего их с помощью математических вычислений, что забастовка не принесет победы.

Вожди «левых» Вильгельм Либкнехт, сердитый «высокий старик с белой бородой», и Август Бебель, в глазах которого было «что-то от святого разумника Белинского, а улыбка от сатир Щедрина» [2, с. 334], не вступают в спор с правым социал-демократом. «Бебель не возражал: не было смысла, казалось Алпатову, тратить слова там, где никому верить не хочется и, кажется, жить и так хорошо. И все единогласно голосовали против забастовки» [2, с. 334]. Алпатов не услышал мудрых слов от своего кумира Бебеля, за перевод книги которого «Женщина и социализм» год просидел в тюрьме.

Отто Шварц на вопрос Алпатову, верит ли он, что когда-нибудь пролетариат объединится и перевернет весь мир, ответил, что не раз это слышал, но думать об этом некогда, и он искренне недоумевает, почему его жильца удивляет, что он социал-демократ — ведь он рабочий. И собрание, и праздник стрельцов представляют для него одинаковый интерес — по сути, это развлечения. Более же всего ему хочется увидеть императора на прогулке. Алпатов с удивлением обнаружил, что рядовые члены партии подобострастно приветствуют императора Вильгельма. Отто сделал замечание Алпатову, не снявшему шляпу перед императором, а на его возражение, что Бебель не стал бы кланяться и кричать «hoch», ответил: «Бебель — вождь <...>, ему ведь это можно и нужно, я же человек обыкновенный, нечего скрывать от себя, вы сами видели, у нас в народе любят императора, все кланяются, все кричат, зачем же я буду отставать от всех, разве этим возьмешь?» [2, с. 336]. И Алпатову почудилась в ответе Отто «маленькая правда», из-за которой неприлично «...ставить ежом большую правду: все равно же и Бебель не стал говорить о мировой катастрофе, когда цифры доказывали маленькую правду невозможности даже простой забастовки» [2, с. 336]. Эта маленькая, коротенькая правда в России называется мещанством.

В повествовании о пребывании героя в Берлине варьируется мысль о Германии как мещанской стране. Кольцевая композиция этого фрагмента романа ее подчеркивает: уезжая от Шварцев, герой вновь видит на балконах верхних этажей хозяек в белых передниках, развешивающих пуховики и ночное белье, а «внизу щетками чистили, поливали асфальт, и всюду пахло водой и камнем» [2, с. 350]. Но не вся Германия такова.

Пруссии с ее центром — «военным каменным Берлином» [2, с. 449], с окружной железной дорогой, маленькими огородиками вдоль нее, где

на клочках земли, не имеющей запаха, выращивают картошку, — противопоставлена Саксония. «Там, в Тюрингенских горах, покрытых милыми лесами, всегда окутанными фиолетовой дымкой, расположены маленькие города, в которых живут садовники, эти города не враждуют с природой, а люди там очень добрые, совсем не такие, как в Пруссии» [2, с. 349], — так охарактеризовала свою родину, назвав ее Зеленой Германией, Мина, и Алпатов скоро убедится в истинности ее слов.

В поисках невесты он отправился в Саксонию; в Иене остановился у фрау Ниппердай, к усадьбе которой ведет дорога-аллея из фруктовых деревьев. Он узнает, что «счастливая русская фрейлейн» хотела повидать «зал, на Вартбурге, где состязались певцы Вольфрам и Тангейзер», а затем «в Дрездене Рафаэлеву “Сикстинскую мадонну”» [2, с. 354]. Алпатов, отправившийся вслед за Инной, восхищается ухоженной прекрасной страной, «каждый аршин которой был любовно преображен человеком» [2, с. 357]. Русский человек, «задавленный невозделанной землей», особенно остро почувствовал «величие преобразующего труда человека не гениального, а самых обыкновенных людей, которых в России презрительно называют *обывателями*» [2, с. 357]. «Казалось, вдали везде синели леса, но когда к ним приближался, то все оказывалось рощами, сажеными рукой человека. Везде были рощи между полями, но в этих саженых лесах птиц пело гораздо больше, чем в огромных диких русских лесах, и время от времени через лесные поляны перебежали настоящие дикие козы» [2, с. 358].

После разговора с садовником, убежденным, что и навоз чувствует уход, и когда ему хорошо, то хорошо и самому человеку, у Алпатова возникло ощущение внутренней свободы: «Теперь на что только он ни глянет, ничто от него не отвертывается и не упрекает, как на родине. Прекрасная, совершенно белая дорога по зеленым полям, ровные канавки возле дороги, плоды на деревьях, свисающие до самого рта, красивые коровы, среди которых ходит и египетский Апис, рабочие кони-великаны с огромными телегами, перелески с поющими птицами, белые двухэтажные дома в деревнях и, главное, сама земля, возделанная, удобренная с верхним бархатным слоем, — все говорит по-своему: “Мне хорошо, и потому хорошо человеку”» [2, с. 360].

А главное, изменилось представление Алпатова о Германии и о немцах: «мещанская страна превратилась в прощеную землю, Зеленую Германию» [2, с. 358], родину тружеников и поэтов. Когда же он «обернулся в прошлое страны, в провинцию, то на первый план у него выступил не Бисмарк, объединивший все провинции, а Веймарский герцог с поэтами Гете и Шиллером» [2, с. 357]. А «раз он теперь в прощенной стране, то и он может принять участие в ее радостях»: «Белая дорога ... вьется между горами. Русский юноша пьет холодную воду из ключа, возле которого шли пилигримы и своим пением напоминали Тангейзеру его рыцарский долг. Вот и зала на Вартбурге, где состязались певцы и Вольфрам пел о вечерней звезде¹. <...> А в Веймарском парке он бродит по тем же аллеям, где Гете бродил, и читает по-немецки вслух его “Ифигению”. Новый смысл открывается ему в знаменитой трагедии на месте ее происхождения. Ифигения была в своем роду проклята, но своей волей. Разумом, милосердием разбила Кашееву цепь» [2, с. 358].

---

¹ По свидетельству В. Д. Пришвиной, опера Р. Вагнера «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» была любимым произведением писателя, Пришвин прослушал ее в Германии тридцать семь раз [4, с. 205].

В крестьянском трактире он читает том натурфилософии Гете, книгу «о внутренних чувствах жизни», и ему кажется, что он «нашел у Гете себе целый новый мир» [2, с. 359].

Теперь он должен увидеть «Сикстинскую мадонну». Дрезден вызвал ощущение праздника: «День ли удался такой в природе яркий, или у людей был какой-то праздник, или этот праздничный город, как вечнозеленое растение, был сам по себе предназначен для вечного праздника?» [2, с. 361]. Огромный музей в Цвингере «предстал Алпатову как воспоминание сказки, и чудом казалось, что ту же самую сказку переживали все художники с далеких времен. И он шел из одной залы в другую очарованный и как бы пьяный от постоянных рассказов в красках и линиях одной и той же своей собственной сказки». И когда он вошел в комнату, где находилась одна лишь «Сикстинская мадонна», то «сразу узнал в ней что-то знакомое и совершенно простое и прекрасное. Подумав немного, он вспомнил: это было в жаркий день на опушке дубового леса, жнея подошла к люльке, висевшей под деревом, взяла ребенка, стала кормить и осталась в памяти святая, как и мадонна Сикстинская...» [2, с. 362].

Он сел на свободное место «и, опять рассматривая мадонну, стал вспоминать святую жнею, чудесную бабу под Ельцом. Так в этот день странным образом сходились все к одному: в Ифигении открывался человек, победивший проклятие свое, а картина Рафаэля раскрывала естественную невинность людей...» [2, с. 363]. А после спора с Ефимом Несговоровым, считающим, что искусство расслабляет, отвлекает от социальной борьбы, «не звучала ему больше музыкальная сказка, и лица людей не удивляли своим сходством с оригиналами великих художников» [2, с. 369].

Звено «Юный Фауст» посвящено пребыванию Алпатова в Лейпциге, где он окончательно растерял свои революционные взгляды: «Осталась позади эта страшная русская жизнь, где всю молодость отдают *идеи*...» [2, с. 399]. Учиться в Лейпцигском университете, «великом храме германской науки», герою предложил Несговоров, давший ему партийное задание — организовать марксистский кружок. Алпатов задание не выполнил, более того, в диспуте после доклада «От марксизма к идеализму» он потерпел фиаско, ибо еще «не знал ни Рилия, ни Зиммеля и ни малейшего понятия не имел о *гносеологии*, вокруг которой и вертелся доклад» [2, с. 380].

У Алпатова не было приятелей среди немцев, что неудивительно. «Пуд соли съесть, чтобы человека узнать, — плохая поговорка в Европе, где в установленных формах общежития можно десятки лет ежедневно обедать с людьми и произносить одно только слово *Mahlzeit!* Можно и так устроиться, что ежедневно будешь принимать участие в домашних концертах, вместе ходить раз в неделю в театр, по праздникам прогуливаться на велосипедах, на лодке, и так вместе съесть не один пуд соли и все-таки оставаться совершенно неузнанным» [2, с. 415]. Квартирная хозяйка, у которой он прожил три года, только «под самый конец курса болотных наук» спросила Алпатова, зачем он хочет стать торфмейстером, никто до тех пор «не поинтересовался интимными причинами выбора им столь скромной профессии» [2, с. 415—416].

Не сошелся он близко и с русскими студентами. «Мефистофель» Амбаров, сокурсник, которому доверился Алпатов, зло подшутил над ним, из-за чего пришлось участвовать в дуэли на шлегерах с буршем-корпорантом. В романе подробно освещен ритуал происходящей в начале XX века дуэли.

На заседании буршенгерихта (суда чести) буршу была разрешена дуэль с иностранцем. Секундант корпоранта явился к Алпатову и сообщил ему постановление буршенгерихта, и пришлось Алпатову учиться фехтованию, чтобы немцы не посчитали русских трусами. Наконец наступил день дуэли. Но до рассказа о дуэли писатель вспоминает бои английских петухов: на петухов поставлены большие деньги, и потому зрители «на смешное петушиное смотрят серьезно». Это, по мнению Пришвина, многое объясняет и в отношении к дуэлям буршей. «В этих дуэлях все проходит, кажется, еще серьезней, чем в дуэлях с смертельным исходом на пистолетах, и это очень понятно: перед смертью люди могут шутить, но если не смерть, а обряд, то какой же смысл в шутке? Единственная опасность остаться без руки, если острый, как бритва, шлегер, перебьет плечевое сухожилие *axillaris*, но и то едва ли это возможно: опытный Беспартийный с высоты бочки зорко следит за первой кровью, и как только крикнет свое “halt” — секунданты скрестят свои шлегера между противниками, доктор бросится, схватит своими пинцетами разрезанные концы *axillaris* и как-то по-своему устроит все к благополучию» [2, с. 400].

И вот Беспартийный поднял свой шлегер. «Противники сходятся с открытыми лицами, плечами и грудью. Все начинается с такой же осторожностью и затаенным волнением, как у петухов, вооруженных самой природой боевыми шпорами, тоже долго примериваются тот и другой, ожидая на себя нападения, думая: пусть он первый ударит, а я готов отразить удар и потом ударю по-своему» [2, с. 401]. Алпатов не выдержал первым, бой шел с переменным успехом, корпорант кончиком шлегера задел Алпатова, но судья не заметил первой крови, а растерявшийся корпорант был сильно ранен. «Доктор спешит промывать и сшивать», корпорант «просит пива и, улыбаясь, приветствует противника. Алпатов чокается с ним весело: прозит и мойн» [2, с. 401]. Вот этого у петухов нет, это придумали люди, замечает повествователь.

В романе обстоятельно рассказано об уникальном, чисто германском явлении – студенческих корпорациях. Описывая подготовку коммерша (студенческой пирушки), Пришвин раскрывает структуру корпорации: «Между тем *фуксы*, эти молодые члены корпорации, еще в черных декелях, *фуксы* первых семестров, *красфуксы*, и старшие *брандфуксы* сдвигают столы, составляют один большой, во всю залу. Другие тащат свежую бочку, пробивают ее острием, ввинчивают кран, расставляют по всему столу зейдели. Собираются мало-помалу старшие корпоранты, полноправные члены конвента, вшитых золотом цветных декелях и с лентами на груди, корпоранты первых ступеней — *молодые дома*, корпоранты вторых ступеней — *старые дома*, третьих — *почетные головы* и вечные студенты, седеющие и лысые, много лысых, разные *филистры*, давно уже окончившие университет и сидящие на хороших государственных местах, но все-таки в цветных декелях, совершенно истыканных шлегерами на коммершах своей юности, и какой-то совсем старый филистр в чине действительного тайного советника» [2, с. 403].

Столь же обстоятельно описывается коммерш: «Потом председатель ударяет по столу шлегером. После пения старинной студенческой песни говорят приветствия филистрам, потом опять «поют и пьют, и говорят о неизменных традициях корпорации *Concordia*, благодарят за поддержку почетных филистров, всех от высшего к маленькому, нисходя пирамидально». Потом «начинается *ландесфатер*. Все берут в руки по шлегеру, становятся пара-

ми — друг против друга, прокалывают острями шлегеров свои цветные декеля и поют:

Декель я колю тобою,
Клятвою клянусь святою
Быть достойным и верным
Своей Альма Матер» [2, с. 403].

«Маленькое происшествие» позволило рассказать и об обряде наказания провинившегося неопытного фукса — *ванценкурише*: «Все бросают в кружку несчастного фукса окурки, пепел, спички, объедки, всякую невозможную *клопину* дрянь. Фукс на виду всех становится на колени, подносит эту кружку к своему рту» [2, с. 403]. Он должен очень медленно пить, ровно столько времени, сколько будет продолжаться общее пение, а оно «умышленно тянется долго на слове: *тяни*» [2, с. 404]. Пришвин вводит в текст немецкую песню, давая перевод ее в сноске.

После рассказа о коммерше в лирическом отступлении автор размышляет о национальных традициях. Он вспоминает, что русские часто называют немцев дураками, а французов, англичан, японцев, китайцев, итальянцев — нет, и делает вывод: «*дураками* у нас считают главным образом людей, у которых традиция преобладает над личными качествами, что позволяет даже действительно неумному человеку провести неглупую жизнь. У нас, наоборот, не имея возможности жить чужим умом с помощью традиции, наш дурак так исхитряется, что становится умным. А еще мы приладились юродствовать в положениях, плохо подчиняющихся действию разума, тогда как немцы устраивают и это разумно; я думаю о множестве немецких браков при содействии брачных газет, браков часто многолетних и совершенно счастливых. Точно так же невыносимо нам приспособление рыцарских традиций к современному бюрократическому строю в студенческих корпорациях, где тайный советник дисциплинирует маленького фукса в верных чувствах своему кайзеру и потом приготавливает ему местечко по службе» [2, с. 404—405]. И только после этих слов автор вновь говорит об Алпатове, «оглушенном глупостью всего происходящего» и пившем «зейдель за зейделем золотое саксонское пиво, светлое берлинское, темное баварское»...

Алпатов — студент философского факультета. В «Кашеевой цепи» говорится о «предрешенности факультета»: «Правду кто-то сказал о Германии, что философия там похожа на вымя со множеством сосцов, питающих науку, — и теоретические, и прикладные. В России даже в образованном обществе как-то не всегда удобно сказать: *занимаюсь философией*, потому что наша философия непрактичная... В Германии даже агрономию читают на философском <...>. Социальные науки, уж конечно, на философском, и потому Алпатову факультет предрешен» [2, с. 376—377].

Алпатов «спешит прослушать и Вундта, и Оствальда, и Бюхера², и Лампрехта, и всех молодых светил философии. Скоро Алпатов с удивлением вспомнит то время, когда в их подпольном кружке метафизика была почти бранным словом. Вундт читает философию, но его слушают больше врачи, так не похожа его философия на беспочвенную *метафизику*. И химик Оствальд, точный исследователь, посвящает два часа в неделю, чтобы поделиться со студентами всех факультетов своей философией природы. И, может

² Пришвин постоянно употребляет такое написание фамилии ученого.

быть, сам Бюхер додумался до ритмической связи работы и музыки только потому, что в юности занимался философией. В самое короткое время Алпатов переменяет свой русский взгляд марксистского провинциального кружка на философию, в кармане у него постоянно маленькие философские книжки, и “Prolegomena” Канта, и “Этика” Спинозы» [2, с. 385—386].

Будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин стал марксистом, однако, как и его автобиографический герой, во время учебы в Германии (1900—1902 гг.) отошел от непосредственного участия в революции. «Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком», — напишет художник в «хронике своей жизни» в 1918 году» [1, кн. 2, с. 366].

В романе Пришвин вспоминает свои студенческие годы. Он был хорошо знаком с основными философскими учениями рубежа XIX—XX веков: позитивизмом, неокантианством, «философией жизни»... Пришвин посещал лекции известных ныне философов. В составленном им списке выдающихся людей, которых он видел в жизни, есть имена социолога и «философа жизни» Георга Зиммеля, физикохимика и основателя «энергетической философии» Вильгельма Оствальда, философа, психолога и физиолога Вильгельма Вундта, выдвинувшего концепцию «аналитической интроспекции», философа и естествоиспытателя Людвиг Бюхнера, профессоров Шмоллера, Вальдена [1, кн. 3, с. 134].

Воздействие на взгляды М. Пришвина «философии жизни», теснее связанной с практической жизнью, конкретной действительностью, «земными» человеческими проблемами, оказалось наиболее сильным. Мы можем говорить о значительном интеллектуальном влиянии идей Ф. Ницше. Имя немецкого философа часто встречается в романе «Кашеева цепь». Книги Ницше открыли герою «настоящее знание», на одно неповторимое мгновение, «как метеор», ярко осветившее мировое пространство [2, с. 393]. О Ницше размышлял писатель на протяжении всей своей творческой жизни. Он восхищался Ницше, «вступившим в борьбу за себя, за *качество* мира» [1, кн. 3, с. 138], но чаще спорил с ним, поскольку имморализм этого «языческого индивидуалиста» [1, кн. 3, с. 51] был абсолютно чужд основам его личности. Последовательным ницшеанцем, как Мережковский, строивший свою концепцию целиком на противопоставлении языческой телесности и христианской духовности, Пришвин не стал, для него Ницше — прежде всего художник слова и великий философ, чье учение «сразу дает толчок искусству» [1, кн. 3, с. 51]. В книге «Мы с тобой», написанной Пришвиным совместно с В. Д. Пришвиной, идет речь о «преодолении» писателем философии Ницше в 1940-е годы.

Пришвину не могли не импонировать идеи немецкого философа Георга Зиммеля, исходившего из тезиса о жизни как реализуемой в самоограничении посредством ею же самою создаваемых форм. Единственным средством регуляции поведения является индивидуальный поиск личностной идентичности и ее выражение в субъективной культуре. Дух, опредметившись, начинает противостоять душе. Преодолеть это можно, по Зиммелю, только через возвращение индивидуальной жизни на основе «индивидуального» нравственного закона. По сути, о том же самом будет размышлять Пришвин, через осмысление значения чувства семьи и дома для русских классиков, пытаясь понять закономерности их творческого поведения и обозначить оригинальность собственного мироощущения: «“Уезжая от родных мест,

становишься меньше?» (Мамин). А я, уезжая, становился больше себя. Так, покидая семью, — в одиночестве становишься меньше; а тут, отправляясь в неизвестное, — приближаешься к порогу чудесной встречи, и весь мир становится тебе Домом» [3, т. 8, с. 365]. Пафос пришвинского высказывания созвучен концепции Зиммеля. Пришвин пишет о «родовом бытии» как мешающем проявлению личного начала, но как корректив можно воспринимать его же мысли, близкие Ницше, — о постоянном возвращении к истокам бытия.

И идея Зиммеля о деятельности гуманитария как «трансцендентальном формотворчестве», осуществляющемся личностью с ее априорно заданным способом видения, была близка писателю. Разумеется, Пришвин использует иную лексику: он не мыслил в систематически продуманных категориях, не заботился о логической последовательности, но, размышляя о своем особом вкладе в творчество жизни, постоянно подчеркивал своеобразие личного способа видения.

В дневнике Пришвина можно обнаружить переключку с «философской» социологией Зиммеля, понимавшего общество как совокупность форм, организующих социальную жизнь, и как совокупность связей людей, однако в своем анализе преимущественное внимание уделявшего не обществу как таковому, а бытию. Пришвин, вслед за немецким философом, основное внимание обращает на бытие, определяющее взаимоотношения людей.

Но особенно значимой для художественного мышления Пришвина стала зиммелевская концепция понимания как отношения одного духа к другому, постоянно дополняемого актами самосознания, обеспечивающими знание себя как другого. Для художественного мышления Пришвина особенно характерны «внутренние диалоги» с соратниками по перу, философами, религиозными мыслителями, учеными — современниками и предшественниками, он их ведет с целью осмысления собственной позиции, определения своего творческого поведения.

Таким образом, многочисленные дневниковые записи писателя и его автобиографический роман «Кашеева цепь» подтверждают тот факт, что в формировании художественного мышления М. Пришвина роль Германии — ее философии, музыки, поэзии, бытовой культуры — значительна.

Список литературы

1. Пришвин М. Дневники: в 4 кн. М.: Московский рабочий, 1991—1999.
2. Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. литература, 1956—1957. Т. 1. 576 с.
3. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. литература, 1982—1986.
4. Пришвина В. Д. Наш дом. 2-е изд, перераб. М.: Молодая гвардия, 1980. 336 с.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1997. 384 с.

УДК 94(470.315)''1933/1935'' :339
ББК 63.3 (2Рос-4Ива) 6-201
DOI: 10.46726/Н.2021.2.6

Ю. А. Ильин, О. Ю. Орешкин

ТОРГОВАЯ СЕТЬ ИВАНОВСКОЙ МЕЖРАЙОННОЙ БАЗЫ ТОРГСИН В 1933—1935 ГГ.: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИТОГИ РАБОТЫ

В статье представлены основные этапы организации торговой сети Ивановской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин и ее дальнейшей реорганизации. В статье перечислены населенные пункты, где были созданы магазины и универмаги Ивановской межрайонной базы. Указаны основные причины и критерии закрытия торговых точек. Отмечены отдельные аспекты кадровой политики. Приведены подробности биографии отдельных директоров Ивановской межрайонной базы Торгсин. Представлены сведения о скупке золотых и серебряных монет, бытового золота и серебра, получении иностранной валюты и драгоценных камней, привлеченных Ивановской межрайонной базой и подчиненными ей торговыми точками в 1933—1934 гг. Приведены расчеты весового значения отдельных валютных ценностей, полученных торговой сетью межрайонной базы. Отмечены страны, откуда наиболее активно направлялись иностранные переводы на счета Торгсина в Ивановской области. Указаны магазины и универмаги лидеры по объемам привлечения валютных ценностей по линии межрайонной базы. Исследован вклад Ивановской межрайонной базы в работу Ивановской областной конторы. Приведено сравнение финансовых показателей Ивановской межрайонной базы с работой других межрайонных баз Ивановской областной конторы. Рассмотрен потенциальный экономический эффект от деятельности Ивановской межрайонной базы Торгсин. Сопоставлены валютные доходы межрайонной базы с расходами государства на строительство крупнейших промышленных объектов периода первого и второго пятилетнего плана в СССР.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсин, Ивановская межрайонная база Торгсин, торговая точка, валютные ценности, индустриализация, торговля с иностранцами.

Yu. A. Ilyin, O. Yu. Oreshkin

BUSINESS NETWORK OF THE IVANOVO CROSS-REGIONAL DIVISION OF THE TORGSIN COMPANY: PARTICULAR FEATURES OF ITS ORGANIZATION AND OPERATION IN 1933—1935 AND THE OUTCOMES OF WORK

The article presents the main stages of the organization of the trade network of the Ivanovo *cross-regional* base of the Ivanovo territorial division of the Torgsin Company and its further reorganization. The article lists the settlements where stores and department stores of the Ivanovo *cross-regional* base were created. The main reasons and criteria for closing outlets are indicated. Some aspects of personnel policy are noted. Details of the biography of individual directors of the Ivanovo *cross-regional*

© Ильин Ю. А., Орешкин О. Ю., 2021

base Torgsin are given. Information on buying gold and silver coins, domestic gold and silver, obtaining foreign currency and gems attracted by the Ivanovo *cross-regional* base and its subordinate outlets in 1933—1934 is presented. Calculations of the weight value of individual currency values obtained by the trading network of the *cross-regional* base are given. The countries which were most active in sending foreign transfers to Torgsin's accounts in the Ivanovo region are noted. Stores and department stores are indicated as leaders in terms of attracting foreign currency values through the *cross-regional* base. The contribution of the Ivanovo *cross-regional* base to the work of the Ivanovo regional office is investigated. A comparison of financial indicators of the Ivanovo *cross-regional* base with the work of other *cross-regional* bases of the Ivanovo regional office is given. The potential economic effect of the activities of the Ivanovo *cross-regional* base Torgsin is considered. The currency revenues of the *cross-regional* base are compared with the state expenditures on the construction of the largest industrial facilities of the period of the first and second five-year plan in the USSR.

Key words: Ivanovo regional office Torgsin, *Ivanovo cross-regional base*, trade point, currency values, industrialization, trade with foreigners.

В 1930-е гг. центральное место в экономике занимала проблема перестройки тяжелой промышленности в условиях социалистического строя. Однако успехи советской экономики достигались различными методами. Проводимая политика обозначила проблему зависимости советской промышленности от импортного оборудования.

Сокращение ключевых экспортных доходов к началу 1930-х гг. обозначило необходимость поиска дополнительных резервов для дальнейшего финансирования промышленности в вопросе импортного обеспечения.

Сведения о дополнительных источниках привлечения таких ресурсов внутри СССР в 1930-е гг. долгое время оставались закрытыми страницами истории. Распад СССР позволил современным исследователям приоткрыть занавес к малоизвестным историческим фактам.

Одним из таких резервов становится Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР), созданный в 1931 г. На первоначальном этапе эту работу планировалось проводить через торговлю с иностранцами, посещавшими нашу страну. Однако уже с июня 1931 г. Торгсин разрешил приобретать товары, реализуемые через свою торговую сеть за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и др. драгоценные камни и произведения художественного искусства [9, с. 11—12]. Торговая сеть Торгсина предлагала своим покупателям дефицитные промышленные и продовольственные товары, как отечественного, так и импортного производства.

В дальнейшем накопленные валютные ценности отправлялись за границу для их обмена на необходимое для проведения индустриализации оборудование.

Главная цель статьи исследовать потенциальный вклад провинциальных контор Торгсина на примере работы Ивановского отделения в дело накопления золотовалютных ценностей и финансирования индустриализации в СССР.

В 1929 г. была образована Ивановская промышленная область (ИПО), в ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1929 г. «О составе округов и районов Ивановской промышленной области и их центров» была введена

окружная система административно-территориального деления ИПО. Документ определил создание 7 округов (Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Шуйский, Ярославский, Рыбинский) [6, с. 223]. В 1930 г. решением ЦИК и СНК СССР окружная система была ликвидирована [6, с. 227].

Отдельного Ивановского округа в ИПО не образовывалось, поэтому торговая сеть Ивановской МРБ охватила территории бывшего Александровского, Кинешемского и Шуйского округов.

Торгсин расширяет свое представительство в периферийных территориях. Одним из таких отделений в 1933 г. становится Ивановская областная контора Торгсин (далее — ИВОК) и действовавшие на ее территории подразделения — межрайонные базы. Межрайонной базой являлся головной универмаг, расположенный в районном центре и объединявший торговые предприятия в радиусе 200—300 км. Ивановская МРБ была образована в сентябре 1933 г. [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 3, л. 65].

Однако магазины и универмаги, в дальнейшем вошедшие в состав базы, открывались в течение всего 1933 г. Ивановский универмаг появился в январе 1933 г. [2, ф. Р-1485, оп. 1, д. 1, л. 16] и стал первой торговой точкой будущей МРБ. К сентябрю 1933 г. магазины и универмаги действовали в населенных пунктах Шуя, Плёс, Гаврилов-Посад, Тейково, Серeda, Южа, Вичуга, Кохма, Александров, Киржач, Кольчугино, Юрьев-Польский, Красное, Палех, Большое Яковлевское, Кинешма, Пучеж, Юрьеvec, Семеновское-Лапотное и Порздни. Данные торговые точки стали основой Ивановской МРБ.

В декабре 1933 г. после создания Кинешемской МРБ в ее состав вошли торговые точки в Юрьеvecе, Пучеже, Семеновском-Лапотном и Порзднях [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 3, л. 7].

Однако в 1934 г. начинается обратный процесс — сокращение торговой сети Торгсина и передача ее магазинов в систему Государственного объединения розничной торговли (далее — ГОРТ). На заседании сектора Валюты и Внешней торговли от 3 февраля 1934 г. № 075/2с «О сокращении сети Торгсин и равномерном распределении точками издержек обращения» были установлены критерии сокращения сети. Ключевыми стали два требования: уровень реализации товаров не менее 500 рублей золотом в месяц и объем расходов 200 % к сумме реализации. Таким образом, точка, делающая обороты ниже 550 рублей в месяц или несущая расходы ниже 200 % (при среднем размере 40 %), подлежала сокращению [4, ф. 4433, оп. 1, д. 97, л. 9].

На 1 марта 1934 г. мы уже не видим в составе Ивановской МРБ торговых точек в Вичуге, Серede, Кольчугино, Палехе.

На основании распоряжения В/О № 194 от 9 мая 1934 г. о ликвидации торговых точек ИВОК до 1 июля 1934 г. должны были прекратить деятельность отделения Торгсина в Юже, Киржаче, Гаврилов-Посаде, Плесе, Красном [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 80, л. 193].

Закрытие торговых точек Торгсина можно объяснить и улучшением снабжения населения продуктами питания. Протоколом Политбюро ЦК ВКП(б) № 4 от 29 марта 1934 г. п. 91/67 «О торговле хлебом в Ивановской области» была разрешена торговля хлебом в следующих пунктах Ивановской области: Лежнево, Родники, Кохма, Южа, Кольчугино [3, ф. 17, оп. 3, д. 942, л. 23].

Другим протоколом Политбюро ЦК ВКП(б) № 5 от 15 апреля 1934 г. п. 89/71 в этот список был включены Тейково, Александров и Серeda [3, ф. 17, оп. 3, д. 943, л. 18].

В результате с 1 августа 1934 г. в подчинении Ивановского универмага оставался только магазин в селе Большое Яковлевское. Шуйский универмаг получил самостоятельность [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 42, л. 186]. Универмаг в Юрьев-Польском с отделением в Александрове перешел в непосредственное подчинение ИВОК [1, ф. Р-3066, оп. 1, д. 9, л. 235]. Таким образом, МРБ прекратила свою деятельность летом 1934 г.

Во второй половине 1934 г. был закрыт магазин в Тейкове [4, ф. 4433, оп. 1, д. 103, л. 12]. Однако отдельные торговые точки, ранее входившие в состав МРБ, продолжали действовать до 1935 г.

На январь 1935 г. торговая сеть бывшей Ивановской МРБ была представлена 5 магазинами. В мае 1935 г. был закрыт магазин в Большом Яковлевском, данное решение оставило Ивановский головной универмаг без подчиненных торговых точек [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 17, л. 101]. Летом 1935 г. был закрыт Юрьев-Польский магазин [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 17, л. 121]. Наконец в ноябре закрывались магазины в городах Шуе и Александрове [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 103, л. 108].

Приказом по ИВОК от 28 января 1936 г. закрытию подлежал с 1 февраля Ивановский универмаг. Продовольственный отдел универмага передавался в отдел Гастронома, а промтоварный ГОРТУ [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 103, л. 137].

За период деятельности в руководстве Ивановской МРБ и головного универмага сменилось 5 директоров: Артамонов И. Р. [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 1, л. 16], Корьев, Крестов В. К [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 102, л. 1], Асташев И. А. [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 82, л. 12], Артамонов А. П. [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 82, л. 51] и Аржанухин М. А. [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 103, л. 27].

Различным был и опыт работы данных руководителей. В частности, Асташев И. А. до перехода в Торгсин сделал большую карьеру в сфере внешней торговли. Его последним местом работы до поступления в Торгсин было торгпредство СССР в Чехословакии в должности референта [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 21, л. 49—49 об.]. Артамонов А. П. до поступления в Торгсин работал продавцом по линии Госторга [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 21, л. 46—46 об.].

Вопреки названию объединения основными его покупателями в магазинах ИПО были не иностранцы, а советские граждане, которые приобретали в обмен на валютные ценности главным образом не антиквариат и предметы роскоши, а товары первой необходимости.

Несмотря на статус периферийной территории, в Торгсинах ИПО и, в частности, торговой сети Ивановской МРБ действовали все виды валютных операций, разрешенных на общесоюзном уровне. Региональная контора и МРБ осуществляли скупку бытового золота и серебра, золотой и серебряной монеты, бриллиантов, а также прием иностранной валюты наличным способом и через заграничные переводы.

Какими же были результаты скупочной деятельности? Рассмотрим итоги этой работы подробнее.

В первый отчетный 1933 г. торговая сеть Ивановской МРБ Торгсин в ИПО приобрела валютных ценностей на общую сумму 744871,62 рубля.

Таблица 1

Выполнение валютного плана торговой сетью Ивановской МРБ Торгсин за 1933 (в рублях) [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 18, л. 275]

Золото — монета	Золото — лом	Серебро — монета	Серебро — лом	Иностр. валюта	Зарубеж. переводы	Междугор. переводы
154585	352278,4	35760,43	188111,85	4037,95	6808,91	460,59
<i>Итого:</i> 744871,62 — официальная сумма. 742043,13 — фактическая сумма						

Уточним, что итоговые цифры скупки по МРБ имеют незначительное расхождение. При сложении показателей скупленных валютных ценностей, указанных в таблице, мы получаем фактическую сумму 742043,13 рубля, при этом официальная итоговая цифра указана в размере 744871,62 рубля. Возможно, это ошибка, допущенная сотрудниками Торгсина, но мы будем придерживаться официальной суммы. Для сравнения отметим, что в целом за этот период торговая сеть ИВОК приобрела валютных ценностей на общую сумму **2 245637,6 рубля** [7, с. 63].

Таким образом, мы видим, что вклад Ивановской МРБ в скупку ценностей составляет 33,2 % от общего объема ценностей, полученных ИВОК за 1933 г. Среди других МРБ показатели были самыми высокими. Наибольшие успехи торговая сеть базы продемонстрировала в приобретении изделий из золота, сумма составила 352278,40 рублей — это больше половины всех доходов торговой сети МРБ.

В изучаемых документах мы не находим указаний на весовое значение полученного драгоценного металла. Однако мы можем произвести собственные примерные расчеты по золоту и серебру, чтобы представить ориентировочный порядок цифр. Так, самое дорогое золото (96 пробы) стоило 1,29 рубля за 1 грамм [4, ф. 2324, оп. 20, д. 576, л. 234]. Если мы разделим сумму его скупки в 1933 г. на стоимость за грамм, то получим цифру 273 кг. золота.

Серебро на апрель 1933 г. в зависимости от пробы оценивалось от 8 рублей (48 пробы) до 14 рублей (84 пробы) за кг [1, ф. Р-1950, оп. 1, д. 6, л. 5]. Таким образом, за первый год работы могло быть скуплено от 13 тонн 436 кг до 23 тонн 514 кг. Конечно, приводимые объемы скупки являются очень условными, их динамика зависела не только от разных проб скупаемых ценностей, но и от периодического повышения цен на них. Однако даже эти данные свидетельствуют о высоком потенциале периферийных территорий в деле накопления валютных ценностей.

Внутри торговой сети МРБ универмаг в Иванове был лидером в деле накопления валютных ценностей. В 1933 г. на универмаг приходилось 50,9 % от всей скупки внутри МРБ, что составляло **378913,23** рубля. Высокими были показатели скупки у магазинов в Кинешме — **152336,35** рубля и Шуче — 74475,83 рубля. Для сравнения отметим, что диапазон привлеченных валютных ценностей по другим торговым точкам составлял от 2462,09 до 27154,24 рубля. Наиболее скромными оказались доходы МРБ от поступления иностранной валюты и составили 4037,95 рубля. Иностранные переводы поступали на счета Ивановской МРБ более чем из 10 стран. Лидером по количеству переводов были США и Монголия [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 18, л. 275]. Переводы из Китая, Персии, Палестины и Турции поступали только на счета Ивановского универмага [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 18, л. 385].

В следующем 1934 г. происходит значительное сокращение валютных поступлений.

Таблица 2

Выполнение валютного плана торговой сетью Ивановской МРБ Торгсин за 1934 г. (в рублях) [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 92, л. 175 об.]

Ивановская МРБ						
Золото — монета	Золото — лом	Серебро — монета	Серебро — лом	Иностр. валюта	Переводы из других стран	Драг. камни
61437,50	73176,34	7065,25	48682,37	8682,77	9768,49	7584,53
<i>Итого:</i> 216 397, 25 — фактическая сумма. 216 621,03 — официальная сумма						

Анализ данных таблицы показывает, что снижение показателей затронуло все виды валютных и скупочных операций, и в сумме они составили 216621,03 рубля. При этом в целом по области было приобретено ценностей на сумму 1 047 209 рублей. Вклад МРБ в общие показатели областной конторы сократился с 33,2 % до 20,7 %. По показателям привлечения ценностей база в 1934 г. перешла на 2 место, уступив Ярославской МРБ.

По-прежнему наибольший доход МРБ получала от скупки золота, он составил 73176,34 рубля. По данному показателю база уступала Ярославской и Рыбинской МРБ. Результаты скупки серебра составили 48682,37 рубля и, как в предыдущем году, были вторым по значению результатом. Мы проследим изменение динамики весовых значений скупки золота и серебра, используя цены 1933 г. Применяя данные расчеты, мы получили данные за 1934 г. — 56,7 кг золота, а показатели объемов серебра от 3 тонн 477 кг до 6 тонн 11 кг. Мы можем предположить, что общий объем ценностей, приобретенных скупочными пунктами в 1933—1934 гг., мог составлять применительно к золоту 329,7 кг, а в отношении серебра варьироваться от 16 тонн 913 кг до 29 тонн 525 кг. Однако вновь отметим, что расчеты являются очень условными и могут выступать исключительно ориентиром.

По 1934 г. нам недостает при изучении Ивановской МРБ сведений по Юрьев-Польскому универмагу, так как в конце 1934 г. универмаг перешел из подчинения Ивановского головного универмага непосредственно конторе.

К сожалению, в исследуемых нами документах мы не обнаруживаем данные по скупочным операциям за 1935 г. Это касается данных в целом по области. Вместе с тем анализ данных даже за 1933—1934 гг. показывает, что только за два года торговая сеть Ивановской МРБ приобрела различных валютных ценностей на сумму равную 961 492,65 рубля.

Накопленные валютные ценности в дальнейшем не аккумулировались исключительно внутри региона и могли быть направлены на финансирование любого предприятия страны. Оценить потенциальный вклад валютных накоплений ИВОК Торгсин мы можем, сопоставив их с расходами на оснащение предприятий тяжелой промышленности внутри области в этот период.

Примером такого сопоставления в региональном масштабе являются данные по заводу «Автоприбор» в г. Владимире ИПО. В 1933 г. завод «Автоприбор» был полностью укомплектован импортным оборудованием на 123 единицы стоимостью **272 692 рубля** золотом [5, с. 2]. Таким образом, объем валютных ценностей, накопленных торговой сетью Ивановской МРБ Торгсинза 1933—1934-х гг., позволил бы почти полностью оснастить **4 таких завода** тяжелой промышленности.

Для сравнения отметим, что в масштабе СССР данный показатель выглядит несколько скромнее. В частности расходы на строительство гигантов социалистической промышленности составили: для Горьковского автозавода — 43,2 млн руб., Сталинградского тракторного завода (СТЗ) — 35 млн руб., Автозавода им. Сталина — 27,9 млн руб., Днепроостроя — 31 млн руб., Господшипника — 22,5 млн руб., Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) — 23 млн руб., Харьковского тракторного завода (ХТЗ) — 15,3 млн руб., Магнитогорского металлургического комбината — 44 млн руб., Кузнецкого металлургического комбината — 25,9 млн руб. и Уралмаша — 15 млн руб. [8, с. 312].

Однако, сопоставляя затраты на ХТЗ и Уралмаш, мы видим, что только силами Ивановской МРБ можно было бы обеспечить оснащение каждого предприятий свыше 6 % от общей потребности. Цифра, конечно, скромная,

но вновь уточним, что речь идет о крупнейших промышленных стройках того времени, а Ивановская МРБ и ее головной универмаг являются лишь одним из подразделений ИВОК.

Опыт работы Ивановской МРБ и ИВОК позволяет нам рассматривать Торгсин как эффективный для государства дополнительный источник привлечения валютных ценностей в СССР, необходимых для финансирования индустриализации. На общесоюзном уровне за короткий период существования Торгсин получил ценностей на сумму более 287 млн рублей (по цене скупки), что было эквивалентом 220 т чистого золота. В критический момент золотовалютного банкротства государства Торгсин обеспечил валюту для индустриализации. В финальном отчете Торгсина отмечалось, что скупленные им ценности покрыли более пятой части затрат на импортные закупки 1932—1935 гг. [8, с. 310—311].

Что касается Ивановской промышленной области, то заметим, что контора Торгсина (ИВОК) была учреждена после печально известных событий апреля 1932 г., когда на почве голода поднялись рабочие и служащие против действий местных властей. Для «урегулирования» продовольственного вопроса власти снизили до создания механизма «обираения» местного населения: в обмен на золотовалютные ценности предлагались продукты питания и промтовары. И это в регионе, который был «классикой» дикой эксплуатации капиталистами своих рабочих и служащих. Те ценности, которые удалось вытащить у голодающих трудящихся, в большинстве своем являлись плодом непосильного труда нескольких поколений работников и, по сути, являлись их фамильными реликвиями (обручальные кольца и т. д.). Не случайно, центрами этой скупки были крупные промышленные районы региона: Иваново, Кинешма, Шуя. Не пресыщенность толкала людей на «туземный» обмен с государством, а голод и отчаяние. На нужде и слезах фабрично-заводского населения, служащих и представителей трудовой интеллигенции аккумулировались в руках государства средства для социалистической индустриализации по-сталински.

Список литературы

1. Государственный архив Владимирской области.
2. Государственный архив Ивановской области.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.
4. Российский государственный архив экономики.
5. Завод «Автоприбор // Призыв. 1933. № 28. С. 2.
6. *Околотин В. С.* ИПО (1929—1936 гг.) Уроки экономической истории. Иваново: ИГТА, 2009. 528 с.
7. *Орешкин О. Ю.* Дополнительные источники финансирования индустриализации СССР (на примере деятельности Торгсина в Ивановской промышленной области в 1933—1935 годы) // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 62—65.
8. *Осокина Е. А.* Алхимия советской индустриализации. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.
9. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

ББК 74.484.7+72.471.9
УДК 378.4(470.315):069
DOI: 10.46726/И.2021.2.7

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье очерчивается круг основных вопросов, связанных с организацией и деятельностью археологического музея Ивановского государственного университета. Отмечается, что археологические музеи — особое явление в истории многих университетов, связанное с образовательной, научной, экспозиционной деятельностью. Уделяется внимание международному сотрудничеству и публикационной активности музея, направленной на введение в научный оборот археологических материалов из фондов музея.

Ключевые слова: университет, археологический музей, экспонаты, образовательная, научная, экспозиционная деятельность, международное сотрудничество.

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

ARCHAEOLOGICAL MUSEUM IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE OF IVANOVO STATE UNIVERSITY

The article outlines the main issues related to the organization and activities of the Archaeological Museum of Ivanovo State University. It is noted that archaeological museums are a special phenomenon in the history of many universities, associated with educational, scientific, and exhibition activities. Attention is paid to the international cooperation and publication activity of the museum, aimed at introducing archaeological materials from the museum's collections into scientific circulation.

Key words: university, archaeological museum, exhibits, educational, scientific, exhibition activities, international cooperation.

Археологический музей ИвГУ — явление в университетской жизни весьма примечательное. Вопросы возникновения и деятельности подобных музеев уже затрагивались в разных исследованиях, в том числе и авторами данной статьи [1, 8, 9, 24, 33, 34, 35, 39, 40]. В связи с этим мы лишь кратко отметим, что история создания и функционирования таких музеев очень индивидуальна. Самые первые из них возникли ещё в XIX веке (археологический музей Казанского университета, Музей археологии и этнографии Сибири в Томском университете). Однако создание большинства из них приходится на 1970—80-е годы (Самарский, Волгоградский, Тюменский, Челябинский, Удмуртский, Сыктывкарский, Северо-Восточный и др. университеты). Хотя необходимо отметить, что отдельные *археологические музеи* (далее — АМ) возникали и в первой половине XX в. (в Московском, Пермском, Воронежском,

Дальневосточном университетах), и в сложные 1990-е годы (в Тверском, Омском, Елабужском, Горно-Алтайском, Симферопольском университетах). Появляются музеи и в XXI веке (Сахалинский университет и др.). Как правило, создание АМ в университетах происходило по инициативе преподавателей, читающих курс археологии и ведущих археологическую практику. И одним из стимулов создания АМ было включение в учебные планы исторических факультетов вузов в 1960-е годы обязательной археологической практики. После возвращения студентов с практики сразу возникал вопрос об обработке и хранении накопанных материалов перед сдачей их в государственный музей. Чаще всего с этой целью в вузах создавались археологические лаборатории или кабинеты археологии, на базе которых впоследствии и возникали АМ. Развернувшиеся в 1980-е годы и продолжающиеся в настоящее время масштабные охранные археологические работы также способствовали этому процессу.

АМ ИвГУ возник на историческом факультете в начале 1990-х годов. Сначала появились музейные фонды. В основу их легли коллекции из раскопок Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН) памятников мезолита — эпохи бронзы Ивановской и Ярославской областей, в которых принимали участие и студенты исторического факультета ИвГУ. В то трудное время в Москве ликвидируют археологическое хранилище Института археологии, которое располагалась в подвале одного из домов на ул. Ферсмана. Коллекции пришлось срочно вывозить и размещать в разных музеях, согласившихся их принять. В результате значительная часть коллекций Верхневолжской экспедиции оказалась в музеях Ярославля, Рыбинска, Углича и Александрова. Материалы из раскопок стоянок близ оз. Сахтыш (Тейковский р-н Ивановской обл.), заполнившие целый кузов машины ГАЗ-66, были привезены в ИвГУ. В основном это был массовый материал (керамика, отходы производства). Потом в те же 1990-е годы они были пополнены артефактами с сахтышских стоянок из Ивановского государственного историко-краеведческого музея, оказавшимися излишними из-за отсутствия площадей для хранения. Кроме того, после кончины Д. А. Крайнова экспонаты с Сахтыша и полевая документация (коллекционные описи, фотографии и проч.), находившиеся на хранении у него дома, были по устному завещанию учёного переданы его вдовой М. Б. Крайновой в наше распоряжение. Пополнение фондов продолжается до настоящего времени за счёт коллекций из раскопок археологических памятников во время проведения научных и охранных работ на территории Ивановской области. Первые десять лет существования музея работа велась лишь с фондами. Составлялись описи музейных предметов, создавались электронные версии научной документации и проч. Наконец, в 2002 г. была открыта первая экспозиция, обогатившая появление собственно музея, который представлял собой теперь не только хранилище древних предметов, но и площадку для всеобщего обозрения наиболее значимых и эффектных артефактов. Музей в настоящем виде создавался в память об известном российском археологе Дмитрие Александровиче Крайнове (1904—1998 гг.), который более 30-ти лет возглавлял Верхневолжскую экспедицию. В создании экспозиции принимали участие студенты, аспиранты и выпускники исторического факультета, которые в своё время работали в Верхневолжской экспедиции. В 2007 г. в рамках выполнения проекта по гранту Министерства образования была создана вторая экспозиция. И, наконец, после переезда исторического факультета в новый

учебный корпус в 2014 г. экспозиция была полностью перестроена. Открытие существующей ныне третьей экспозиции состоялось в октябре 2015 г.¹ Музей создавался и осуществлял свою деятельность при всемерной поддержке ректора ИвГУ (2000—2019 гг.) Владимира Николаевича Егорова.

Археологический музей ИвГУ. Новая экспозиция принимает гостей, 2015 г.
(фото А. В. Степанова)

---

¹ Вторая и третья экспозиции создавались на профессиональном уровне под руководством одного из лучших экспозиционеров Ивановской области Елены Аркадьевны Толстопятовой. В своё время ею была создана существующая поныне экспозиция Музея ивановского ситца. Многие годы она работала в Ивановском государственном историко-краеведческом музее, а также заместителем директора Ивановского областного художественного музея по науке. Перейдя в 2004 г. на работу в ИвГУ, Е. А. Толстопятова постаралась поднять на новый уровень и работу университетских музеев.

В экспозиции представлена незначительная (примерно одна сотая) часть из коллекции АМ. Жемчужиной её является не имеющий аналогов единственный в мире экспонат, представляющий собой искусно вырезанную из основания рога лося с помощью каменных резцов маску-личину служителя культа предков. Она была обнаружена в 1990 г. в ритуальном сооружении — «святилище» на территории могильника волосовской культуры Сахтыш Па (III тыс. до н. э.)². Этот экспонат представлялся на разных выставках, в том числе и в Государственном Эрмитаже, неоднократно публиковался в России и за рубежом [17, с. 31, рис. 34; 20, с. 67, 265, рис. 438, рис. V; 22, с. 132, рис. 69; 27, с. 29, рис. 3; 28, с. 128—129, рис. 12—14; 36, с. 111, рис. 150; 43].

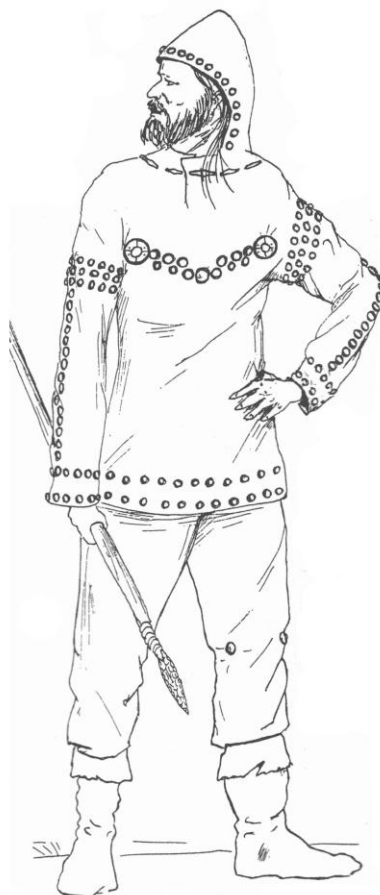
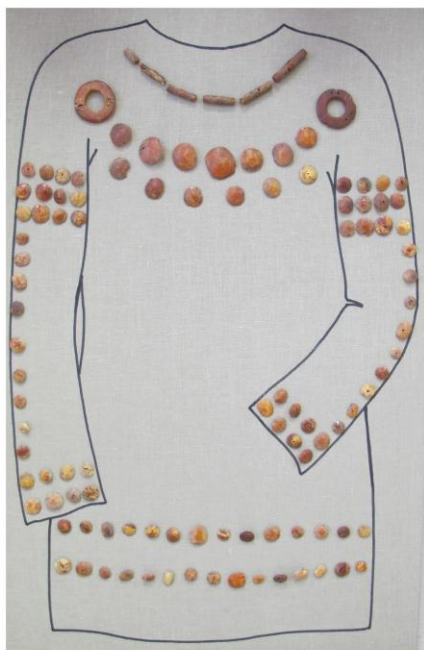

Сахтыш Па. Роговая маска-личина служителя культа предков из «святилища» № 1
(фото А. Мацане в обработке Е. Л. Костылёвой)

Среди уникальных артефактов экспозиции — вырезанная из сучка сосны головка лося (VII тыс. до н. э.), антропоморфная глиняная фигурка и рукоять деревянного ковша в виде головы утки (IV тыс. до н. э.), календарный сосуд и гравированное на камне изображение сцены охоты (III тыс. до н. э.) [15; 17, с. 21, 23, 24, 31, 38; 30; 31, с. 39; 36, с. 78, рис. 101; с. 79, рис. 104; с. 87, рис. 113—115; 37]. Примечательна коллекция украшений из восточно-прибалтийского янтаря, найденных в захоронениях сахтышских могильников III тыс. до н. э. [16]. Это вторая в России по величине коллекция янтарных украшений из древних погребений после собрания Государственного Эрмитажа. Значительная часть из них (более 100 экз.) также представлена в экспозиции в реконструкции одежды мужчины, на которой был нашит янтарь³.

² Все даты в статье приводятся по традиционной хронологии без учёта калибровки радиоуглеродных дат.

³ Реконструкция выполнена в соответствии с расположением украшений на костях скелета.

Сахтыш Па. Реконструкции одежды мужчины с янтарными украшениями из захоронения № 15 (фото А. Мацане, рисунок И. В. Купцова в обработке Е. Л. Костылёвой)

Кроме артефактов в фондах музея хранятся останки древних животных с торфяниковых стоянок Ивановской и Ярославской областей. В научно-вспомогательном фонде музея представлены фотоархив, полевая и научная документация (отчёты, описи, чертежи, рисунки), личные архивы археологов Д. А. Крайнова и Е. Н. Ерофеевой [23; 38].

Коллекции АМ ИвГУ вызывают большой интерес специалистов по мезолиту-неолиту. С ними приезжали работать археологи из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород, Петрозаводск) и из-за рубежа (Германия, Франция, Швеция, Финляндия, Норвегия, Польша). Материалы, вызывающие такой большой научный интерес, были получены в ходе раскопок памятников близ оз. Сахтыш (стоянки Сахтыш I, II, Па, VIII, 14), в которых многие годы принимали участие студенты-практиканты и волонтеры исторического факультета ИвГУ. Результаты этих исследований и наиболее интересные артефакты опубликованы в различных российских и зарубежных изданиях [10, 12, 13, 14, 15, 18, 22, 25, 27, 28, 29, 36, 43, 48]⁴.

⁴ Мы не имеем возможности сделать ссылки на все публикации, т. к. число их насчитывает несколько десятков, поэтому отметим лишь некоторые.

Археологический музей ИвГУ. Исследовательница из Гётеборгского университета (Швеция) Айя Мацане за работой в экспозиции, 2016 г. (фото Е. Л. Костылёвой)

Более всего исследований было посвящено проблемам радиоуглеродного датирования объектов эпохи неолита (верхневолжская, льяловская и волосовская культуры). Датированию подвергался пищевой нагар с внутренней стороны глиняных сосудов, останки людей и украшения из захоронений льяловской и волосовской культур могильников Сахтыш II, Па, и VIII, а также материалы ритуальных комплексов («святилищ» и «кладов») волосовской культуры. Датирование образцов проводилось в радиоуглеродных лабораториях Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Киля (Германия), Орхуса (Дания), Белфаста (Великобритания) [2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 19, 21, 26, 32, 41, 42, 44, 45, 46, 47].

В научно-образовательное пространство АМ активно вовлекаются и студенты. На основе материалов фондов АМ выполняются курсовые и выпускные квалификационные работы, представляются доклады на научных конференциях, пишутся статьи. У некоторых из них интерес к археологии перетекает в профессиональную сферу. Так, В. А. Аверин защитил кандидатскую диссертацию по археологии, в том числе и на материалах, хранящихся в АМ, возглавил ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», где последние годы проходили археологическую практику студенты 1 курса исторического факультета. Успешно работают в этой сфере также наши выпускники А. Аверина, Н. Цветкова, А. Цветков, А. Шишков, П. Чечулин, Д. Самотовинский, А. Жуков, В. Барышников, Е. Васильева, О. Несмиян, В. Орлов, Е. и Е. Пискуновы, Д. Хавина и др.

Большая роль отводится АМ в учебной работе. Прежде всего, при проведении практических занятий по курсу «Археология». На базе АМ проходят археологическую практику студенты, не имеющие возможности по состоянию здоровья выехать в экспедицию. Особое значение работа с материалами фондов АМ приобрела в условиях пандемии COVID-19. Многие студенты в дистанционном режиме работали над составлением электронных версий документов архива АМ (коллекционные описи, отчёты и др.). Некоторые из числа проживающих в Иванове имели возможность приходить в АМ и работать непосредственно с коллекциями и экспозицией.

Образовательное пространство деятельности АМ не ограничено рамками ИвГУ, хотя и предполагает использование музейных коллекций и экспозиций, прежде всего, в обучении студентов исторических специальностей. В АМ школьные учителя приводят на экскурсии своих воспитанников, чтобы дать им представление о жизни людей в древности. Благодаря сотрудничеству со школами, АМ включается в повышение качества образования и в школах, а также в работу по профориентации молодежи.

Немалую роль в деятельности АМ ИвГУ играет просветительская работа, связанная с популяризацией археологического наследия и вопросами охраны памятников археологии через СМИ: публикации научно-популярных статей в газетах и журналах, выступления на радио и телевидении.

Подводя итог краткому обзору места археологического музея ИвГУ в научно-образовательном пространстве классического университета, отметим его разностороннюю деятельность в разных сферах университетской жизни: учебной, научной, просветительской, профориентационной, международной, экспозиционной, фондовой. Однако главной составляющей, на наш взгляд, является сохранение археологического наследия путём профессиональной музеефикации и введения в научный оборот археологических коллекций. Укажем также на наличие высокого потенциала для дальнейшего развития археологического музея ИвГУ, несмотря на ряд имеющихся сложностей.

Список литературы

1. Бернц В. А. К истории музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского государственного университета // Исследовательские традиции в археологии Прикамья / отв. ред. О. М. Мельникова. Ижевск: УдГУ. Ин-т ист. и культ. народов Приуралья, 2002. С. 96—101.
2. Выборнов А. А., Костылёва Е. Л. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Волго-Окского междуречья // Человек, учёный, гражданин: К 90-летию С. Г. Басина. Самара, 2009. Т. II. С. 29—32.
3. Долбунова Е. В., Кулькова М. А., Костылева Е. Л., Мазуркевич А. Н. Новые данные по хронологии раннеолитических материалов памятника Сахтыш Па // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 159—170.
4. Долбунова Е. В., Костылева Е. Л., Мазуркевич А. Н., Медоус Дж., Кулькова М. А., Курель Б., Ликвин А., Херон К., Крэг О. Эталонные памятники верхневолжской культуры Сахтыш II, ПА, VIII: хронология, типология и использование глиняной посуды Эволюция неолитических культур Восточной Европы: материалы Международной конференции, посвященной 120-летию М. Е. Фосс; 110-летию Н. Н. Гуриной и 80-летию А. Т. Синюка / под ред. А. А. Выборнова,

- Е. В. Долбуновой, Е. М. Колпакова, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ; Самара: СГСПУ, 2019. С. 27—29: ил.
5. *Жилин М. Г., Костылёва Е. Л., Зарецкая Н. Е., Спиридонова Е. А.* Природное окружение и история заселения многослойного памятника Сахтыш 2а // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19—21 мая 2014 г. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2014. С. 41—45.
  6. *Зарецкая Н. Е., Костылёва Е. Л.* Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш-2а) // Российская археология. М., 2008. № 1. С. 5—14: ил.
  7. *Зарецкая Н. Е., Костылёва Е. Л.* Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2011. Вып. 8, т. I. С. 175—183: ил.
  8. *Казанцева О. А.* История музеев Удмуртского государственного университета: научное издание. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 192 с.
  9. *Крыласова Н. Б.* Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья / ред. коллегия: А. М. Белавин (отв. за выпуск), Н. Б. Крыласова (гл. ред.) и др. Вып. 1. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2006. С. 3—6.
  10. *Костылёва Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // Советская археология. М., 1986. № 4. С. 138—151: ил.
  11. *Костылёва Е. Л., Зарецкая Н. Е.* Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: Хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе. СПб., 2004. С. 52—55: ил.
  12. *Костылёва Е. Л., Мацане А.* Клювовидные предметы и орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II (Центральная Россия) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 197—204.
  13. *Костылёва Е. Л., Мацане А.* Орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II Центральной России // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: материалы Международной конференции, посвященной 50-летию В. М. Лозовского / под ред. О. В. Лозовской, А. А. Выборнова и Е. В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 144—148.
  14. *Костылёва Е. Л., Трейю Ж. (Treuil J.), Уткин А. В.* Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш IIa (Из фондов археологического музея ИвГУ) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 4 (15). История. С. 49—57: ил.
  15. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 299—304: ил.
  16. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш IIa // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. I. С. 175—184: ил.
  17. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Произведения изобразительного искусства VI—III тыс. до н. э. из собрания Археологического музея ИвГУ: Каталог. Иваново, 2007. 40 с.
  18. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Изображения водоплавающих птиц на льяловских сосудах с Сахтышских стоянок // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 435—439: ил.
  19. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 230—233: ил.

20. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Произведения искусства неолитической эпохи Центра Русской равнины // Труды Государственного Эрмитажа: [Т. 44]: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 63—69.
21. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2009. Вып. 4. С. 28—37.
22. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.: ил.
23. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Архив Д. А. Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета: Новые поступления // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2011. Вып. 3. С. 3—9: ил.
24. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Археологический музей в научно-образовательном пространстве классического университета // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 243—245.
25. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш ПА // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 61—64.
26. *Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1991. Вып. 5. С. 33—42: ил.
27. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш ПА // Археологические вести. СПб., 1993. № 2. С. 20—30: ил.
28. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // Российская археология. М., 1994. № 2. С. 118—130: ил.
29. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш ПА // Российская археология. М., 1994. № 3. С. 103—105: ил.
30. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. II. С. 40—48: ил.
31. *Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Глиняные антропоморфные фигурки центра Русской равнины // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 7. С. 39—42: ил.
32. *Мазуркевич А. Н., Лозовский В. М., Лозовская О. В., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Костылева Е. Л., Решко С. Д., Бурова Н. Д.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесной зоны Европейской части России // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 290—293.
33. *Медведев Г. И.* Университетской научной археологии Северной Азии — 95 лет // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 176—202.
34. *Назипова Г. Р.* Казанский университет и музеи: проблема культурного взаимодействия (XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009.
35. *Нестеров Е. А.* Роль музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета в формировании компетентности студентов-археологов и музеев // Музеи евразийских университетов в поддержании и развитии общего образовательного пространства: материалы Международной научно-методической конференции (Томск, 26—29 сентября 2012 г.) / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 110—122.
36. *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука, 1992. 136 с.

37. Уткин А. В. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. I. С. 38—41: ил.
38. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Из истории археологического изучения Ивановской области: К 110-й годовщине со дня рождения Е. Н. Ерофеевой // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2012. Вып. 4. С. 83—88: фото.
39. Чудова Т. И., Несанелене В. Н. Музей археологии и этнографии Сыктывкарского университета: современное состояние и перспективы развития // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: материалы научной конференции. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга / ред. Р. Д. Голдина и др. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 409—411.
40. Ютина Т. К. Археологические музеи Приуралья в системе высшего профессионального образования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 434—436.
41. Dolbunova E., Kostyleva E., Kulkova M., Meadows J., Mazurkevich A., Lozovskaya O. Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh Iа (Central Russia) // Documenta Praehistorica. XLIV (2017). S. 176—191.
42. Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M. Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: New results on early ceramics in the north Eurasian forest zone // Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3—4. P. 1033—1048.
43. Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D. Fiche masque sur bois d'elan // Objets meconnus: Industrie de l'os prehistorique. Paris: Societe Prehistoire Francaise, 2001. Cahier IX. P. 85—89: ill.
44. Macãnea A., Nordqvist K., Kostyleva E. Marmot incisors and bear tooth pendants in Volosovo hunter-gatherer burials. New radiocarbon and stable isotope data from the Sakhtysh complex, Upper-Volga region // Journal of Archaeological Science: Reports 26 (2019). 101908. P. 1—12.
45. Meadows J., Craig O., Kostyleva E., Kulkova M., Lozovskaya O., Nedomolkina N., Oras E., Piezonka H., Zaitseva G. AMS radiocarbon dating of Prehistoric pottery in north-eastern Europe — progress and challenges // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы Международной научной конференции 24—27 мая, Санкт-Петербург / под ред. О. В. Лозовской, А. Н. Мазуркевича, Е. В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 200—203.
46. Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T. Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh Iа, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 57—73.
47. Piezonka H., Meadows J., Hartz S., Kostyleva E., Nedomolkina N., Ivanishcheva M., Kozorukova N., Terberger T. Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts // Radiocarbon. 2016. № 58 (2). P. 267—289.
48. Utkin A. Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII // Fennoscandia Archaeologica. Helsinki, 1989. Vol. VI. P. 99, 100: ill.

УДК 94(470)''1921/1929'':331.105.44

ББК 63.3(2)613-421

DOI: 10.46726/И.2021.2.8

Н. А. Осипова

**НАДЕЛЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ НОВЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ
ПО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЮ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ГОДЫ НЭПА (По материалам Иваново-Вознесенской
и Владимирской губерний)**

В статье поднимается тема касательно факта передачи правовых полномочий Наркоматом труда (далее — НКТ) в пользу Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (далее — ВЦСПС) и местных профессиональных объединений. Наделение профсоюзов новыми полномочиями было закреплено Декретом СНК РСФСР «О передаче Центрального и местных Управлений Охраны Труда Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов и местным объединениям профессиональных союзов» от 12.05.1921 года.

Важно отметить, что отчуждение некоторых функций, которые ранее принадлежали Народному комиссариату труда, стало предметом дискуссии на четвёртом и пятом Всероссийских съездах профсоюзов. В статье автор делает акцент на том факте, что самостоятельность профсоюзов на деле оказалась формальной, а вся их деятельность в сфере охраны труда и техники безопасности попала под доминирование Наркомата труда. При этом в статье представлен материал не только всесоюзного значения, но и отражена ситуация, которая складывалась на местах (конкретно на предприятиях Иваново-Вознесенской и Владимирской губерний).

Автор показывает, что недействующие демократические принципы, командно-административная вертикаль власти, жестко определяющая границы деятельности профсоюзов, — стали следствием идеологического и организационного подчинения последних партии. Сложившаяся ситуация оказалась в своем роде «профсоюзным НЭПом», тактическим заигрыванием с широкими организованными слоями рабочих и их структурами на этапе восстановления экономики и «живой производительной силы».

Ключевые слова: НЭП, партийно-государственный контроль, административно-командная система власти, профсоюзы, здравоохранение, охрана труда.

N. A. Osipova

**ENSURING TRADE UNIONS WITH NEW CREDENTIALS
TO REGULATE LABOR RELATIONS IN THE NEP YEARS
(Based on materials from the Ivanovo-Voznesensk
and Vladimir provinces)**

The article touches upon the topic of the legal powers transfer by the People's Commissariat of Labor (hereinafter referred to as the PCL) in favor of the All-Union Central Council of Trade Unions (hereinafter referred to as the AUCCTU) and local professional associations. The empowerment of trade unions with new credentials

was enshrined in the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the transfer of the Central and local Labor Protection Departments to the All-Russian Central Council of Trade Unions and local associations of trade unions" dated 05/12/1921.

It is important to note that the alienation of some functions that previously belonged to the People's Commissariat of Labor became the subject of discussion at the fourth and fifth All-Russian congresses of trade unions. In the article, the author emphasizes the fact that the independence of trade unions in fact turned out to be formal, and all their activities in the field of occupational health and safety protection was dominated by the People's Commissariat of Labor. At the same time, the article presents material not only of all-Union significance; it also reflects the situation that developed locally (specifically at the enterprises of Ivanovo-Voznesensk and Vladimir Governorates).

The author shows that the inoperative democratic principles, the command-administrative vertical of power, which rigidly defines the boundaries of the activities of trade unions, are the result of the ideological and organizational subordination of the latter to the party. The current situation turned out to be a kind of "trade union NEP", a tactical 'flirtation' with broad organized strata of workers and their structures at the stage of economic recovery and "living productive force".

Key words: new economic policy (NEP), party-state control, command and control of power, trade unions, health care, occupational safety.

Конец 1920 года был ознаменован тяжелым экономическим и социальным кризисом. Ситуация в регионе Верхнего Поволжья была близкой к катастрофической, особенно в сфере охраны труда и поддержания здоровья фабрично-заводского населения. Объяснялось это еще и неразвитостью социальной инфраструктуры фабричных центров текстильного края в дореволюционный период. Тогда при строительстве фабрик и заводов предприниматели, как правило, не заботились о сохранении здоровья трудящихся. Их целью было получение максимальных доходов при минимальном расходовании средств на улучшение условий труда, и это при потогонной эксплуатации работающих. Кроме этого, помещения фабрик были тесны, максимально насыщены станками и машинами, о технике безопасности не шло и речи.

Бурно начавшаяся на рубеже XIX—XX вв. индустриализация текстильного производства и обслуживавших его отраслей только ухудшила эпидемиологическую ситуацию в крае. Стремительный рост городского и фабричного населения, его скученность, неблагоприятные условия труда, жилищные условия, санитарная необустроенность мест проживания провоцировали вспышки детских инфекционных заболеваний, брюшного тифа, дизентерии, сыпного тифа, оспы и холеры. В г. Иваново-Вознесенске (по данным на 1871 г.) функционировало лишь одно лечебное учреждение для стационарного лечения: больница для мастеровых и рабочих на 50 коек, открытая в 1861 году в специально выстроенном здании [6].

Мало что изменилось и в последующие десятилетия. Так, в 1911—1914 годы детская смертность на первом году жизни в Иваново-Вознесенске составляла от 53 до 57 процентов всех родившихся. Естественный прирост населения оказался в два с половиной раза меньше относительной величины прироста для всех земских губерний России. Призывы молодых людей к отбыванию воинской повинности свидетельствовали, что количество оказавшихся среди них негодными для военной службы превышало половину всех

призывающихся, и это число с каждым годом увеличивалось (в 1913 году — 81 процент) [там же].

Свиристествовал туберкулез среди всех слоев населения в силу высокой запыленности воздуха на текстильных предприятиях. Есть данные лишь за 1-ую половину 1920-х гг., но эти показатели мало разнятся с аналогами дореволюционной санитарной статистики. Так, в прядильном производстве содержание пылевых частиц составило около 35—65 мг/м³, в ткацком: 35—85 мг/м³ (при допустимой норме запыленности, определенной НКТ, в 6—7 мг/м³) [1, д. 662, л. 38]. Все это влекло за собой неуклонный рост числа профессиональных заболеваний у текстильщиков.

Революция, годы гражданской войны и интервенции усугубили нарастание кризисных явлений. Из-за отсутствия сырья останавливались многие фабрики и заводы. Депрессия и стагнация текстильного производства, вызванные гражданской войной, обрекали на спад и смежные отрасли. Выросла смертность рабочих; спасаясь от голода, многие из них стали уходить в деревни. Так, в Иваново-Вознесенской губернии к началу 1921 года количество рабочих сократилось в 2,5 раза и составило 60 тысяч человек [9].

Сворачивалась и без того убогая система народного здравоохранения. Согласно данным, опубликованным в одной из статей Иваново-Вознесенского губернского календаря за 1919 год, в среднем на 1 врачебный участок приходилось до 3000 жителей, а число больных на 1 койку составляло свыше 400 человек [3]. Поэтому говорить о надлежащей борьбе с профессиональными заболеваниями и о принятии мер к их предупреждению — не приходится.

С целью исправления ситуации в 1921 году профсоюзы были наделены полномочиями в сфере охраны труда, о чем свидетельствует Декрет СНК РСФСР «О передаче Центрального и местных Управлений Охраны Труда Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов и местным объединениям профессиональных союзов» [2].

Таким образом, в пользу ВЦСПС и местных объединений профсоюзов были отчуждены некоторые функции, которые ранее осуществлял Наркомат труда (далее — НКТ). В частности, декрет регулировал правовое положение кадрового состава и порядок перехода материальных фондов, которые принадлежали НКТ.

Наделение профсоюзов новыми полномочиями стало предметом обсуждения на IV и V Всероссийских съездах профсоюзов. Так, на IV Всероссийском съезде профсоюзов, который состоялся 17—25 мая 1921 года, в рамках секции по охране труда с докладом выступил представитель ВЦСПС С.И. Каплун. Он, в частности, обратил внимание присутствующих на то, что ВЦСПС и губпрофсоветы получили серьезное задание, в значительной мере отличающееся от прочих функций, и поэтому они должны обратить особое внимание на эту работу. Кроме того, докладчик подчеркнул, что ранее, в силу двойного подчинения аппарата охраны труда (исполнительной власти и профсоюзам), представители профсоюзов рассматривали данное направление как факультативное, следовательно, уделяли ему внимание по «остаточному принципу». Подобная практика была названа С. И. Каплуном порочной [7, с. 122]. Для ее искоренения он предложил предпринять следующие шаги:

«1) восстановить систему старых правил, направленных на борьбу с халатностью в деле охраны труда и техники безопасности;

2) закрепить охрану труда в качестве одного из приоритетных направлений работы профсоюзов в программных документах;

3) содействовать развитию научных изысканий в области безопасности труда на местах;

4) в рамках организационных вопросов сконцентрировать усилия на задаче сохранения аппарата, который перешел к органам охраны труда союзов от Наркомтруда» [там же].

Интересно отметить, что тезис относительно качественного и количественного усиления инспекции труда вызвал оживленную дискуссию.

Так, например, председатель ЦК профсоюза рабочих пожарной охраны Л. М. Шапиро акцентировал внимание присутствующих на том, что в основу организации инспекции труда должен быть положен производственно-союзный, а не территориальный принцип. Он настаивал на том, чтобы инспекция в обязательном порядке была включена в структуру органов по охране труда каждого отдельного профсоюза [там же, с. 144]. «Инспекция считается стержнем всей сферы охраны труда. Если этот стержень не будет находиться в органах по охране труда каждого отдельного союза, то он окажется фиктивным» [7, с. 144]. В данном случае Шапиро остерегался прихода на предприятия людей, не только не знающих кодекса законов о труде, но и не имеющих практического знакомства с производством. Он полагал, что в такой ситуации территориальная инспекция труда будет не успевать проводить обследование предприятий или, проводя таковое, будет «тянуть» к производству, к которому ближе закреплена. Исключением для формирования инспекции труда по производственно-союзному принципу должна стать объективная невозможность такой организации.

Председатель ЦК металлистов Рыско-Рыскин (инициалы в источнике не указаны. — *Н. О.*) отстаивал иную точку зрения. Он полагал, что коллеги переоценили значение аппарата инспекции труда; в то же время приоритетным направлением работы ему виделось укрепление санитарной и технической инспекций. Докладчик аргументировал свою позицию следующим образом. Во-первых, первоочередной задачей профсоюзов должно являться улучшение быта рабочих и повышение уровня доступности и качества медицинских услуг, а не повышение уровня охраны труда. Во-вторых, Рыско-Рыскин ссылаясь на нехватку санитарных врачей, которые должны были обеспечить выполнение всей системы мероприятий по охране труда. В-третьих, докладчик, обратившись к зарубежному опыту, отметил, что наиболее рациональным путем является возложение обязанностей по организации санитарной инспекции на профильный институт исполнительной власти, а не на профсоюзы [там же, с. 147].

Представитель ЦК союза металлистов Добрасов (инициалы в источнике не указаны) высказался против передачи санитарной инспекции Наркомздраву, объясняя это тем, что эта точка зрения является провальной. «Это приведет лишь к забвению рабочего. Наркомздрав не имеет возможности правильно организовать деятельность санитарной инспекции. Он хочет изъять от рабочего класса санитарных врачей, имеющих на больших заводах, и расширить их влияние на общегражданское население. Я считаю, что присутствующие на съезде должны осудить предложение Рыско-Рыскина» [там же, с. 148] — этой мыслью Добрасов заканчивает свое выступление в прениях и получает поддержку не только со стороны представителей отраслевых профсоюзов, но и со стороны представителя ВЦСПС С. И. Каплуна.

Складывается впечатление, что у ряда лиц, выступающих на съезде, превалировало состояние эйфории от возложения на ВЦСПС новых функций в деле управления производством и действиями коллективов рабочих. Ожилились сторонники зарубежного опыта работы профсоюзов, упиравших на отраслевой принцип построения органов охраны труда в ущерб сложившемуся территориальному принципу. Однако, как мы видим, были и сторонники сохранения двоевластия в деле построения и функционирования органов охраны труда (ВЦСПС и соответствующих наркоматов), выступавшие за недопустимость распыления и отделения «какой-либо части от инспекции труда».

Новизна проблемы и необходимость ее осмысления, а также отсутствие консенсуса по многим вопросам стали препятствием для принятия резолюции, поэтому дискуссия продолжилась на V Всероссийском съезде, который состоялся 17—22 сентября 1922 года.

На заседании 18 сентября с докладом выступил представитель от Народного комиссариата труда В.В. Шмидт, отметивший роль НКТ и профсоюзов в сфере охраны труда: «С отходом к профсоюзам дела охраны труда и нормирования заработной платы, НКТ остался лишь учет и распределение рабочей силы, проведение различных видов трудовых мобилизаций, а также различных трудовых повинностей. Это неизбежно отозвалось как на задачах самого Наркомтруда, так и на той роли, которую он за последнее время играл. НКТ неизбежно при этих условиях все больше и больше отрывался от профдвижения, все более и более уходил из-под влияния органов профдвижения, тем самым превращаясь в орган чисто государственный» [8, с. 82].

Представитель ВЦСПС П. Н. Авдеев довольно резко высказался о сложившихся взаимоотношениях между НКТ и профсоюзами. В частности, докладчик обратил внимание на то, что НКТ не только пытался подчинить себе профсоюзные структуры, не желая вступать в диалог с их представителями, но и подменял обсуждение и согласование административно-командными методами управления [там же, с. 94]. В качестве примера такого поведения П. Н. Авдеев привел следующую ситуацию: профсоюзы предлагают представителям власти созвать комиссию, чтобы урегулировать тот или иной вопрос, а в ответ получают документ, общий смысл которого можно свести к фразе «вы не можете предлагать, а можете только просить» [там же, с. 103].

По мнению П.Н. Авдеева, такая система взаимоотношений в корне неправильна. Роль НКТ во взаимодействии с профсоюзами должна заключаться в установлении общеобязательного государственного минимума условий труда. Профсоюзы, в свою очередь, должны через заключение коллективных договоров и тарифных заключений добиваться улучшения условий труда. Кроме того, докладчик подчеркнул, что общеобязательный минимум должен установить «предел хищнической эксплуатации труда в наиболее отсталых отраслях промышленности...» [там же, с. 103].

Итогом дискуссий стала резолюция по докладу В.В. Шмидта, которая определила роль и значение НКТ и профсоюзов в сфере охраны труда. Согласно принятому документу, профсоюзы должны были:

— принимать самое активное участие в организации НКТ и развитии его структуры;

— обратить особое внимание на подбор инспекторов труда, на которых возлагалась функция надзора за исполнением норм в сфере охраны труда,

в том числе — санитарных норм; для этого должны были привлекаться самые квалифицированные товарищи [там же, с. 506].

Инициатива, исходящая от НКТ, проявляющаяся в виде прений, доклада В. В. Шмидта и принятой резолюции, подавила роль профсоюзов в этом вопросе. Профсоюзы фактически признают необходимость партнерства с НКТ, начинают преодолевать состояние эйфории, болезнь «рабочей оппозиции» и начинают понимать, что государственные инстанции сохраняют за собой функции «старшего брата».

Назвать такие взаимоотношения союзническими — сложно. У государства на первом месте превалировали интересы не рядовых граждан, а интересы государственного сектора экономики, от которого зависела экономическая мощь страны. У профсоюзов появилось осознание того, что они должны перестать ожидать помощи со стороны и отныне рассчитывать только на свои силы и поддержку, которую им необходимо завоевать своей активной работой, со стороны рядовых членов союзов.

С решения этих задач профсоюзы и приступили к реализации озвученных на съезде идей и планов [1, д. 291, л. 53]. Об этом косвенно свидетельствует отчет Иваново-Вознесенского губпрофсовета (далее — ГСПС) от 1921 года. В нем говорилось, что деятельность профсоюзов в сфере охраны труда должна быть направлена на защиту интересов рабочих. Эффективность этой деятельности, по мнению представителей профсоюзов, должна зависеть и от самих рабочих.

Одним из методов укрепления связей отраслевых профсоюзов и трудящихся должен был стать *перенос большего объема соответствующих полномочий на местный уровень*. Так, в отчетах Иваново-Вознесенского ГСПС за 1922/1923 гг. отмечалось: «В центре не может быть создана полная и исчерпывающая программа по работе в области охраны труда... разрабатывать план или программу по охране труда плодотворней будет сделано на местах, которые видят своими глазами всю ситуацию» [там же].

Аналогичной позиции придерживалось и руководство Владимирского ГСПС. В своей статье, опубликованной в газете «Призыв», Рятсепп А. Ю. отмечал: «Подъем сознательности и активности рабочей массы, правильное практическое руководство в этом серьезнейшем деле станет возможным благодаря работе профсоюзов на местах» [5].

Высказанные выше суждения губернских объединений профсоюзов сводились к тому, что, признавая возросшую роль отраслевых профсоюзов в деле охраны труда, они все же отстаивали идею сохранения и упрочения своей миссии как координаторов намерений и действий в данной сфере, «аккумуляторов позитивного опыта» на подведомственных территориях. Да и практика жизни толкала к тому, что все возникающие проблемы становились центром обоюдного внимания как со стороны ГСПС, так и со стороны отраслевых профсоюзов.

Так, за 1923/1924 гг. губпрофсовет Владимирской губернии совместно с профсоюзом текстильщиков обсудил свыше 2 942 вопросов в сфере охраны труда. В частности, по технической безопасности — 210 вопросов; санитарии и гигиене — 429 вопросов; по спецодежде, питанию и дополнительным отпускам — 466 вопросов; по вопросам труда женщин и подростков — 48 вопросов [4, с. 102].

В эти же годы (1923/1924) представители Иваново-Вознесенского ГСПС также активно взаимодействовали с профсоюзом текстильщиков

в решении вопросов, касающихся охраны труда. Было проведено 4 губсъезда, 7 губконференций, 17 пленумов и 2 конференции. При этом, по итогам кампании было дано всего лишь 11 письменных указаний (среди основных: проверка предприятий на предмет вредности производства; усиление внимания за сверхурочными работами; введение дополнительных отпусков для лиц, занятых на тяжелых или ночных работах) [1, д. 662, л. 16]. Остальные вопросы ГСПС предпочел решать через опыт живого общения с работниками губотделов, признавая, что работа в таком режиме дает лучшие показатели, чем бумажная переписка.

Среди таковых были:

— выявление санитарных и технических недостатков на фабриках и заводах губернии;

— согласование вопроса выдачи спецодежды с условиями работ на производстве;

— принятие мер по контролю за несчастными случаями, с целью дальнейшего их избегания.

Более того, союз текстильщиков вместе с ГСПС с целью поднятия активности рабочих и приближения их к союзной работе наметили планы по обследованию фабрик и заводов для их дальнейшего переоборудования. В «Докладах и актах по обследованию профсоюзов текстильной промышленности» за 1926/1927 гг. отмечено: «всего за отчетный период совместно с санитарной и технической инспекцией труда, а также ГСПС было проведено обследование на 9-ти фабриках, из которых 2 — ситце-печатные, 2 — льно-прядаильные, 5 — смешанного типа. На фабрике БИВМ 12 профессиям рабочих предоставлен дополнительный двухнедельный отпуск, а рисовальщикам граверного отдела был сокращен рабочий день на 1 час» [1, д. 987, л. 93—93 об.].

Разумеется, что названные кампании проходили не без недостатков, что отмечали сами рабочие.

Деятельность профсоюзов, наделенных новыми полномочиями в сфере охраны труда, «попала» под доминирование соответствующих государственных структур, в первую очередь НКТ.

Профсоюзы зародились в период, когда в стране уже сформировались политические партии, каждая из которых имела свое мнение относительно организации профессиональных союзов, основных целей и задач их деятельности. Отсюда чрезмерная политизированность и вмешательство партии в дела профсоюзов. Верховенство государственной власти в ее отношениях с профсоюзными организациями неминуемо вело не к взаимовыгодному сотрудничеству, а к идеологическому и организационному подчинению последних партии, использованию их в качестве одного из средств борьбы данного политического объединения за власть.

Очевидно, что профсоюзы были далеки от демократических принципов. Это тот основной критерий, который и отличал российское профсоюзное движение от западноевропейского. Координатором решений в области охраны труда оставались не первичные профсоюзные организации, а представители государственной власти. Границы деятельности профсоюзов были изначально жестко определены при командно-административной вертикали власти. Власть не хотела последовательной демократизации профсоюзного движения, а уж тем более усиления его роли на производство, боясь рецидива

движений «Советов Рабочих уполномоченных» (конец 1917 г. — весна 1918 г.), «Рабочей оппозиции» (конец 1920/21 гг.).

Сложившаяся ситуация с наделением новыми правовыми полномочиями в сфере охраны труда профсоюзов, с недействующими демократическими принципами оказалась в своем роде «профсоюзным НЭПом», тактическим заигрыванием с широкими организованными слоями рабочих и их структурами на этапе восстановления экономики и «живой производительной силы».

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р.-765.
2. Декрет СНК РСФСР «О передаче Центрального и местных Управлений Охраны Труда Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов и местным объединениям профессиональных союзов» от 12.05.1921 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17902> (дата обращения: 17.01.2021).
3. Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 год. Иваново-Вознесенск, 1919. 230 с.
4. Отчет Владимирского губернского отдела труда и управления социального страхования о работе с 1-го сентября 1923 г. по 1-е октября 1924 г. К 7-му губернскому съезду профсоюзов. Владимир, 1924. 82 с.
5. *Рятсепп А. Ю.* Как поднять производительность труда // Призыв. 1923. 24 января.
6. Санитарное состояние и лечебная медицина в Иваново-Вознесенске до революции. URL: <http://www.ivanovograd.ru/history/sanitary.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
7. Стенографический отчет IV Всероссийского съезда профсоюзов 17—25 мая 1921 года. М., 1922. 637 с.
8. Стенографический отчет V Всероссийского съезда профсоюзов 17—22 сентября 1922 года. М., 1922. 442 с.
9. *Удалова Т. А.* Советские профсоюзы в годы новой экономической политики: 1921—1927 гг. (на материалах Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2004. 211 с.

УДК 94(470+571)''18''
ББК 63.3(2)52-2
DOI: 10.46726/Н.2021.2.9

А. С. Тюрин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ КАЗНЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В работе рассмотрена деятельность ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии по защите интересов казны и государственных крестьян в середине XIX века. На основе архивных материалов изучены состав преступлений и проступков государственных крестьян Нижегородской губернии, а также наказания, которым они подвергались. Подробно рассмотрены обязанности стряпчего палаты государственных имуществ. Сделан вывод о том, что система волостных и сельских расправ, находившихся в ведении палаты государственных имуществ, была громоздкой и малоэффективной. В то же время система позволяла наказывать за проступки крестьян не используя методы тюремного заключения, что позволяло оставить работников внутри общества и сохранить крестьянские семьи.

Ключевые слова: палата государственных имуществ, стряпчий, государственные крестьяне, волостные и сельские расправы.

A. S. Tyurin

ACTIVITIES OF THE STATE PROPERTY OFFICE IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE ON PROTECTING THE INTERESTS OF THE TREASURY AND STATE PEASANTS IN THE MIDDLE XIX CENTURY

The work examines the activities of the department of state property in the Nizhny Novgorod province to protect the interests of the treasury and state peasants in the middle of the 19th century. On the basis of archival materials, the structure of crimes and misconduct of state peasants of the Nizhny Novgorod province, as well as the punishment to which they were subjected, were studied. The duties of the solicitor of the chamber of state property are considered in detail. It was concluded that the system of volost and rural reprisals, which were under the jurisdiction of the Chamber of State Property, was cumbersome and ineffective. At the same time, the system made it possible to punish peasants for misconduct without using the methods of imprisonment, which made it possible to keep workers inside society as well as keep peasant families.

Key words: chamber of state property, solicitor, state peasants, volost and rural reprisals.

Любое государство имеет в собственности имущество, необходимое для решения государственных задач и обеспечения государственных функций. Государство как собственник такого имущества заинтересовано в защите своей собственности и обеспечении своих интересов. В XIX веке в Российской империи

центральным органом власти, ответственным за управление государственной собственностью, стало министерство государственных имуществ.

Министерство государственных имуществ было создано в 1837 году [7, т. 12 (1837), ч. 2, № 10834] путём его выделения из состава министерства финансов департамента государственных имуществ. С момента создания вопросы защиты прав государственной собственности стали одной из главных задач министерства.

В первом департаменте министерства, отвечавшем за управление государственными имуществами в центральных губерниях, было предусмотрено судное отделение общей штатной численностью в 26 единиц. Отделение состояло из четырёх столов, каждый из которых занимался конкретными видами дел. Так, за первым столом были закреплены спорные дела о недвижимых имуществax между частными лицами и казной, спорные дела между государственными крестьянами о землях, а также дела о выморочных имениях. За вторым столом закреплены спорные межевые дела между казной и частными лицами, размежеванию казенных селений и дела по выделению участков в лесах. К ведению третьего стола были отнесены дела по преступлениям чинов государственных имуществ и дела по растрате общественных сумм. Четвертый стол занимался делами о самовольных порубках казенного леса.

Во втором департаменте, отвечавшем за управление государственными имуществами в прибалтийских и западных губерниях, судное отделение общей штатной численностью в 20 единиц состояло из трёх столов, имевших те же предметы ведения, что и судное отделение первого департамента. К отличиям следует отнести наличие дел «по разбору о вольных людях» и закрепление за третьим столом дел о порубках казенных лесов.

Каждый стол судного отделения занимался только своими подведомственными делами. Отдельные дела, затрагивающие сразу несколько отделений министерства, могли быть вынесены на рассмотрение Общего присутствия при департаментах, а в отдельных случаях — рассмотрены на заседании Совета министра государственных имуществ.

Для решения задач, закрепленных за министерством, требовалось создание подразделений министерства государственных имуществ в губерниях. Проект таких учреждений был утверждён уже через четыре месяца после создания министерства [7, т. 13 (1838), ч. 1, № 11189], а Нижегородская палата государственных имуществ создана 1 июля 1839 года на основании Указа от 20 марта 1839 года [7, т. 14 (1839), ч. 1, № 12144].

Вопросы защиты государственных имуществ в середине XIX века на уровне губернских органов министерства не получили заметного освещения со стороны исследователей. Например, в диссертации И. И. Воронова указано, что «юридические и полицейские функции нового министерства выражались в ограждении прав, оказании покровительства свободным сельским обывателям, обеспечении правосудия, защиты в судебных местах, отвращении притеснений и несправедливости, поддержании сельского благоустройства...» [2, с. 83], однако в работе освещены вопросы преобразования центрального органа (в том числе, его правовых служб), а вопросы судебной защиты государственных имуществ на губернском уровне остались вне рамок исследования.

Отдельные моменты, связанные с защитой интересов казны, упоминаются в работах, посвященных развитию земства и местного самоуправления в Российской Империи (например, [3, 4, 8]), однако хронологические рамки этих исследований относятся к более позднему периоду (после Земской реформы 1864 года).

Среди работ, посвященных деятельности губернских учреждений министерства государственных имуществ в иных губерниях (например, [1, 5]), вопросы защиты интересов казны и государственных крестьян не получили широкого освещения (в основном, исследователи отмечали нарушения лесного законодательства). Кроме того, хронологические рамки этих исследований относятся к более позднему периоду.

Вопрос о создании низовых элементов судебной системы (сельских и волостных расправ) был затронут в диссертации Н. В. Пислегина [6], исследовавшего отношение местных властей и удмуртского крестьянства в первой половине XIX века.

Все указанные исследования имеют территориальную привязку вне Нижегородской губернии. Исследований, рассматривающих вопросы защиты интересов казны и государственных крестьян на территории Нижегородской губернии, автором не выявлено.

Целью данной работы является исследование деятельности ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии по защите интересов казны и государственных крестьян в середине XIX века. Работа подготовлена на основе материалов Центрального архива Нижегородской области.

Согласно штатному расписанию, в Нижегородской палате государственных имуществ была предусмотрена одна должность «стряпчего по делам государственных имуществ», по которой служащий получал в год 1000 рублей жалованья и 200 рублей столовых денег. Назначение на должность стряпчего и увольнение от должности производилось профильным департаментом министерства государственных имуществ на основании представления управляющего палатой, одобренного начальником губернии (губернатором) [7, т. 13 (1838), ч. 1, № 11189, гл. III, п. 25]. Также были установлены полномочия палаты в судебной части [там же, гл. XVIII] и перечень дел, решением которых должен был заниматься стряпчий [там же, п. 55, 66].

В палате государственных имуществ стряпчий вел специальный ежегодный журнал, в котором отмечал все свои занятия с указанием даты. Страницы такого журнала состояли из двух частей: на левой части отмечались «занятия по спорным делам о государственных имуществ», на правой — «занятия по делам государственных крестьян».

Например, из журнала [9, 1861, д. 7] занятий стряпчего за 1861 год следует, что к спорным делам о государственных имуществ относились не только тяжбы, связанные с разделом земельных угодий, споры о недвижимом имуществе (например, мельницах) или самовольных порубках леса и лесных пожарах, но и дела о растрате сборщиками казённых денег, неправильных расходах обществ государственных крестьян при сдаче ратников, принятии в казну выморочного имущества и т. д.

Кроме того, в обязанности стряпчего входила ежемесячная проверка почтовых книг о получении казначеем денег, подготовка ведомостей дел по спорам о государственных имуществ и по спорам государственных крестьян с частными лицами, контроль прохождения дел в уездных судах, а также участие в делах, затрагивающих служащих ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии. Например, стряпчий палаты привлекался к расследованию дела об убийстве юнкера Саленко [9, 1861, д. 7, л. 27 об., 51 об.], по которому были задержаны служащие Нижегородской палаты государственных имуществ коллежский регистратор П. И. Афонский, писец И. М. Савельев и ряд других лиц. В журнале отмечено, что стряпчий

присутствовал на допросах задержанных лиц, на очных ставках и при приведении к присяге. Там же указано, что задержанные служащие палаты были освобождены, а поручик М. И. Одинцов, сделавший выстрел, был «переведён из гауптвахты в острог».

К занятиям по делам государственных крестьян относились, прежде всего, все уголовные дела, в которых государственные крестьяне выступали либо как обвиняемые, либо как ответчики. В журнале отмечено, что стряпчий присутствовал при допросах, очных ставках и приведении к присяге крестьян по делам о краже имущества, краже лошадей, нанесении телесных повреждений, мошенничествах и т. д. В случае, если крестьянин был неграмотен, стряпчий палаты должен был свидетельствовать приведение к присяге. Также стряпчий производил ознакомление арестованных и осуждённых государственных крестьян с ответами на ходатайства, прошения об обжаловании приговоров и т. д.

Поскольку судебное производство было весьма длительным, в обязанности стряпчего входили регулярные проверки условий содержания арестантов из числа государственных крестьян в городской тюрьме и в доме арестантской роты. О каждом таком посещении в журнале производилась отдельная запись, например: «Делал осмотр городской тюрьмы и найдено содержание государственных крестьян в надлежащем порядке, но камерные старосты замка арестанты Андрей Соколов с прочими, всего 9 человек, жаловались на неотпуск круп и масла, о чём мною объявлено смотрителю замка Заворову и уездному стряпчему Дмитриеву» [там же, л. 25]. Кроме того, стряпчий должен был регулярно посещать земской суд, уездный суд и уголовную палату, чтобы побуждать их служащих «к скорейшему производству и окончанию арестантских дел» [там же].

Следует отметить, что если в уголовных делах роль стряпчего состояла больше в наблюдении за ходом дела, а вмешательство в процесс было минимальным, то по гражданским делам, особенно в спорах государственных крестьян с частными лицами, стряпчий палаты государственных имуществ выступал как защитник интересов подведомственных крестьян. Среди гражданских дел, указанных в журнале, есть защита группы государственных и помещичьих крестьян «от притеснений приказчиком краснослободского купца Ненюкова» [там же, л. 26], возврат заложенного имущества [там же, л. 30, 46], взыскание денег в пользу крестьян и защита их интересов при проведении конкурсных процедур над несостоятельными должниками, вопросы опеки и имущественные споры о наследстве [там же, л. 16, 56], оказание консультаций по ведению дел и составление прошений в разные инстанции.

Особенностью судебного производства следует считать то, что решения по делам, в которых государственные крестьяне выступали в роли ответчиков или затрагивались их интересы, направлялись в палату государственных имуществ на согласование и рассмотрение в общем присутствии. Общее присутствие собиралось в составе председателя палаты государственных имуществ, советников, руководителя отделения (хозяйственного или лесного), делопроизводителя и начальника того стола, к ведению которого относилось рассматриваемое дело.

Например, в журнале [9, 1861, д. 6.] общего присутствия Нижегородской палаты государственных имуществ лесного отделения за 1861 год указано о рассмотрении ряда дел о самовольных порубках леса. Среди приговоров: освобождение крестьян от суда и следствия, наказание розгами

и взыскание денежных штрафов, наказание полесовщика за небрежное исполнение обязанностей и др.

Отдельно следует остановиться на отчёте стряпчего по подсудимым государственным крестьянам. Если первоначально такие сведения полностью включались в годовой отчёт палаты, то с 1848 года стряпчий готовил отдельный отчёт [9, д. 70, л. 5—6], который формировался на бланках утверждённой формы и обязательно включал сведения о подсудимых крестьянах за предыдущий год. В отчёте выделялись две группы дел: по уголовной палате и по совестному суду.

Например, из отчёта стряпчего [там же, л. 11 а] Нижегородской палаты государственных имуществ за 1858 год следует, что в течение года были начаты дела в отношении 1966 подсудимых, из них 1875 — мужского пола и 91 — женского пола. Структура преступлений государственных крестьян может быть представлена на диаграмме.

Диаграмма. Структура преступлений государственных крестьян

Как видно из диаграммы, почти 70 процентов дел были связаны с нарушением лесного законодательства. Это дела о самовольных порубках леса, снятии коры и лыка с деревьев в казённых лесах, лесных пожарах и т. д. Отмечу, что все подозреваемые по этим делам были мужского пола и все подозреваемые до решения суда были оставлены на свободе.

Почти четверть дел была связана с имущественными преступлениями — воровством и кражами. Из 441 человека под стражу был помещён каждый девятый, преимущественно мужчины (47 мужчин и 2 женщины); остальные (320 мужчин и 72 женщины) до решения суда оставались на свободе.

Преступления и проступки по общественной службе крестьян в основном были связаны с использованием служебного положения, либо растратой общественных денег. Речь идёт об общественной службе на уровне сельских и волостных правлений. Все подозреваемые по этим делам были мужского пола; каждый пятый на время следствия был помещён под стражу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что более 90 процентов нарушений закона со стороны государственных крестьян имели имущественный характер.

В том же году вынесены решения в отношении 2090 подсудимых государственных крестьян, из них 1992 — мужского пола и 98 — женского пола. Более половины (1051 человек) были освобождены от суда по императорскому манифесту, 244 человека оправданы, 128 оставлены «в подозрении». На каторжные работы в крепостях и заводах были осуждены 4 человека, 1 человек заключён в работном доме, 14 человек переданы в арестантские роты, 4 человека отданы в военную службу, трое сосланы «в места Сибири не столь отдалённые» и 32 человека подвергнуты кратковременному аресту и заключению в тюрьме. Кроме того, в нижние инстанции (на уровень волостных и сельских расправ) перенаправлены дела по 418 крестьянам, а к 191 подсудимому были применены иные наказания (наказание розгами, штрафы и т. д.).

В ежегодном отчёте палаты отдельным разделом выделялась обобщённая статистика уголовных дел в отношении подведомственных крестьян, с указанием сводных сведений по решениям волостных и сельских расправ. Например, из годового отчёта [9, д. 60 а] о деятельности Нижегородской палаты государственных имуществ следует, что в 1859 году подвергались тюремному заключению за уголовные преступления 253 мужчины и 31 женщина из числа государственных крестьян.

На отчётную дату указывалось общее количество государственных крестьян, содержащихся под стражей, с указанием количества крестьян иных губерний. Особо отмечалось, что в тюремных замках более года содержатся 39 мужчин и 7 женщин, дела 9 из них «находятся в рассмотрении Правительствующего Сената». Основными преступлениями, за которые государственные крестьяне попадали под стражу, указаны воровство и бродяжничество (140 и 37 человек соответственно).

Основные виды наказания, к которым были приговорены заключенные, можно представить в виде следующей таблицы.

Приговоры подсудимым государственным крестьянам

	Всего, чел.	в том числе	
		мужчин	женщин
Вынесено приговоров подсудимым	136	119	17
из них:			
— подсудимых оправдано	70	62	8
— подсудимых оставлено в подозрении	28	23	5
— подсудимых осуждено	38	34	4
<i>в том числе:</i>			
на каторжные работы	5	3	2
на поселение	14	13	1
в арестантскую роту	2	2	0
в рабочий дом	2	1	1
на военную службу	1	1	0
наказано и возвращено в прежнее общество	14	14	0

Что касается волостных и сельских расправ, то основные сведения по их действиям предоставляли окружные управления. Например, в годовом отчёте [9, д. 63] Нижегородского окружного управления государственных

имущества за 1859 год указано, что на территории округа 4 волости и 22 сельских общества «по одному на 2992 души обоего пола», для них учреждены 4 волостных и 22 сельских расправы. Общая численность должностных лиц в них составила 202 человека, на жалование которым за год было израсходовано более 5,5 тысяч рублей. Эффективность системы была невелика — за 1859 год расправы Нижегородского округа решили всего 105 дел (4 дела на одну расправу), два дела передали в суды, ещё 25 дел остались нерешёнными.

В годовом отчёте обобщённые данные окружных управлений представлялись в виде двух списков: за какие проступки и преступления крестьяне подвергались суду и к каким наказаниям они были приговорены.

Так, на конец 1859 года для разбора тяжб среди государственных крестьян на территории Нижегородской губернии было учреждено [9, д. 60 а] 11 волостных и 69 сельских расправ, которыми в течение года были рассмотрены 494 дела, в том числе о проступках — 448 и об имуществах — 46 (то есть, чуть более 6 дел на одну расправу в год). Более половины дел связаны с бытовыми проступками, «закрывающими в себе соблазн и дурное поведение», каждое пятое дело связано с проступками «против правительственного и общественного порядка». Дела о нарушении законов о лесах казённых селений составили менее 1 процента всех дел.

Основным приговором, выносимым волостными и сельскими расправами, было телесное наказание (две третьих от числа всех приговоров); кратковременный арест (около 16 процентов приговоров) и денежный штраф (чуть менее 10 процентов приговоров).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что система волостных и сельских расправ, находившихся в ведении государственных имуществ, была громоздкой и малоэффективной. В то же время сложившаяся система позволяла наказывать за проступки крестьян, не используя методов тюремного заключения, что позволяло оставить работников внутри общества и сохранить крестьянские семьи.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости, прекращение разделения крестьян на казённых и помещичьих привело к тому, что крестьянин перестал рассматриваться как государственное имущество. Постепенно происходило изменение структуры управления государственными имуществами. В 1862 году были ликвидированы [7, т. 36 (1861), ч. 2, № 37732] окружные управления. В январе 1866 года произошла передача государственных крестьян из ведомства государственных имуществ в ведение губернских, уездных и местных учреждений [7, т. 41 (1866), ч. 1, № 42899]. В рамках земской реформы часть функций министерства оказалась передана на уровень губерний и уездов, что повлекло реформирование всей структуры управления государственными имуществами. Вместо прежних палат государственных имуществ в губерниях были созданы управления государственных имуществ. Это преобразование [7, т. 41 (1866), ч. 2, № 44024] произошло в 1866 году.

В штате нового управления [9, 1866, д. 12] вместо одной должности стряпчего появился отдельный судебный стол, занимавшийся всеми спорными делами лесной части. Его штатная численность составила 5 человек. Дела по жалобам крестьян на неправильную оценку земель и промыслов, а также дела по казённым интересам и выморочному имуществу были сосредоточены в хозяйственном столе. Таким образом, несмотря на двукратное сокращение управленческого аппарата в ходе реформ, в 1867 году ведомство государственных

имуществ на губернском уровне заметно усилило свои правовые структуры для защиты имущественных и земельных интересов казны.

В заключении можно сформулировать следующие выводы о деятельности ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии по защите интересов казны и государственных крестьян в середине XIX века.

1. За ведомством государственных имуществ был закреплен широкий круг вопросов, связанных с защитой интересов казны и государственных крестьян.

2. При решении уголовных дел вмешательство со стороны ведомства в процесс было минимальным, а при решении гражданских дел и имущественных споров ведомство оказывало определенную поддержку государственным крестьянам.

3. На губернском уровне эффективность системы защиты в середине XIX века была невысока вследствие очевидного недостатка кадров (один стряпчий на губернскую палату государственных имуществ) и излишней бюрократизации системы управления.

4. Система волостных и сельских расправ, находившихся в ведении ведомства государственных имуществ, была громоздкой и малоэффективной. В то же время сложившаяся система наказаний за проступки крестьян позволяла оставить работников внутри общества и сохранить крестьянские семьи.

5. Более 90 процентов нарушений закона со стороны государственных крестьян имели имущественный характер.

Список литературы

1. *Бочаров О. Е.* История регионального управления государственным имуществом России: по материалам Курско-Орловского управления государственными имуществами, 1875—1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.
2. *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи: XIX — начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 2016.
3. *Жукова Л. А.* Взаимодействие властных структур и органов земского самоуправления в России, 1864—1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
4. *Кирилюк А. А.* Земство и крестьянский вопрос в пореформенной России, вторая половина XIX века: на материалах губерний Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2001.
5. *Маркова В. А.* Деятельность органов Министерства государственных имуществ в провинции с 1867 г. по февраль 1917 г. (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
6. *Пислегин Н. В.* Власть и крестьянство Удмуртии в конце XVIII — первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005.
7. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание (1825—1881).
8. *Скутарлеев Д. Е.* Местное самоуправление центральных губерний России в 1864—1918 годы: организационно-финансовые и экономические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
9. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 55. Оп. 209.

Л. Д. Петряков

НООСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В центре внимания статьи — идентичность как необходимый для человека и общества инструмент организации и управления в больших коллективах. Предложено переосмысление традиционного подхода, согласно которому люди в обществе руководствуются правилами, которые даны им традицией, религией, либо созданы ими самими, а значит и разум рассматривается как действующая сила истории. Показано, что естественность поведения человека не предполагает наличия каких-либо внешних или внутренних правил поведения, а только спонтанность его реакций на внешние стимулы, как части социальной системы. Сделан вывод, что если поведение такого человека рассмотреть как «норму вне правил» и «систему внутри системы», то он представляет угрозу «ноосферной безопасности» как системе разумных правил. Зафиксировано, что эта угроза не носит фатальный характер, так как деятельности иррационального субъекта направлена на поиск новых состояний равновесия между ним и «разумным» обществом.

Ключевые слова: иррациональный человек, идентичность, безопасность, социальная система, фрактал, асимметрия, равновесие Нэша.

L. D. Petryakov

NOOSPHERIC SECURITY AS AN ACTUAL IDENTITY

The article is focused on identity as a tool for organizing and managing large groups of people necessary for a person and society. Proposed is a reinterpretation of the traditional approach according to which people in society are guided by the rules that are given to them by tradition, religion, or created by themselves, which means that reason is considered as the acting force of history. It is shown that the naturalness of human behavior does not imply the presence of any external or internal rules, but only the spontaneity of his reactions to external incentives, as a part of the social system. It is concluded that if the behavior of such a person is considered as a “norm outside the rules” and “a system within a system”, then he poses a threat to “noospheric security” as a system of reasonable rules. It is stated that this threat is not fatal, since the activity of an irrational subject is aimed at finding new states of equilibrium between him and the “reasonable” society.

Key words: irrational person, identity, security, social system, fractal, asymmetry, Nash equilibrium.

Как правило, под социальной и политической идентичностью страны понимают традицию — то, что сохраняется длительное время или воспроизводится периодически в её истории. Однако ещё Поль Рикёр говорил о двойственности этого понятия, соединяющего «быть как все» и «быть непохожим

на других» [7]. Объяснил динамику этой дихотомии Николас Луман, показав, что социальные системы строятся на основе смысла, который продуцируют сами, а смысл, в свою очередь понимается им как различие вообще [4]. Отсюда статичное понимание идентичности только как традиции становится ущербным. Новое понимание идентичности предполагает поиск наилучших ответов на актуальные вопросы современности. Сопряжение внешних и внутренних стимулов динамики идентичности предполагает использование фрактальной методологии, способной сконструировать модель идентичности как процесса и как состояния человека и общества.

Ф. М. Достоевский утверждал, что человек хочет, во что бы то ни стало, быть непохожим на других [3]. Это стремление нельзя назвать разумным. В то же время В. И. Вернадский считал возможным объединить человечество в сфере разума [2]. Критика Достоевским «социалистического проекта» состояла в том, что в «хрустальном дворце» разума людям становится скучно, они утрачивают стимулы к труду и активной жизни, что подрывает основы жизни любого общества. Психологическую и философскую критику господства разума провёл В. М. Бакусев, показав, вслед за А. Шопенгауэром, что движение только разума есть «Матрица» [1] — имя, взятое из одноимённого фильма 2000-х годов, мир, ставший формальным и фальшивым, где люди теряют связь с реальностью и идут к неизбежной катастрофе.

«Рецепт», предложенный В. М. Бакусевым — считать «центральным ядром» личности человека его чувства, а разум — способом адаптации чувств, к реальности. Примером подобного развития для него стала мифология К. Юнга о поиске личностью «потерянной души», проходя через все известные сценарии мифов и знаковых событий европейской культуры и истории: в античности люди считали, что мир есть театр, где каждый день разыгрываются истории «золотого века». За всем этим, очевидно стоит Ф. Ницше с его идеалом «античности до Сократа» — дионисийский соблазн, другая крайность, способная законсервировать общество и формализовать отношения людей.

Наука, изучив подобное противоречие, даёт нам подсказку в виде равновесия Нэша. Социологические и политологические теории говорят, что устойчивое состояние общества будет отличаться от оптимального (идеального) состояния. При этом ни одна группа акторов не сможет улучшить своё положение, изменив в одностороннем порядке стратегию своего поведения. В сфере безопасности равновесие Нэша проявляется в стратегии гарантированного взаимного уничтожения. При этом никакие односторонние действия — ни разоружение, ни наращивание вооружений не меняют положение дел. Попытка изменить данное положение концепцией ограниченного ядерного удара малой мощности привела к тому же самому — появлению у другой стороны аналогичного оружия. Равновесие сохранилось.

Для того, чтобы сделать рациональный выбор и улучшить существующее положение, людям необходимо договариваться и действовать совместно. В случае «коэволюции», выбора коллективных действий с учётом интересов всех (или большинства) действующих сторон, равновесие способно устанавливаться на более высоком (выгодном для всех) уровне. Даже исторические события в некоторой перспективе способны «стягиваться» к положительному «ядру». Это же показали компьютерные модели типа «Жизнь», конкуренции в условиях действия разных правил. Это справедливо и для равновесия чувств и разума отдельного человека.

Но коллективная природа «общего успеха», предполагает также реализацию индивидуальных способностей и талантов, «запросов» к обществу и поступков, направленных к воплощению в жизнь планов отдельных людей. Здесь мы встречаемся с обратимостью свойств и отношений: человек, строящий свою жизнь, относится к обществу конструктивно и рационально, т. е. положительно. Если же общество воздвигает на этом пути непреодолимые препятствия, то отношение человека к социуму меняется на негативное. Возможно, человек не согласится на низкое состояние своего социального равновесия с обществом и будет поступать иррационально, о чём говорит принцип эргодичности. «Выгода» этого человека будет состоять не в материальном положении, поскольку он уже не может его улучшить, а в психоэмоциональной реализации своего противоречия, «разрядке», сопровождающейся моральной солидарностью других людей.

И так, мы имеем дело с «разумным субъектом», когда условия его существования способствуют достижению его целей, а «разум», обладающий информацией, позволяет выстроить путь достижения успеха и спрогнозировать будущие события. Мы имеем дело с конструктивным субъектом, если его разум, не обладая достаточной информацией, стремится сконструировать собственную истину и, помня о существовании других людей, стремится действовать ко всеобщему благу. Когда же мы видим человека, действующего только подчиняясь системным свойствам фрактала [5] — асимметрии и парадоксальному выбору и другим — мы имеем дело с иррациональным субъектом. Рассмотрим его более подробно.

Эргодичность проявляется в том, что каждый день человеку приходится выбирать, совершать поступки, вступая в отношения с другими людьми, их правилами и стереотипами, т. е. обществом в целом. Вступая в эти отношения, человек становится частью сложной самоорганизованной системы и «местом» проявления ею своих системных свойств — таких, как асимметрия и эффект масштаба: там, где человек встречает неопределённость, к примеру, в другой стране, он будет выбирать знакомое (Македональдс). Напротив, среди знакомого, где есть пространство для проявления индивидуальности — он предпочтёт что-то новое, к примеру, вегетарианское блюдо. Асимметрия расширяет пространство возможных событий, в которых может принять участие этот человек и может рассматриваться как системная движущая сила истории.

Возможные события накапливаются, особенно в ситуации «застоя» реальности, и одни из них приобретают большую вероятность, чем другие. Приняв за правило идею Ф. М. Достоевского, о том, что человек хочет быть собой всегда, мы получим, что он будет проявлять индивидуальность (спорить с другими) в малых группах, где он может реализовать свою позицию и убедить других в своей правоте. Напротив, в больших группах, он будет проявлять солидарность с активным меньшинством, так как в них он видит коллективного себя, пытающегося доказать обществу свою позицию.

При этом идейное содержание, аргументы «к разуму», материальный недостаток или его отсутствие, «заговор» будут иметь сопутствующее значение. Как известно, критика идей революции Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и другими великими писателями не имела существенного значения, а порой несла, и обратный эффект. М. Фуко, анализируя историческую «археологию знания» переоценил утверждение Ф. Бэкона «знание — сила».

Напротив, «сила есть знание» — сила утверждения *нового* делает его «знанием», алгоритмом поведения системы [8].

Движущей силой развития человека в обществе (в системном аспекте) является не «сумма общественных отношений» и даже не тимос, а сам человек — «сумма личностных отношений», как некий «х» — теряющий, приобретающий, выбирающий, стремящийся к равновесию и повышению уровня этого равновесия. Он есть ключевой элемент системы, создающий изменения и поддерживающий её постоянство путём повторения парадоксального выбора, независимо от содержания этого выбора. Повторение одних и тех же методов, логических и управленческих решений в истории создают фрактальный «рисунок», демонстрирующий самоподобное множество элементов системы.

Иррациональный субъект, в случае, когда его поступки задают направленность движения общества, представляет для последнего определённую угрозу, но эта угроза не носит фатальный характер, поскольку целью этого субъекта является не разрушение общества — для него это саморазрушение, а нахождение нового уровня равновесия с ним, соответствующего вероятностному пониманию мира данным субъектом.

У. Матурана и Ф. Варела говорили о трёх механизмах развития: репликации, копировании и репродукции [6]. Если репликация (лучшего образца) идёт с одной модели, копии получают независимое существование и это не согласуется с нашей моделью фрактальности развития. Копирование, если оно предполагает преемственность модификаций от одной копии к последующей, приводит к фрактальности, сочетается с аутопоэзисом — самодостаточностью и самовоспроизводством системы. Репродукция — самый простой вариант развития — это распадение надвое с получением двух элементов одного класса. Так, для общества как развивающейся системы вряд ли возможно прямое копирование лучшего образца, возможны либо последовательные модификации с возможно лучшим равновесием интересов акторов в каждой, либо распад с появлением подобных, но развивающихся самостоятельно дочерних обществ.

Аутопоэзные системы развиваются в единстве *всех* своих элементов, и это делает фиктивными такие понятия как «раскол» и «кризис». Нет системы «прошлой» и «сегодняшней», нет классов, «власти» и «народа». В основе развития общества и наблюдаемых нами событий истории — действие одного элемента — субъекта, постоянно делающего парадоксальный выбор (дающего асимметричный ответ) с целью нахождения очередного равновесия социальных сил. Парадоксальность его «стратегии» состоит, к примеру, в дестабилизации с целью *новой* стабилизации и т. п. В этом проявляется его «живая» идентичность, обновляющая и стабилизирующая систему одновременно.

Таким образом, для достижения «ноосферной безопасности» аутопоэзной системы необходимо изучить детально её работу и внести в её деятельность элемент рефлексии, самонаблюдения, что сделает более понятными и предсказуемыми её действия. Общество, какой бы системой оно не являлось, нуждается в большей солидарности, доверии, открытости, компромиссе.

Список литературы

1. Бакусев В. М. Лестница в бездну: Ницше и европейская психическая матрица. М.: Культурная революция, 2012. 295 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1988. С. 20—208.
3. Достоевский Ф. М. Игрок. Записки из подполья. М.: Юрайт, 2020. 240 с.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
5. Маврикиди Ф. И. Фракталы. Постигая взаимосвязанный мир // Дельфис: Культурно-просветительский журнал. 2000. № 3 (23). URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/fraktaly-postigaaya-vzaimosvyazanniy-mir> (дата обращения: 12.03.2021).
6. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
7. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
8. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. 416 с.

УДК 378

ББК 74.484.4

DOI: 10.46726/H.2021.2.11

*О. Е. Баксанский, И. Е. Задорожнюк, Р. В. Шурупова***ИНДИКАТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
МЕДИЦИНСКИЕ ВУЗЫ
В РЕЙТИНГАХ «ПАНДЕМИЧЕСКОГО ГОДА»**

Предмет анализа авторов статьи — список 100 лучших вузов страны за 2020 г. В центре внимания материала — медицинские вузы, готовящие кадры для «передовой» пандемического фронта. Зафиксирована специфика медобразования в целом в отношении студентов-волонтеров. Показано, что рейтингование высших учебных заведений медицинского профиля позволяет осуществить не только анализ их статуса, но и динамики их продвижения. Компаративный анализ различных рейтингов, равно как комплексное рассмотрение соответствующих параметров ранжирования представлены как методологическая база исследования. Констатирован возрастающий спрос на знания о человеке и его здоровье. Подчеркнуто, что в удовлетворении этого социального запроса и заключается вклад «университетской медицины» в дело обеспечения глобальной и национальной безопасности. Сделан вывод, что отечественное медобразование оказалось способным обеспечить кадровое наполнение системы антипандемических мер, благодаря укоренившимся в ней «земским» и «советским» основаниям.

Ключевые слова: рейтинг, медобразование, медицинский государственный университет, «университетская медицина», инновации, коллаборации, цифровые технологии.

© Баксанский О. Е., Задорожнюк И. Е., Шурупова Р. В., 2021

• Серия «Гуманитарные науки»

O. E. Baksanskiy, I. E. Zadoroznjuk, R. V. Shurupova

EDUCATIONAL SAFETY INDICATORS: MEDICAL UNIVERSITIES IN THE RATINGS OF THE “PANDEMIC YEAR”

The subject of the author's analysis is the list of the 100 best Russian universities in 2020. The material focuses on medical universities that train personnel for the “frontline” of pandemic war. The specificity of medical education in relation to student volunteers has been noted. It is shown that the rating of higher educational institutions of a medical profile makes it possible to carry out not only an analysis of their status, but also the dynamics of their advancement. A comparative analysis of various ratings, as well as a comprehensive consideration of the corresponding ranking parameters, are presented as a methodological basis for the study. The growing demand for knowledge about a person and his health has been stated. It is emphasized that meeting this social demand is the contribution of “university medicine” to ensuring global and national security. It is concluded that domestic medical education has been able to provide personnel for the system of anti-pandemic measures, thanks to the “zemstvo” and “soviet” foundations rooted in it.

Key words: rating, medical education, medical state university, “university medicine”, innovations, collaborations, digital technologies.

Авторитетное отечественное рейтинговое РАЭК-Аналитика в числе 100 лучших вузов страны за 2020 г. включило 14 медицинских (в рейтинге 2013 г. их было 11, в рейтинге 2018 г. — 13, а в рейтинге 2019 г. — целых 16). Список (URL: https://raex-a.ru/rankings/vuz/vuz_2020'2) пользуется вниманием специалистов и публикуется в журнале «Эксперт», а сведения о нем приводятся в «Российской газете». Это, безусловно, высокое место группы данных профильных вузов оказалось вполне заслуженным: не только выпускники, но и студенты данных и других медвузов успешно сдают экзамен «на зрелость» — профессиональную востребованность и социальную активность — в борьбе с коронавирусом.

Одна из задач статьи — привлечь внимание к такой процедуре в рамках социологии медицины как рейтингование высших учебных заведений медицинского профиля с целью анализа статуса медвузов и динамики их продвижения. Она может быть решена через рассмотрение параметров, обуславливающих места группы медвузов в рейтинге «100 лучших вузов России — 2020», а также сопоставление занимаемых ими мест в других рейтингах, в частности в Московском международном рейтинге вузов «Три миссии университета» (МосМР). Анализируется также их положение и в списках различных групп вузов, в числе которых — национальные исследовательские университеты (НИУ), университеты-участники программы 5-100, опорные вузы, вузы, входящие в научно-образовательные центры (НОЦ) мирового уровня (а число данных центров в самом конце декабря 2020 г. увеличилось с 5 до 10). В разном рейтинге вошли 7 медицинских вузов, из которых 4 заняли значимые места и в рейтинге РАЭК. (В качестве ключевого для анализа выбран рейтинг, выпускаемый с 2015 г. агентством РАЭК-Аналитика, которое сохранило преемственность с первым отечественным рейтинговым агентством, основанным в 1997 г.).

Следует подчеркнуть, что указанный «экзамен на зрелость» в 2020 г. сдавала вся система здравоохранения; подсистема медобразования при этом не только обеспечивала ее кадровое наполнение, но и сама участвовала в борьбе с пандемией. В этом направлении работали научные сотрудники и преподаватели медвузов, в нем принимали непосредственное участие и студенты, причем в качестве не столько волонтеров, сколько профессионалов. Они оказались востребованными как раз в таком качестве, поэтому опыт работы медвузов в целом, на наш взгляд, должен быть высоко, что в данном случае как раз значит адекватно, оценен — и послужить своеобразным примером для вузов самого разного профиля.

Из чего можно вывести высокий авторитет рейтинга вузов РАЭС в целом? В первую очередь из того, что его составители уделяют пристальное внимание выявлению такого параметра эффективной работы вузов, как востребованность их выпускников. В отношении медвузов данный параметр выглядит наиболее рельефно — квалифицированные врачи нужны всегда и везде, а в условиях пандемии 2020—2021 гг. они обеспечивают устойчивость социума в целом. Прежде чем более подробно рассмотреть этот параметр в ряду двух других (сокращенно называемых нами «качество подготовки» и «наукоемкость»), остановимся на следующем соображении. Известно, что в системе международного рейтингования вузов доминирующие позиции занимают рейтинги англоязычных стран — Великобритании и США. Это в первую очередь рейтинг THE (Times Higher Education) и рейтинг U. S. News and World Report. При этом весьма примечательно, что второй из них появился в 1983 г. во многом по явным и неявным запросам местных работодателей, и только в 2014 г. стал международным. Однако американские работодатели — и государственные, и корпоративные, и частные — сегодня также в первую очередь читают ту часть рейтинга, которая касается вузов США как центров подготовки квалифицированных специалистов для нужд страны. Это часть рейтинга значимо отличается от той его части, которую можно назвать «экспортным» вариантом как раз потому, что этот внутристрановой рейтинг четче фиксирует успехи вузов именно в трудоустройстве выпускников, фиксируя их востребованность.

Как раз данный параметр оценивания давно находится в центре внимания и составителей РАЭС-Аналитика. В результате длительной сопоставительной работы агентство определило рейтинговый функционал (балл), определяющий место вуза в общем списке. Этот показатель базируется на соотношении следующих параметров: 1) условия для получения качественного образования (ранговый вес — 0,5), 2) уровень востребованности выпускников работодателями (ранговый вес — 0,3), 3) уровень научно-исследовательской деятельности (ранговый вес — 0,2). В параметр востребованности входят такие критерии как оценка студентами и выпускниками качества приобретенных навыков и знаний (по опросным листам), число выпускников занявших должности и уровень их зарплат (по данным мониторинга трудоустройства выпускников), оценки перспектив карьерного роста (по опросам компаний работодателей) и ряд других. Оставляя за скобками доказательство того тезиса, что все три параметра имплицитно связаны между собой, сосредоточимся на занимаемых медвузами местах в общем списке.

Нужно отметить, что из числа 14 медвузов, отмеченных РАЭС, 1 включен в список национальных исследовательских университетов и 1 в программу 5-100; в кластер НОЦ вошли 4 медвуза, а 1 — в число опорных.

Все эти вузы (за исключением одного — Тюменского государственного медицинского университета, получившего высокие места в ряде других отечественных рейтингов) вошли и в рейтинг МосМР, занимая при этом отнюдь не самые высокие места; причины чего будут рассмотрены в дальнейшем.

Территориальное распределение медвузов в РАЭКС лишено столическостности — в отличие от вузов других профилей: по 2 расположены в Москве и Санкт-Петербурге, остальные 10 — в регионах, причем достаточно равномерно.

Медвузы в рейтинге РАЭКС-2020

Место и название высшего учебного заведения	Группы	Показатели ¹			Динамика (по годам)				Место в МосМР
		I	II	III	17	18	19	20	
1. Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова	5-100	21	20	17	21	22	22	20	551-600
2. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова	НИУ	25	27	33	24	23	23	26	701-800
3. Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова	—	24	44	47	22	24	26	28	601-650
4. Самарский государственный медицинский университет	НОЦ	38	68	78	50	46	43	46	1201-1300
5. Сибирский государственный медицинский университет	ОПОРНЫЙ	40	72	93	39	37	40	51	901-1000
6. Курский государственный медицинский университет	—	91	33	121	74	71	69	65	1401-1500
7. Воронежский государственный медицинский университет	—	65	56	126	53	61	59	68	1201-1300
8. Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет	—	55	83	145	—	—	66	76	701-800
9. Башкирский государственный медицинский университет	НОЦ	54	101	157	—	—	65	84	901-1000
10. Рязанский государственный медицинский университет	—	81	70	148	72	80	88	87	1401-1500
11. Уральский государственный медицинский университет	НОЦ	77	96	112	68	67	85	89	1401-1500
12. Тюменский государственный медицинский университет	НОЦ	89	79	127	—	—	98	90	—
13. Саратовский государственный медицинский университет	—	59	124	140	81	79	87	98	901-1000
14. Волгоградский государственный медицинский университет	—	87	78	151	—	—	81	100	901-1000

¹ I Условия для получения качественного образования (ранговый вес — 0,5).
 II. Уровень востребованности выпускников работодателями (ранговый вес — 0,3).
 III. Уровень научно-исследовательской деятельности (ранговый вес — 0,2).

Сомневаться в том, что медицинские вузы сохранят свои позиции в сотне лидеров и в 2021 г. и повысят их в МосМР, не приходится. Но это не снимает с них ответственности за продвижение параметров, в чем-то детерминирующих их отставание от вузов-лидеров в целом. Один из них — уровень научных исследований, поскольку вилка между этим и другими параметрами в ряде вузов очень заметна. При этом лишь Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, находясь на общем 20 месте и 21 месте по качеству обучения, занимает 17 место по параметру научно-исследовательской деятельности. Остальные медицинские вузы лишь расширяют указанную вилку. Так, в Российском национальном исследовательском медицинском университете им. Н. И. Пирогова это соотношение составляет 26 и 25 к 33; в Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском университете им. акад. И. П. Павлова — 46 и 38 к 78; в Башкирском государственном медицинском университете еще больше — 84 и 54 к 157.

Примечательно в этом плане следующее. Если открыть в Интернете поисковике «медицинские вузы», то в ряде рейтингов на первые места выходят МГУ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), РУДН (Российский университет дружбы народов), а также классические вузы, имеющие свои «медицинские институты» и даже Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) и МИФИ (Национальный исследовательский ядерный университет). С одной стороны, это небезосновательно: данные вузы достигли немалых высот в разработке медицинской проблематики. Достаточно вспомнить ядерную медицину в том же МИФИ: она выходит на отметки выше мирового уровня. Но, с другой стороны, не занижено ли оценивание по этому параметру собственно медицинских вузов? Ответ на данный вопрос многосоставен, поскольку, во-первых, не все профильные медицинские вузы включены в «рейтинговую гонку» (к примеру, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова), во-вторых, ряд вышеперечисленных вузов с медицинской оставляющей ориентирован в большей мере на научные разработки, чем на кадровое наполнение медицинской сферы.

Оставляя данный вопрос во многом открытым, заметим, что эффективное противостояние пандемии было бы невозможно без опоры на самую современную науку. Ее-то и следует четче улавливать, причем не столько составителям РАЭК, которые это делают неплохо, сколько разработчикам других рейтингов. Но при этом важно отслеживать и ту линию в востребованности выпускников, которая характеризует качество работы медиков-практиков в реальных условиях.

Информация о 14 вузах содержится в самых различных источниках, мы сосредоточим внимание на том, какие позиции в их рейтинговании не только позволят удерживать им высокие места, но и обеспечат их повышение. В сопроводительных материалах к РАЭК-2020 отмечается, что пандемия поставила под угрозу такие процессы как форсированное привлечение иностранных студентов и способствовала «радикализации» он-лайн обучения. Эти угрозы чувствительны и для медицинских вузов — с учетом того, что их профессорско-преподавательский состав, аспиранты и даже студенты оказались перед необходимостью новых форм реализации своих профессионально важных качеств.

Все же такое «вбрасывание» при разумной организации может оптимизировать и процессы обучения. Материалы РАЭК свидетельствуют, что медицинские вузы в этом плане успешнее адаптировались к кризисным

процессам. Особо примечательно то, что это касается региональных вузов не в меньшей мере, чем столичных (по другим профильным группам вузов отмечено отставание во внедрении новых форм обучения). Если добавить к этому, что ряд региональных вузов отметился внедрением оригинальных методов противостояния коронавирусу, основанных на собственных научных разработках — и сделал это успешнее по сравнению с аналогичными группами профильных вузов зарубежных стран, то прогноз относительно продвижения медвузов в рейтингах можно считать обоснованным.

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова замыкает список 20 топ-вузов страны в рейтинге РАЭКС в целом. Он одновременно входит в группу 5-100; число подобных вузов других профилей не так уж велико. Вуз правомерно позиционирует себя как «университет наук о жизни». В его рамках, в частности, создан первый в России Научно-технологический парк биомедицины — центр исследовательских коллабораций мирового уровня. В силу этой и ряда других причин этот вуз ведет опережающие научные разработки. Как раз за счет такого доминирования университет может претендовать и на более высокие места в рейтинге РАЭКС, равно как и в ряде других рейтингов и списков. Динамика его продвижения в указанном рейтинге — 21 место в 2017 г., 22 — в 2018 г. и 2019 г. и 20 — в 2020 г. Университет занимает лидирующие позиции и среди медвузов, входящих в МосМР (места с 551 по 600), опережая по этому показателю многие отечественные вузы других профилей. Рейтинговая история университета — предмет отдельного исследования, которое нужно проводить с крайней осмотрительностью по целому ряду причин.

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова занимает 26 место в списке. При этом по качеству обучения он занимает 25 место, а по востребованности выпускников — 27, однако по показателям научно-исследовательской деятельности лишь 33. Вуз входит в список научно-исследовательских университетов, что побуждает его активнее развивать указанную деятельность. Динамика его продвижения характеризуется некоторым понижением: 24 место в 2017, 23 — в 2018 и 2019 и 26 — в 2020 г. В МосМР он входит в группу 701-800, а также в рейтинг ТНЕ (Times Higher Education) и другие англоязычные рейтинги.

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова при 28 общем месте находится лишь на 47 по уровню научно-исследовательской деятельности. Он стал первым в России и Европе высшим учебным заведением, которое готовило женщин-врачей. Он обладает развитой инфраструктурой, включая 100 отделений в 16 клиниках, в нем работают 6 академиков и 5 членов-корреспондентов РАН. Динамика его продвижения такова: 22 — 24 — 26 — 28 места. Это понижение компенсируется вторым местом в группе МосМР — 601—650. Университет характеризуется широкими международными коллаборациями.

В число лидеров входят и 2 региональных медицинских вуза. Самарский университет, который включен в группу вузов научно-образовательных центров. В то же время по показателю научно-исследовательской деятельности он занимает 78 место. Общее же высокое 46 место косвенно указывает, что не все научные достижения данного вуза удачно эксплицированы. Динамика его продвижения такова: 50 — 46 — 43 — 46. Место в МосМР относительно низкое. Вуз является базой подготовки специалистов в рамках высшего медицинского образования в сочетании с широким комплексом

гуманитарных дисциплин. В нем есть собственная клиника, 3 образовательных и 7 научно-исследовательских институтов. Вуз усиленно работает по военномедицинскому направлению. Места в РАЭХ в период: 50 — 46 — 54 — 48. Сибирский университет расположен в Томске, городе, даже не миллионнике, но представленный в списке РАЭКС целыми 5 вузами. Он является единственным медицинским университетом в списке 33 опорных вузов, что детерминируется, на наш взгляд, как раз опорой на достижение местных научно-образовательных структур — того, что было названо «томским феноменом». Это регионально структурированная констелляция вузов, коммуницирующих друг с другом и поддерживающих качество комплексности научных исследований в них [6]. Динамика его продвижения характеризуется ломаной линией — 39 — 37 — 40 — 51. В МосМР его место достаточно приметно в списке 901—1000.

Во вторую полусотню рейтинга РАЭКС входят 9 медвузов, в основном региональных (данные о них отражены в таблице). Каждый из них характеризуется определенным конкурентным преимуществом. Так, в Волгоградском университете функционирует Научный центр инновационных лекарственных средств. Входящие в НОЦ Уральский и Тюменский университеты ориентированы на реализацию проектов по медицинскому обеспечению освоения природных богатств Севера и Арктики (лидируя в так называемой арктической медицине на международном уровне). Башкирский университет наладил широкие коллаборации с профильными вузами Азии, в первую очередь китайскими. Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет является старейшим и авторитетнейшим высшим учебным педиатрическим вузом в мире.

Как было указано выше, в число опорных вузов вошел лишь Сибирский университет. По факту же опорными можно считать и остальные региональные медицинские вузы, вошедшие в перечень РАЭКС — Курский, Воронежский, Рязанский с давними традициями обеспечения регионов центра России, а также Саратовский университет.

Характеризуя медицинские вузы, вошедшие в НОЦ, — всего 7 (4 из них вошли и в рейтинг РАЭКС) — отметим, что все они являют собой составляющую экосистемы, которую можно трактовать как образовательную инновацию. В 2016 г. в США обсуждалась соответствующая программа ее внедрения, причем с опорой на регионы. Она сосредоточила работу по усилению координации научных учреждений и учебных заведений, включая медицинские [1, р. 16], а в наборе востребованных компетенций медицинские оказались первостепенными.

Еще до этого в России намечались усилия по созданию НОЦ, которые стали бы драйверами социально-экономического развития регионов с опорой на наукоемкие технологии. В каждый из НОЦ, инициатором которого являлись местная власть на уровне губернатора (ов) или его (их) заместителя (ей), входили вузы, научно-исследовательские организации и бизнес-структуры. Широкое участие в некоторых НОЦ медицинских вузов и научных организаций указанного профиля детерминировалось следующими факторами:

1) медицински ориентированные образовательные подразделения появились и начали интенсивно развиваться в ведущих вузах страны (в частности в МИФИ Центр ядерной медицины открылся еще в 2011 г.);

2) реформа 2013 г. характеризовалась включением в РАН Российской академии медицинских наук (РАМН) и Российской академии

сельскохозяйственных наук (РАСХН), что привело и к частичному реформатированию образовательного процесса в медвузах;

3) резко увеличилась доля научных разработок в вузах, входящих в программу 5-100.

Что касается 3 медицинских вузов в рамках НОЦ, не вошедших в сотню лучших, то это весьма авторитетные учебные заведения. Так, Кемеровский государственный медицинский университет занимает ведущие позиции по медицинскому мониторингу ресурсоемкого региона, каковым является Кемеровская область с ее запасами угля. Ханты-Мансийская государственная медицинская академия примечательна тем, что она обеспечивает научные разработки в области здоровьесбережения в районах Крайнего Севера — причем с учетом его приемов, наработанных коренными народами региона.

Все же наиболее авторитетным и в этом, и в других планах нужно считать Северный государственный медицинский университет (Архангельск), в чем-то «обиженный» рейтингами. Он развивается очень динамично, готовя высококвалифицированные кадры тех, кого можно назвать врачами Арктики. Знание специфики региона и протекающих в нем болезней требует дополнительных затрат в приобретении профессионально важных качеств; эти затраты не обычно учитываются рейтинговыми агентствами в процедурах оценивания вузов. Но это не отменяет того факта, что выпускники вуза выполняют уникальные по сложности задачи. Лидерство отечественной медицины в этой области сомнению не подлежит, а аккумулируемый медиками — учеными и выпускниками-практиками — опыт востребован странами не только арктического региона.

В чем ничем не заменимое преимущество ряда вузов из НОЦ? В том, что ряд из них территориально приближены к ресурсным регионам: на предельно близком расстоянии их легче изучать и эксплуатировать (без экономического ущерба), это в особой степени касается вузов Арктики. При этом на высокие места в рейтингах отечественных, не считая уже мировых, им претендовать трудно, а ведь как раз они обеспечивают основное наполнение в ходе решения задач глобального масштаба. Работа медицинских вузов в данном направлении повышает эффективность вложений и в человеческий капитал, и в человеческий потенциал на региональном и федеральном уровнях [5].

Обратим внимание на следующий, если можно так выразиться, случайный-парадоксальный факт. «Российская газета» в прошлом году опубликовала едва ли не в двух номерах подряд материалы, касающиеся рассматриваемой нами темы. В статье от 13 января 2020 «Научные открытия года: Год науки дает стране колоссальный шанс» президент РАН А. М. Сергеев дает перечень 8 достижений отечественной науки мирового уровня. Так вот: 4 из них, так или иначе, связаны с медициной и проблематикой здоровья человека. Это разработка вакцин от коронавируса, лекарства от болезни Бехтерева, новый подход к реанимации старых антибиотиков (в Институте молекулярной биологии РАН), наконец, изготовление препарата для лечения болезней с помощью генной терапии [7]. Последнее осуществлено как раз учеными Казанского государственного медицинского университета. Вуз по непонятным причинам не вошел ни в число 14 рейтинга РАЭС (в рейтинге 2019 он занимал весьма высокое 41 место, а в рейтинге 2018 так даже 38), ни в перечень НОЦ, ни в число опорных. Но открытие такого уровня в активе как раз у него — что не может быть проигнорировано любыми рейтингами. Остается заметить, что он все же занимает весомое место в МосМР — в списке от 1201 по 1300.

В Первом Московском государственном медицинском университете им. И. М. Сеченова предполагается создать Центр цифрового дизайна и персонализированного здравоохранения. Его работа будет ориентирована на оптимизацию лечебных процессов с учетом личностного профиля больного. Некоторые аналоги Центра уже успешно работают: опираясь на цифровые технологии, они сдерживают пандемию. В них принимают участие не только сотрудники вуза, но и обучающиеся в нем «практикоориентированные студенты». Что касается специалистов, закончивших вуз и работающих за рубежом, то они там не только востребованы, но и хорошо устроены. В чем причина такого спроса на специалистов данного вуза? Наука — путь внедрения современных технологий в клиническую практику. Остается добавить, что она же — средство оптимизации получения современных знаний студентами-медиками [2].

Комментируя эти материалы газеты можно отметить, что они не «случайны» — спрос на знания о человеке и его здоровье растет очень быстрыми темпами, и «непарадоксальны» — указанная газета и ее корреспондент почти всегда первыми говорят о том, что лишь позже появится в научных статьях (этот момент был отмечен в нашей публикации по контент-анализу [5] все той же «Российской газеты» материалов на тему медицины и здравоохранения). Они чем-то объясняют и то высокое место, которое занял Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова в рейтинге РАЭКС по параметру наукоемкости [2].

Что касается места медицинских вузов в международном рейтинге МосМР 2020, то в целом в него вошло 1500 вузов из 97 стран мира, включая 101 вуз России (в 2019 г. вошло 1200, в 2018 г. — 333). С расширением их числа можно и согласиться, но с той оговоркой, что стратегически отечественным вузам еще есть куда отступать... Составители рейтинга «радуют» также привлечением числа экспертов и прохождением независимого аудита. Но доработка «Третьей миссии университета» — его взаимодействия с обществом — оставляет все-таки желать лучшего, что особенно рельефно обнаруживается в кризисных условиях.

Конечно, такие подключенные в 2020 г. показатели как массовые открытые онлайн-курсы и увеличенные размеры интернет-аудиторий сайтов — важны, а в чем-то безальтернативны, особенно в эпоху пандемии. Но существенны в первую очередь квалиметрические показатели — особенно относительно профессионально важных качеств выпускников, пригодных для поднятия оценок отечественного медобразования. Ведь то, что российские вузы этого профиля «делятся» научными достижениями и лучшими своими выпускниками с зарубежными странами, говорит о следующем: кадры в них готовятся на уровне весьма высоком. Иначе что же получается: на кадровое обеспечение значимых для всего человечества проектов (в первую очередь космического) выводила не лучшая система образования? И не она ли решает сегодня серьезные задачи обеспечения наполнения кадрами, к примеру, процессов освоения Арктики, имеющих общечеловеческое измерение, или борьбы с пандемией — ибо кто усомнится в приоритетных позициях отечественных специалистов-медиков в данных направлениях? [4].

Аналитическое рассмотрение рейтингов и списков побуждает продолжить наработки в данном направлении с учетом того, что отечественное медицинское образование, пройдя через тяжелейшие периоды постсоветского реформирования, оказалось способным обеспечить кадровое наполнение системы мер, успешно противостоящих пандемии. Во многом благодаря тому,

что, на наш взгляд, присущие отечественной медицине качества, заложенные в ее глубинные основания земской и советской медициной, изжить, к счастью не удалось. Именно в этом нам видится вклад «университетской медицины» в дело обеспечения глобальной и национальной безопасности.

Список литературы

1. Promising Practices for Strengthening the Regional STEM Workforce Development Ecosystem. Washington, D.C.: National Academies Press, 2016. 152 p.
2. Аронов Р. А., Баксанский О. Е. Когнитивная стратегия А. Эйнштейна // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 66—75.
3. Аронов Р. А., Баксанский О. Е. Происхождение знания: истоки и основы // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 98—108.
4. Баксанский О. Е. Когнитивные науки: от познания к действию, М.: Ленанд, 2005. 196 с.
5. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н., Плигин А. А. Личностно ориентированный подход к обучению физике // Физика в школе. 2003. № 4. С. 13—26.
6. Задорожнюк И. Е., Коростелева Л. Ю., Тебиев Б. К. ТОП-200 вузов в четырех международных рейтингах // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 85—95.
7. Шурупова Р. В., Ачкасов Е. Е., Куршев В. В., Задорожнюк И. Е. Проблематика медицины и здравоохранения в освещении СМИ // Справочник врача общей практики. 2016. № 9. С. 31—38.

УДК 1:316

ББК 60.023

DOI: 10.46726/H.2021.2.12

Г. М. Суворова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ «ОБРАЗОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ»: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УНИВЕРСУМА КОДОВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу образования безопасности в аспекте кода цивилизации. Зафиксировано, что решение комплексных проблем безопасности является основным условием и потребностью устойчивого развития человечества. Показано, что проявления разрушительных сил природы, технических аварий и катастроф, опасных ситуаций социального характера пагубно отражаются на состоянии здоровья и жизни людей, их правах и благосостоянии. Обосновано, что первопричиной ущерба во многих опасных ситуациях во многом становятся просчеты и некомпетентность (необученность) людей, отсутствие навыков безопасного поведения в повседневной жизни и в опасных ситуациях. Сделан вывод, что одним из наиболее действенных механизмов в решении проблем становится обучение граждан обеспечению безопасной жизнедеятельности посредством непрерывной системы образования в аспекте кода цивилизации.

Ключевые слова: образование, безопасность, «образование безопасности», анкетирование, информационные потоки, код, цивилизация, обратная связь.

© Суворова Г. М., 2021

*G. M. Suvorova***BASIC TRENDS IN “SECURITY EDUCATION” DEVELOPMENT:
A LOOK THROUGH THE PRISM
OF THE UNIVERSE OF RUSSIAN CIVILIZATION CODES**

The article is devoted to the analysis of security education in the aspect of the civilization code. It is stated that the solution of complex security problems is the main condition and need for sustainable development of humanity. It is shown that the manifestations of the destructive forces of nature, technical accidents and disasters, dangerous situations of a social nature have a detrimental effect on the health and life of people, their rights and well-being. It is substantiated that the primary cause of damage in many dangerous situations is largely due to miscalculations and incompetence (lack of training) of people, lack of skills for safe behavior in everyday life and in dangerous situations. It is concluded that one of the most effective mechanisms in solving problems is teaching citizens to ensure safe life through a continuous education system in the aspect of the code of civilization.

Key words: education, security, “security education”, questionnaires, information flows, code, civilization, feedback.

Анализ современного мироустройства невозможен без конкретики реального кода времени, без истории развития стран. Цивилизация — это конкретная самоорганизующаяся система, в основе которой лежит определённый исторический тип личности и общества, существующий в конкретных единичных людях и социальных организациях. Цивилизации есть макрокультуры, где родовыми признаками являются религия и территория. В каждой цивилизации есть духовная и социальная структура, институты, элиты, стадии развития [8, с. 182]. У каждой цивилизации есть свой естественный генеральный код. Свои коды просыпаются в критических ситуациях разломов исторических и личных судеб, когда нужно определиться, кто свой, а кто чужой [1, с. 4]. Цивилизация «в истории социокультурная общность наций и государств, которую объединяет ряд общих схожих параметров и характеристик» [5, с. 43]. «...Нации, народы, страны, тем более цивилизации, развиваются в истории на основе своего генетического кода, и никем и ничем кардинально иным они не станут» [5, с. 618]. Россия, в этом контексте, — «стержневое государство самостоятельной цивилизации» [5, с. 344].

Образование — это вечно обновляющийся процесс, зависимый от времени протекания, от особенностей исторической эпохи, от задач, которые ставит перед ним общество. Сочетание актуального и вечного, традиционно и инновационного редко в наши дни находится в гармоническом единстве. Восстановление такой гармонии является сложной гуманистической задачей. От обновления этой важнейшей сферы зависит не только будущее, но и настоящее, определяемое молодым поколением [3, с. 15]. Образование XXI века не только находится в прямой связи с уровнем интеллектуального развития конкретного общества, но становится для каждого отдельного обучающегося коллектива системой, способной на самоорганизацию и адаптацию к условиям постоянно меняющегося мира. Так формирование нелинейного мышления постепенно становится фундаментальной концепцией современной образовательной системы, которая постепенно отказывается от традиционной линейной передачи знаний с готовым перечнем заданий и непререкаемым авторитетом преподавателя в пользу внедрения огромного

множества конкурирующих между собой альтернативных способов получения этих знаний. Различия и сходства образовательной системы проявляют себя в периоды смены научных парадигм. Смена парадигм привела к возникновению нового направления — философии образования.

Эволюция знания — основной источник стоимости в информационном обществе. По мере общественного развития отчетливо проявляется то, что в качестве источника прибыли все чаще выступают знания, инновации и способы их практического применения. То, что знание начинает занимать ключевые позиции в экономическом развитии, радикально изменяет место образования в структуре общественной жизни, соотношение таких ее сфер, как образование и экономика. Приобретение новых знаний, информации, умений, навыков, утверждение ориентации на их обновление и развитие становятся фундаментальными характеристиками работников в постиндустриальной экономике. Следует обратить внимание и на ряд других традиционных ценностей образования, также нуждающихся в рефлексивной проблематизации и критическом переосмыслении. Сегодня все чаще к уже известным обозначенным установкам добавляются требования о необходимости в планировании и организации образования исходить из запроса-заказа самих участников образовательного процесса.

Образовательное пространство ориентировано на технологии, поддерживающие существующие тренды — технологии социального взаимодействия, ключевые события. Оно обеспечивает также четыре цели: прогноз — получение достоверной «карты будущего»; коммуникация — согласование основными заинтересованными сторонами — экспертами своих позиций относительно существенных факторов; образование — формирование единого «поля представлений» участников о существенных трендах и событиях; диагностика — определение качества представлений участников о будущем их предметной области, способности системно смотреть на варианты развития области, а также условия, которые помогают найти педагогу и обучающемуся свой уникальный путь развития с минимальными рисками для здоровья каждого участника образовательного процесса.

В целом система образования имеет три основные стороны-функции — интеллектуальную, социализирующую и нравственно-воспитательную. Так интеллект нации обеспечивает ее конкурентоспособность по отношению к другим народам в вопросах развития науки, техники, экономики в целом, позволяет поддерживать достойный уровень жизни и цивилизации. Через социализацию решаются проблемы взаимодействия личности и общества, воспроизводится продуктивный для социума и самого себя тип человека, сохраняется личностная и социальная идентичность. Воспитание нравственности придает человеку и обществу подлинно «человеческое лицо», делает отношения между ними ответственными [6]. Поскольку образование способно напрямую влиять на физическое и психическое состояние людей, а также формировать их будущее поведение, становление сферы нового образования должно сопровождаться выработкой требований к физической и психической безопасности образовательных продуктов [2, с. 51]. Изменение самой сущности образования неминуемо влечет за собой и адекватное изменение применяемых форм образовательной деятельности и типов образовательных пространств [4]. В этой связи растет роль и ответственность системы образования в подготовке населения по вопросам безопасности жизнедеятельности.

С целью проверки, как понимает современное поколение тренд «образование безопасности», была 29 апреля 2021 года проведена встреча с учащимися выпускного класса научного профиля Провинциального колледжа Ярославля. Во время встречи выпускники ответили письменно на вопросы, касающиеся возможностей, угроз, сильных и слабых сторон современного «образования безопасности». Далее было проведено интерактивное обсуждение на тему «Код цивилизации». В конце встречи школьникам было предложено создать образы в рисунках «Что ждёт выпускника среднего образовательного учреждения в мире будущего?», провести «защиту» своего рисунка.

Среди *возможностей* были названы: быть в безопасности; знать, соблюдать традиции России; много работать; «иметь» профессионализм; передавать из поколения в поколение знания, умения, навыки; доносить новому поколению важность образования; создавать объединение по общим целям; способствовать развитию экономики; обеспечивать урегулирование конфликтов; осуществлять передачу кода цивилизации России; готовиться к жизненным трудностям; учиться на ошибках прошлых поколений; важность общения во время экстремальной ситуации; знать об угрозах в ЧС; осознавать суверенность России; вести диалоги; развивать силу духа.

Сильные стороны оказались артикулированы вокруг следующих моментов: обороноспособность России; ядерная энергия; коммуникация; история России; работоспособность; умение воспринимать информацию; умение защищаться; возможность обучения; сплочение нации; эксцентричный менталитет; воспроизведение идеалов; опыт поколений; культурное правительство; относительно высокая нравственность; стабильность; семья.

В качестве *слабых сторон* респонденты отметили: плохую память; отсутствие интереса; отсутствие военной подготовки; нехватку специалистов; непонимание разных слоёв общества; неорганизованность устройства управления государством; деградацию цивилизации; искажение смысла жизни; возмущение и несогласие; отсутствие гибкости развития нравственных ориентиров.

В числе *угроз* были зафиксированы: коррупция; невозможность устроиться на работу; нежелание нынешнего поколения самообразовываться; стресс переживания угроз; структурный распад людей, утрата индивидуальности; отсутствие общего кода, малый опыт «предупреждения», потеря собственного мнения; искажение информации; идеализация, столкновение, сложности в семье; сложности в себе. Особого внимания в данном случае заслуживают следующие аспекты — «отложенные» угрозы 1990-х, стагнация развития, углубление мировоззренческого негативизма, неизбежность угроз, разрыв связей между поколениями, подмена фактов, манипуляция, ложь, нестабильность мышления, искажение смысла жизни.

Интерактивное обсуждение на тему «Код цивилизации» было проведено по целому кругу вопросов: Истоки современной цивилизации, направленности моделей развития с учётом специфики страны? Как перемещается центр влияния и сил? Мир продолжает идти к своему разнообразию? Страны Мира в последние тридцать лет старались сохранить свои коды? В чём проявляется взаимозависимость людей и цивилизации? Каждая цивилизация имеет свой код? Как в России образование безопасности сохраняет свой код цивилизации?

Во время обсуждения было отмечено, что «Россия одно из немногих (двух-трёх) государств, которые могут похвастаться пятью веками непрерывного суверенного существования, не прерванного завоеваниями извне или нахождением под чьей-то сторонней властью» [5, с. 231]. Так, «главный

фактор, определяющий судьбу России — это самая северная и самая холодная страна в мире. «Боковая ветвь православной христианской цивилизации России подверглась вызову лесов, дождей и морозов, ещё более суровому, чем с которыми пришлось бороться западной цивилизации» [8, с. 455].

Мини-конкурс рисунка «Что ждёт выпускника среднего образовательного учреждения в мире будущего?» показал, что образы будущего у девушек связаны: с ожиданием юношей из армии, с созданием семьи, с высшим образованием, с востребованностью профессии в обществе (86 %); а образы будущего у юношей связаны с получением высшего образования, с карьерным ростом, с самореализацией (88 %).

Таким образом, одним из наиболее действенных механизмов в решении проблемы «образования безопасности» является обучение граждан обеспечению безопасной жизнедеятельности посредством непрерывной системы образования. «Образование безопасности» связано со способами поведения и деятельности конкретного человека. Оно отражает уровень / качество человека (высокий, низкий, достаточный, недостаточный), а также уровень его общей и специальной культуры (труда, отдыха, образования, безопасности жизнедеятельности). В этой связи растёт роль и ответственность системы образования в подготовке населения по вопросам безопасности жизнедеятельности, предполагающей «поэтапное усложнение характера познавательной деятельности, ценностно-ориентированной деятельности — от простого интереса к осознанному действию, направленному на формирование культуры безопасного поведения личности [7, с. 12].

Анализ проведённого анкетирования и защиты рисунков выявили заинтересованность, потребность выпускников среднего образовательного учреждения в «образовании безопасности», способной сформировать систему личной безопасности, что позволит в будущем развить взгляд на мир с позиции целостности, красоты, гармонии жизни.

Основные тенденции развития «образования безопасности» в аспекте кода цивилизации имеют следующее направление — это смена парадигмы «образование-обучение» на парадигму «образование-становление». В концепции непрерывного образования обозначает себя тенденция постепенного смещения приоритетов от прямого обучения к индивидуальному контакту — индивидуализации обучения, диалогичности, которая проявляется в сосуществовании как различных подходов в преподавании, так и самих технологий, методов преподавания. Цель «образования безопасности» в аспекте кода цивилизации — превращение знаний в основной общественный капитал.

Список литературы

1. Баранов С. Тайнопись цивилизации. Код доступа в будущее России // Изборский клуб. 2020. № 9 (85). С. 4—23. URL: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2020_9.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
2. Будущее образования. Глобальная повестка. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/6.-Obrazovanie-do-2035.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
3. Валеева Е. В. Формирование человека: проблемы образовательного универсума // Вопросы культурологии. 2017. № 4. С. 15—22. URL: <https://panor.ru/articles/formirovanie-cheloveka-problemy-obrazovatel'nogo-universuma/21793.html> (дата обращения: 14.05.2021).
4. Мурашов А. Б. Современное образование: поиск нового образа // Образовательный опыт — опыт диалога. Хрестоматийное пособие для рабочих групп проекта

- «Открытые образовательные пространства — управление и проектирование». Томск, 2001. С. 114—117. URL: <http://mentally.eu/ob-avtore/sovremennoe-obrazovanie-poisk-novogo-obrazca/> (дата обращения: 14.05.2021).
5. Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Изд-во «Э», 2015. 672 с.
  6. Образование как фактор национальной безопасности: сюжеты для России. URL: <https://rodnyaladoga.ru/index.php/component/authorlist/author/144-kirvel-ch-s-busko-i-v> (дата обращения: 14.05.2021).
  7. Суворова Г. М., Горичева В. Д. Теория и методика обучения безопасности жизнедеятельности. М.: Юрайт, 2020. 346 с.
  8. Тойнби А. Дж. Исследование истории, Возникновение, рост и распад цивилизаций. Т. 1 / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.

УДК 1:001

ББК 87.256.615.2

DOI: 10.46726/H.2021.2.13

И. И. Бульчѳв

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЗЕРКАЛЕ НАСТОРОЖЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

В центре внимания автора статьи взгляды на искусственный интеллект и его влияние на общественную жизнь. Предложен компаративный анализ различных моделей его понимания: оптимистические сценарии наделяют искусственный возможностью повышения качества жизни; пессимистические нарративы предполагают частичную замену человека в творческой деятельности. Естественный интеллект представлен как неотъемлемое качество человека, способного действовать активно и целеустремленно, вырабатывать гибкие и вариативные алгоритмы решения когнитивных и практических задач, проявлять эмоциональность. Обосновано, что искусственный интеллект не обладает указанными чертами и в принципе не может заменить человека. Сделан вывод о принципиальной нетождественности искусственного и человеческого «разумов». Отмечено, что (без)опасность искусственного интеллекта определяется особенностями мирового общественного устройства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект, роботы (молекулярные, умные, гуманоидные), нейроинтерфейс, эмоции, нанотехнологии, коэволюция.

I. I. Bulychev

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MIRROR OF AN ALERT PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The author of the article focuses on the views on artificial intelligence and its impact on public life. A comparative analysis of various models of its understanding is proposed: optimistic scenarios endow the artificial intelligence with the possibility of improving the quality of life; pessimistic narratives imply a partial replacement of a human in creative activity. Natural intelligence is presented as an integral quality

---

© Бульчѳв И. И., 2021

• Серия «Гуманитарные науки»

of a person capable of acting actively and purposefully, developing flexible and variable algorithms for solving cognitive and practical problems, and showing emotionality. It is substantiated that artificial intelligence does not possess the indicated features and, in principle, cannot replace a human. The conclusion is made about the fundamental non-identity of artificial and human “minds”. It is noted that the (non) danger of artificial intelligence is determined by the peculiarities of the world social order.

Key words: artificial intelligence, subject, robots (molecular, smart, humanoid), neurointerface, emotions, nanotechnology, coevolution.

Проблема оценки влияния искусственного интеллекта (ИИ) на всю жизнь человеческого сообщества является ныне предметом острой дискуссии, в ходе которой мнения ее участников разделились, подчас на совершенно противоположные. Философский подход предполагает выявление единой сущности любого интеллекта, а также уяснение специфики ИИ и особенностей взаимосвязи его с естественным интеллектом.

Пессимистические нарративы. Немало тех, кто говорит о слабостях человеческого интеллекта, которые было бы неплохо устранить. В данной связи все чаще встречаются утверждения, что, пусть в самом отдаленном будущем, интуитивная и эмоциональная составляющие разумных существ должны быть заменены на рассудочно-рациональную. (В свое время Г. Спенсер утверждал, что в будущем человек неизбежно утратит эмоциональное отношение к миру.) Эти интенции опираются на некоторые реально обозначившиеся тенденции. Главная из них заключается в том, что ранее простая и нерасторжимая целостность субъекта с его духовностью и эмоциональностью начинает перерастать в сложное единство человека с творениями его собственных рук. Пути эмоционального и логического постепенно расходятся. В своем предельно концентрированном и завершенном виде, стремящемся к адекватному и объективному отражению факторов внутреннего и внешнего мира, общественное сознание и мышление как бы стремятся освободиться от всего связанного с эмоциональным, в котором неизбежно присутствуют, в большей или меньшей мере, элементы субъективности.

Современные мыслители нередко говорят о том, что рациональность («разумность»), характерная для естественного способа мышления человека, в предельном варианте способна даже стать врагом субъекта (субъектности) с его эмоциональностью. «Разум, — пишет в данной связи В. А. Кутырёв, — убивает жизнь в ее зародыше». Складывается впечатление, что «любовь и чувства утратили свою прежнюю роль в истории». Именно эмоциональность подвергается ныне все более серьезным испытаниям. В частности, «техника соединяет людей информационно и разъединяет эмоционально». Следовательно, «острие удара... направляется против эмоционального начала жизни, так как тут прорываются остатки сопротивления» [3, с. 138—148, 198].

В СМИ, а порой и в научной литературе, все шире тиражируются представления, согласно которым человека сначала превзойдут, а затем и полностью заменят отдельные (частичные) творения его рук, прежде всего системы ИИ. Их мощь окажется несопоставима не только с возможностями отдельного индивида, но и всех людей вместе взятых. Так, А. Тьюрингу, предрекал, что уже в 2000 г. машины смогут имитировать интеллект, востребованный для ведения осмысленного разговора между людьми, т. е. «диалоговый интеллект». Он полагал, что смогут «успешно соперничать с людьми во всех интеллектуальных областях» (цит. по: [9, с. 282]).

Рост влияния на нашу жизнь постепенно «умнеющих» роботов и различных интеллектуальных систем подпитывает все новые технофобии. Недавно опубликован доклад зарубежных экспертов («Преступное использование ИИ: прогноз, профилактика и предотвращение»), которые сравнивают ИИ с ядерной энергией и ведут речь об угрозах все более опасных хакерских атак. Появятся возможности так генерировать фейковые новости, что пользователю будет почти невозможно вычленивать среди них настоящие [6]. Приведу, далее, свидетельство Л. С. Зориловой, которая пишет: «Согласно заключению НИИ мозга России, приблизительно через 50 лет человек превратится в животное, станет рабом машины, которая будет намного умнее его, утрачивая возможность любить, творить, переживать, т. е. утратит свою духовность. Несмотря на все возражения, такое мнение существует и оно достаточно авторитетно» [2, с. 102].

Немало тех, кто уверен в том, что конфликт между «умными» роботами и людьми не за горами. Роботы рано или поздно вырвутся из-под человеческого контроля и сценарий дальнейших событий непредсказуем. Писатель-фантаст А. Кларк полагал, что уже к 2020 г. появятся машины, способные мыслить не хуже человека. Их дальнейшая эволюция неизбежно приведет к войне с людьми. Известные персоны современности (Ст. Хокинг, Б. Гейтс, Э. Маски др.) склоняются к тому, что ИИ вот-вот станет гораздо умнее своих создателей. Человечеству грозит рабство или даже уничтожение. Роботы могут выйти из-под управления и поднять восстание.

Радикальные воззрения вообще предсказывают вытеснение и поглощение естественного (человеческого) мира искусственным. Так, группа известных ученых и специалистов полагает, что естественное уже сегодня переживает кризис и вот-вот рухнет под напором искусственного. Образование ноосферы, в котором нередко усматривают средство решения всех проблем, на практике усиливает мощь техносферы и лишь обостряет эти проблемы. Искусственное все больше развивается по своим законам, занимает место естественного и «пожирает» его. Мы видим, как человеческое начало в рамках человеко-машинного взаимодействия учитывается все меньше и меньше. Налицо рост агрессивности нарождающегося «постчеловеческого» мира [3, с. 4, 15, 42]. Следует заметить, что подобные нарративы далеко не бесспорны и отражают распространение очередной волны технопессимизма. Между тем сегодня на переломе второго и третьего десятилетия до осуществления многих широко растиражированных клише еще очень далеко. При нормальном ходе общественного развития соперничество ИИ с естественным (человеческим) едва ли возможно, ибо первый играет и продолжит играть подчиненную, служебную функцию.

Насколько, однако, правильно оценивать человека с его субъективностью, идеальностью и эмоциональностью как то, что необходимо «преодолеть», заменив сначала киборгами (существами, обладающими наполовину искусственными органами), а затем и постлюдьми, т. е. субъектами на небиотическом субстрате? Именно к этому нас призывают адепты пресловутого трансгуманизма, растущее влияние которого не следует недооценивать. Логика подобного развития означает, что на нашей планете подходит к завершению начальный этап общественного развития, который опирался на биологический субстрат как на свою исторически преходящую основу. Homo sapiens трансформируется в panosapiens, подчиняющегося совершенно другим законам — законам технологических форм мыслящей жизни. Человек

грядущего «прекрасного далека», согласно футурологам с подобным миропониманием, самоотрицаясь в пользу постчеловека и научившись использовать новые субстратные формы, обретет способность распространяться универсально. Трансгуманизм, с одной стороны, принижает возможности естественного интеллекта и человеческого (естественного) начала в целом, а с другой, чересчур преувеличивает возможности ИИ.

В данной связи специалисты говорят о необходимости различать «сильный» и «слабый» ИИ. Что касается сильного ИИ — это мифологизированный (голливудский) образ, что-то вроде робота, способного на чувства и «думающего», подобно людям. Слабый ИИ — нечто вполне реальное, вполне серьезный (математический) метод прогнозирования. Ученые отмечают, что многие — в том числе творцы современных техносистем, — часто путают эти два образа ИИ. Необходимо иметь в виду, что сильный ИИ — фантастический проект, а слабый — реальность, работающая здесь и сейчас. Слабый ИИ суть технология, дающая точные количественные ответы на любой вопрос и предполагающая количественное прогнозирование [1, с. 55, 56].

Что касается естественного интеллекта, он развивается быстрее нашего тела. Рост человека в интеллектуальном формате намного превышает его достижения телесного плана. Однако здесь много противоречий. Достаточно распространенным является представление о растущей опасности примитивизации человеческих способностей и, соответственно, образа жизни вообще. Наши дети постепенно теряют способность думать и анализировать, копируя бесчисленное количество раз свои действия, подобно роботам. При этом глубинный смысл происходящего, в т. ч. смысл жизни, ими, зачастую, не улавливается.

Оптимистические сценарии. Множество специалистов, не без основания, связывает с ИИ большие надежды и перспективы. Так, уже в обозримом будущем возможно сократить массовый приток иммигрантов, одновременно понизив сроки выхода на пенсию (с 60—65 и более лет до 50—55 лет). ИИ позволит повысить качество жизни в целом (как для работающих, так и пенсионеров). Впрочем, на деле мы наблюдаем не снижение, а повышение пенсионного возраста в большинстве стран мира и сложные процессы в сфере оплаты труда. Ожидается появление роботов с ИИ, которые, в зависимости от условий меняющегося мира, не дожидаясь команды от людей, смогут самостоятельно программировать себя. В результате недалеко время, когда самостоятельное развитие галопирующими темпами ИИ сделает его попросту несопоставимым с человеческим. Предполагается появление роботов-воспитателей и учителей, способных находиться при ребенке практически постоянно и «положительно» влиять на их поведение. Роботы-воспитатели окажутся в состоянии «объективно» (?) оценивать ситуацию и давать ребенку необходимые рекомендации (как вести себя в том или ином случае и т. п.). Кроме того, роботов можно снабдить гибкой программой, которая позволит им осуществлять уход за детьми, больными или животными, взять на себя домашние заботы (стиральные машины сами определяют нужный режим стирки, а микроволновые печи справятся со всей стряпней и т. д., и т. п.). На космических станциях и в экстремальных условиях без роботов практических невозможно обойтись. Утверждают, далее, что между 2025 и 2050 гг. будут созданы команды роботов, которые окажутся в состоянии обыграть в футбол команду чемпионов людей [5, с. 414]. Однако, скорее всего, подобные прогнозы являются завышенными.

Наряду с изучением по преимуществу телесных способностей, наука все глубже погружается в исследование внутреннего психического и духовного мира человека. Показательны эксперименты, предполагающие считывание наших мыслей и чувств по мозговой активности. Группа нейрофизиологов, используя магнитно-резонансный томограф и компьютеризированные системы, с большой точностью «прочитали» эмоции испытуемых (зависти, счастья и т. д.). Ранее подобные исследования не приносили успеха. Во-первых, далеко не просто побудить людей честно говорить о своих чувствах. Во-вторых, многие эмоциональные реакции индивидами часто не осознаются. Ученые использовали технологию, основанную на той, которая сейчас применяется для так называемого чтения мыслей. Компьютер угадывал, какие именно чувства испытывают люди, с точностью 71 %. Стало очевидным, что, несмотря на психологические различия, обусловленные генетикой и воспитанием, наши мозги реагируют эмоционально с просто удивительным подобием [11].

Поистине грандиозные планы оптимисты связывают с развитием нанотехнологий. Соединив воедино ИИ с нанотехнологиями, можно в перспективе одарить все частички окружающего нас мира рассудком. В этих и других аналогичных проектах мы вновь сталкиваемся со значительным преувеличением степени разумности, доступной искусственным системам. Так уже в XXI в. прогнозируется замена природных производителей пищи (растений и животных) аналогичными комплексами из молекулярных роботов (они смогут воспроизводить те же химические процессы, что происходят в живом организме, но гораздо более коротким и эффективным путем). Это позволит раз и навсегда снять с повестки острую для нашей цивилизации продовольственную проблему. Параллельно, благодаря нанотехнологиям, полностью устранится вредное влияние деятельности человека на окружающую среду. Роботы-молекулы подготовят для заселения человеком околоземное космическое пространство.

Футурологи слишком торопятся со своими предсказаниями событий ближайшего будущего. На деле, как видим, первые два десятилетия XXI столетия позади, но большая часть этих прогнозов пока так и остаются прогнозами, возможности практической реализации которых отнюдь не очевидны. Нельзя забывать и о том, что оптимистические предсказания о значительном усилении духовных способностей человека пока не сбываются. Так, по признаку рациональности (разумности) человек постепенно уступает современным системам ИИ, далеким от совершенства. Царивший на ранних этапах развития электронно-вычислительной техники оптимизм по поводу возможности успешной конкуренции человека с творениями его рук оказался ныне подорванным. Казалось, прогресс естественных человеческих способностей также можно существенно интенсифицировать. Однако довольно скоро эти иллюзии развеялись, ибо динамика эволюции естественного и искусственного оказалась несопоставимой. Весьма наглядно сказанное иллюстрируют шахматы: современные чемпионы мира могут только мечтать выиграть у ИИ. Для сравнения: в начале 2020 г. СМИ опубликовали информацию, согласно которой действующий шахматный чемпион имел рейтинг ЭЛО 2872 пункта, тогда как рейтинг ЭЛО шахматной программы Stockfish — 3551 пункта [8]. Новые технологии мало того, что поставили под вопрос способность человека выиграть у ИИ в шахматы, шашки, го и другие игры, они еще и осложнили проведение соревнований среди самих людей. Постоянно возникают далеко небезосновательные подозрения по поводу незаконного использования

компьютеров в соревнованиях спортсменов самого высокого ранга (включая матчи за звание чемпиона мира).

В последнее время появилось немало научнообразных философов, пугающих нас тем, что происходит, якобы, необратимый процесс деградации интеллекта и человеческого мозга. В действительности, мозг вообще не деградирует с момента возникновения *homo sapiens* современного вида. Напротив, возрастает энергия, мудрость мозга и его понимание будущего. Нет необходимости мозгу увеличиваться и в размере, поскольку вся его конструкция уже завершена, достигнув зрелости и оптимальности. Иное дело, что мы еще не научились использовать те возможности, которые у человеческого мозга уже есть. Человек грядущего будет заниматься своим физическим и психическим здоровьем много серьезнее. С помощью самосовершенствования и духовных практик он изменит к лучшему многие свои параметры, в т. ч. интеллектуальные и психические.

Своеобразные воззрения на будущее присущи некоторым служителям культа. Например, Кристофер Бенек (адьюнкт-пастор Провидения Пресвитерианской Церкви) полагает, что роботы, оснащенные ИИ, не только уживутся с людьми, но и вообще будут творить добро, благодаря вере в Бога, которую непременно обретут. Соответственно, профессор Марвин Мински (Массачусетский технологический институт) говорит о наличии души у высоко разумных роботов, которые, при соответствующих условиях обратятся к вопросам «Кто мы?» и «Откуда произошли?». К. Бенек считает, что носители ИИ, став более разумными, чем люди, глубже освоят моральные и этические кодексы и превзойдут нас в духовном смысле. Дай Бог, говорят комментаторы этих нарративов, чтобы служители культа не ошиблись в своих прогнозах. И не дай Бог, чтобы роботы не переусердствовали в своей святости и не посчитали бы нас исчадиями ада! [4].

Тренды коэволюции. Широкое распространение в современной информационной среде получила идея коэволюции. Она предусматривает постепенное сближение двух относительно противоположных тенденций: одна из них предполагает определенные изменения самих субъектов под воздействием внешних и внутренних факторов; другая направлена вовне, т. е. на формирование таких объектов, которые оптимально соответствуют социобиотической природе человека, ее дальнейшему укреплению и развитию. Эти два взаимодополняющих друг друга процесса обладают чертами абсолютности и относительности. Модус абсолютности обусловлен тем, что субъект и объект, живое и неживое, естественное и искусственное не могут полностью утратить свою определенность и превратиться в единую недифференцированную целостность. В то же время противоположность естественного и искусственного, в известном смысле, относительна. Ибо субъект и объект, живое и неживое, естественное и искусственное выступают двумя неотъемлемыми составными единой реальности (бытия) и между ними отсутствуют непроходимые границы. Дистанция между миром первой и второй природы продолжает сокращаться. (Сегодня примерно каждый десятый житель высокоразвитых стран обладатель синтетических протезов и имплантатов).

Согласно прогнозам, особенно интенсивный характер сближение между естественным и искусственным, природным и техногенным приобретет на рубеже 2030 г. Коэволюционная парадигма проявляется в том, что вторая природа человека, его внешняя (технично-технологическая) среда приобретает все более человеческий, или живой, характер. Одновременно происходит

интенсивная интеграция этой новой (технизированной) внешней среды в человеческую телесность. Так, созданы и испытаны на здоровых людях первые протезы рук и ног, управляемые силой мысли. Эти разработки в будущем позволят парализованным людям самим гулять на своих ногах. Развитие технологий подобного рода вскоре даст возможность инвалидам, слабовидящим людям и детям передвигаться по дорогам как полноправным участникам движения. Коэволюция предполагает сбалансированное развитие, в том числе, естественного и искусственного интеллектов, которые научатся сотрудничать с целью получения лучшего результата. Новые когнитивные системы вовсе не сделают человеческое мышление чем-то второстепенным, но сделают нас более успешными и креативными.

ИИ формируется на основе все большего усложнения логических когнитивных структур, их формализации и алгоритмизации. Налицо ускоряющийся процесс технизации знания и сознания, переход их к существованию в материально-объектной форме, все более отчуждающейся от субъекта (человека). Это происходит по мере передачи ряда духовных функций разного рода интеллектуальным техническим системам. Последние все успешнее решают проблемы, которые всегда признавались глубоко человеческими и в высшей степени творческими, относящимися к самой сокровенной духовной природе человека.

В ходе научно-технического прогресса постепенно формируется и приобретает автономный (отчужденный) характер ИИ, который имеет общие и специфические черты с естественным интеллектом. Важнейшая черта любого интеллекта — способность к вопрошанию, т. е. умение ставить вопросы и давать на них ответы. Специфическая черта ИИ — его весьма жесткая алгоритмизированность. Именно алгоритмическая универсальность дает возможность автоматизировать решение интеллектуальных задач с помощью ЭВМ, т. е. представить их в виде машинной программы. Необходимо подчеркнуть, что вычислительные машины и роботы, в том числе «умные», имеют определенные ограничения, за пределы которых они в принципе не способны выйти. Существуют такие задачи, для которых невозможен единый эффективный алгоритм, решающий все задачи данного типа; следовательно, их решение с помощью вычислительных машин не представляется возможным, ибо искомым алгоритм вообще не существует.

В отличие от ИИ, естественный интеллект не может быть алгоритмизирован полностью из-за неотделимости от субъекта его интуиции, эмоций и воли. Характеризуя различия между естественным и искусственным интеллектами, специалисты указывают на то, что мозг человека оперирует понятиями, суждениями и умозаключениями, имеющими диалектический характер. Тогда как машина оперирует вычислениями по законам формальной логики, в которой диалектическое содержание на порядок меньше. В работе человеческого мозга большое значение имеют интуиция и бессознательная деятельность, которые в полной мере не поддаются алгоритмизации и процессу компьютерного программирования. Психика и сознание субъекта постоянно и динамично взаимодействуют с миром. Репрезентируя изменчивые условия жизни, психика и сознание функционируют непрерывно. Компьютер же работает с перерывами (его можно включить или выключить). Усложнение интеллектуальных функций ЭВМ имеет свои границы. ИИ эффективен преимущественно лишь в узких сферах деятельности.

Ныне все больше действий и операций, традиционно присущих естественному интеллекту, передаются ИИ. За субъектом же остается некоторое истинно человеческое (не формализуемое) информационное поле. В данной связи человеческий интеллект, не без основания, определяют как нечто, что нельзя сделать с помощью машин. Формализованное содержание интеллектуального переходит к машине и теряет свой естественный человеческий характер, превращаясь в искусственное. Интеллектуальное, в подлинном значении этого слова, это все усложняющийся мир человеческих ценностей. Их выбор на основе субъективных оценочных предпочтений не может быть функцией ЭВМ. Машина никогда не сможет решать за нас эмоциональные коллизии любви или дружбы, радости или печали. В то же время грань между человеком и интеллектуальными творениями его рук относительно уменьшается.

Вместе с тем ученые не видят принципиальных препятствий для создания искусственных технических систем, модифицирующих определенным образом свое внутреннее информационное содержание. Трудности здесь, по их мнению, носят временный (технический) характер. Решение проблемы преемственности экспертных систем (систем ИИ), позволит снять главный барьер на пути их быстрого прогресса. Однако сказанное выше далеко не бесспорно. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с завышенными ожиданиями в отношении возможностей технического прогресса и, в частности, ИИ.

Развитие техники идет в направлении постепенной замены трудовых (в том числе интеллектуальных) функций человека техническими устройствами. ИИ, согласно расчетам специалистов, позволит быстро устранить всякую потребность в человеческих массах. Ведь для огромного большинства задач, которые выполняют люди, интеллект вообще не нужен. По их данным, это справедливо для 97,8 % рабочих мест как в сфере физического, так и умственного труда. Скорее всего, эти расчеты сильно преувеличены. Едва ли различные искусственные механизмы к 2025 г. смогут заменить более 61 % рабочих рук (в рамках всего мирового сообщества). Глобальная тенденция соответствующего плана имеет место, однако массовая безработица как фатальное следствие этой тенденции вовсе не обязательна.

Уже к концу 1960-х гг. высветилась сила и слабость кибернетических устройств. Механический перебор возможных вариантов решения успешно применим, если его величина не является фантастической. Между тем большинство задач, с которыми приходится сталкиваться социуму, имеет такое число вариантов, что перебрать их даже с помощью самых продвинутых компьютеров невозможно. Как действуют люди в аналогичной ситуации? Они опираются на свой опыт и интуицию. Но насколько возможен интуитивный способ познания для ИИ?

Ныне разрабатываются дорожные карты, предполагающие интеграцию (в том или ином плане) естественного интеллекта с ИИ. Такая возможность существует в силу того, что оба интеллекта являются информационно-аналитическими системами. Для интеграции необходим современный прямой нейроинтерфейс. Он позволит человеку посредством одних только намерений (без мышечных усилий) коммутировать с внешним миром. С помощью нейрокоммуникаторов субъект получит возможность управлять цифровым миром напрямую: сигнал идет от мозга ко всему, что содержит порты приема цифровых кодов. В недалеком будущем нейрокоммуникаторы можно будет встраивать в бытовую технику, в промышленные системы, транспортные средства и мобильные телефоны. Примечательный момент: не будет

необходимости вживлять электроды в мозг. Достаточно регистрировать электрическую активность мозга прямо с кожной поверхности головы.

Прямой интерфейс мозга с компьютером приведет не только к количественным изменениям интеллектуального и духовного характера, но и к серьезным качественным трансформациям. Появится возможность т. н. «распределенного мышления» (группа людей договаривается между собой об одновременном совместном решении каких-либо научных или иных задач). Наличие интерфейса создаст такие возможности мозгового штурма, которые сегодня непросто оценить. Небольшая группа (из 3—5 человек) сможет выполнить в сжатые сроки креативные задачи, на решение которых ранее всей цивилизации потребовалось бы сто и более лет.

Растут ожидания относительно грядущего использования прямого интерфейса мозг — компьютер, чипы и внешние программы (экзокора), дополняющие мозг индивида. Это несравненно увеличит интеллектуальные способности каждого члена цивилизации будущего. В грядущем «новом дивном мире» элементы ИИ будут все более органично встраиваться в человеческий мозг. Грани между ИИ и нашим рассудком сотрутся и останутся просто сверхразумные общественные субъекты.

Вместе с тем приходит все более глубокое понимание того, что быстро совершенствующиеся технологии не только облегчают нашу жизнь, но и порождают новые вызовы. В данной связи специалисты не без основания опасаются, что персоны с «интегрированными» интеллектами попадут в серьезную зависимость от управленческих структур, гораздо сильнее, чем обычный человек. Произойдет качественное усиление возможностей дистанционного управления такими субъектами. Вопросы безопасности, защиты личностной идентичности от манипуляций со стороны неизбежно обострятся. Люди уже сегодня легко поддаются способам политической манипуляции (история «цветных революций» тому наглядное подтверждение). Тогда как возможности «информационного оружия» постоянно возрастают, не превратятся ли большие массы людей в существа типа зомби. Правда, скептики, не без основания, сомневаются в правильности вышеприведенных представлений о грядущем и характеризуют их очередные социальные утопии.

Как известно, дисбаланс между технико-технологическим и социальным прогрессом в последнее столетие постоянно нарастал и на определенном отрезке времени технооптимизм стал все сильнее вытесняться технопессимизмом. Неудивительны в данной связи опасения: не уподобятся ли отношения модифицированных тем или иным образом индивидов своеобразным механизмам? Тем более что уподобление человека машине имеет столетние традиции (вспомним работы О. Ламетри) и встречало поддержку у самых разных, порой диаметрально противоположных, социальных систем.

На переломе веков различные идейные течения, экстраполируя некоторые сегодняшние нарративы в будущее, не склонны считать чем-то трагическим превращение человека в машину, скорее наоборот, человек-машина куда более привлекателен по сравнению с обычными персонами. Человек несовершенен, машина совершенна (современные автомобили с их идеальными пропорциями, ИИ и т. д.). Самый продвинутый человеческий интеллект все равно в перспективе будет уступать ИИ. Мы видим, что в мифологемах современной массовой культуры получеловек-полумашина предстает как улучшенный образец обычного человека, ограниченного в своих возможностях, возможности же киборга (человека-робота) безграничны.

В качестве усилителя силы (первоначально физической) все чаще выступают роботы и другие технические системы, которые оснащаются неуклонно прогрессирующими системами ИИ. Будучи используемы первоначально в производственной и военной сферах, роботы ныне проникают в наш быт и духовную деятельность. СМИ сообщают, что в Южной Корее появились роботы-учителя. Андроиды успешно учат детей английскому языку в нескольких школах [10]. Одновременно растут опасения, что эти новые интеллектуальные техносистемы начнут вытеснять учителей, а затем преподавателей вузов и колледжей.

Неудивительно, что прогнозы относительно воздействия роботов на человека и общество противоречивы: от оптимистических до весьма мрачных. Производительность растет за счет роботов. Между тем из-за новых технологий среднестатистические работники становятся беднее. Так, с начала 1980-х гг. средний доход американских семей перестал поспевать за ростом экономики. Налицо великий парадокс: производительность находится на рекордно высоком уровне, инновации никогда в истории не внедрялись быстрее, и в то же время зарплаты падают, а в стране становится все меньше рабочих мест. Дело в том, что люди отстают от машин и новых технологий, к которым организации не успевают приспособиться. В крупнейших странах-производителях (США, Китай и др.) число занятых в производстве людей серьезно снизилось с 1997 г. и возникла реальная угроза ликвидации среднего класса. Технологии с использованием ИИ со временем приведут к тому, что машины смогут выполнять работу «белых воротничков» и в скором времени заменят большинство сотрудников офисов [7].

Правда, на некоторых специалистов спрос будет расти. Это, во-первых, высокооплачиваемые сотрудники, которым по плечу решение творческих задач. Во-вторых, низкооплачиваемые работники (официанты, медсестры и т. д.). Их обязанности не поддаются автоматизации. В результате произойдет поляризация рабочей силы, а средний класс окончательно размоется. Вместо уменьшения неравенства, за что постоянно ратуют многие современные партии и общественные движения, оно лишь усилится. Творцы новых технологий смогут получать миллионы, а у простого труженика никогда не получится выбраться из нищеты.

Как видим, оптимистические надежды на коэволюцию во многом подбиваются практикой современного развития мировой экономики и социальных отношений. Скажем, влияние инноваций — процесс вполне диалектический: наряду с позитивной у них есть и своя «темная» сторона. Еще совсем недавно в развитых странах экономический рост шел параллельно с ростом занятости, сегодня экономика растет, а люди теряют работу. Парадоксально, что «большая разбалансировка» наступила из-за развития новых технологий, в частности все большего внедрения роботов, которые увеличили продуктивность производства. Все новые и новые сферы подвергаются нашествию роботов, вытесняя людей (образование и медицина, право и финансовые услуги). Рабочие места исчезают быстрее, чем создаются новые, следовательно, все больше людей подвержены риску навсегда лишиться работы.

Заключение. Естественный интеллект есть неотъемлемое качество живого человека как общественного субъекта, способного действовать активно и целеустремленно, вырабатывать собственные алгоритмы решения различных когнитивных и практических задач, проявлять интуицию, волю и эмоциональность. Не менее важна органическая связь живого субъекта со всем

природным миром. В силу этого человек не может быть вытеснен искусственными образованиями, которые не обладают указанными чертами и способностями. Следовательно, каким бы мощным и эффективным ни оказался в будущем ИИ, он сам по себе не заменит человека как субъекта. ИИ — это лишь инструмент, способный к безграничному развитию, но не в качестве субъекта, а лишь как одна из важнейших (но не единственная) его функция.

Что касается оценки опасности/безопасности ИИ, здесь, как и во многих других случаях, все определяется особенностями мирового общественного устройства. В руках прогрессивных социальных сил ИИ позволит ускорить и гуманизировать общественное развитие. Напротив, силы регресса и антигуманизма могут направить ИИ на дестабилизацию и разрушение мировой цивилизации.

Список литературы

1. Бруссард М. Искусственный интеллект. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 362 с.
2. Культурная политика: современные реалии. М.: Информациология ИИ, 2006. 198 с.
3. Кутырёв В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород: Н/Н, 1994. 199 с.
4. Лаговский В. Роботы начнут верить в Бога уже через 20 лет // Комсомольская правда. 12 февраля 2015 года. URL: <http://www.kp.ru/daily/26341.4/3224186/> (дата обращения: 18.05.2021).
5. Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы. М.: ИИнтелЛЛ, 2005. 280 с.
6. Работы хватит на всех // Аргументы недели. 2020. № 47. С. 8—9.
7. Роботы выгнали людей из промышленности... URL: <http://interfax.ru/business/txt.asp?id=314344> (дата обращения: 18.05.2021).
8. Способен ли чемпион мира поставить мат компьютеру? // АиФ. 2020. № 8. С. 39.
9. Управление, информация, интеллект / под ред. А. И. Берга и др. М.: Мысль, 1976. 383 с.
10. Что нового изобрели? // АиФ. 2010. № 48. С. 53.
11. Юзбекова И. Ученые прочитали эмоции человека с помощью МРТ // Газета РБК. № 109 (1642). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/06/24/56c1a04d9a7947406ea0998e> (дата обращения: 18.05.2021).

УДК 1(470+571)
ББК 87.3(2)-592
DOI: 10.46726/Н.2021.2.14

Л. А. Зубкевич, Е. А. Пахомов

НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ. НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ

В статье речь идет о влиянии классической марксистской философии на развитие российской философии, которое вылилось в появление неортодоксальных путей развития марксизма в России двадцатого века. Показано, что в России неортодоксальные марксисты были представлены «легальными марксистами» и активистским движением. Проанализировано мировоззрение авторов этих неортодоксальных марксистских движений, их идеи по преобразованию российского общества, взгляды на проблемы как самой России, так и на недочеты в классической марксистской идеологии и философии. Выявлены тенденции формирования нового мировоззрения и ухода от классического рационализма и антропоцентризма. С помощью логико-исторического анализа сущности неортодоксальной марксистской мысли XX века, позиций авторов того времени были установлены их связи с классическим марксизмом и другими философскими течениями. Зафиксированы противоречия различных марксистских движений в выборе способов ухода от старого рационализма и антропоцентризма.

Ключевые слова: антропоцентризм, рационализм, марксизм, мировоззрение, социализм.

L. A. Zubkevich, E. A. Pakhomov

ON THE WAY TO A NEW WORLDVIEW. UNORTHODOX MARXISM

The article deals with the influence of classical Marxist philosophy on the development of Russian philosophy, which resulted in the emergence of unorthodox ways of Marxism development in Russia in the XX century. It is shown that Russian unorthodox Marxists were represented by “legal Marxists” and an activist movement. The worldview of the authors of these unorthodox Marxist movements, their ideas for transforming Russian society, views on the problems of both Russia itself and the shortcomings in classical Marxist ideology and philosophy are analyzed. The tendencies of the formation of a new worldview and departure from classical rationalism and anthropocentrism are revealed. With the help of a logical-historical analysis of the essence of unorthodox Marxist thought of the twentieth century, the positions of the authors of that time, their connections with classical Marxism and other philosophical trends were established. The contradictions of various Marxist movements in the choice of ways to get away from the old rationalism and anthropocentrism are fixed.

Key words: anthropocentrism, rationalism, Marxism, worldview, socialism.

На современном этапе развития человечества существует глобальная проблема поиска нового мировоззрения как необходимого условия новой эпохи. Люди подвергают критике и переосмысливают константы старого мировоззрения — рационализм и антропоцентризм. Одним из вариантов такого

© Зубкевич Л. А., Пахомов Е. А., 2021

переосмысления является легальный марксизм. В целом марксистская философия второй половины XIX — начала XX века оказывает большое влияние на русскую общественную мысль до сих пор. Она предложила массу новых идей, которые были восприняты отечественными политическими и общественными деятелями, дала начало таким течениям как «легальный марксизм», активистскому движению с их эмпириомонизмом и богостроительством и подарила стране множество новых великих умов, которые эти идеи создали и в дальнейшем развивали. Но, к сожалению, после революции 1917 г. вследствие доминирования ортодоксальной ветви альтернативные пути развития марксизма стали забываться, а их политические воззрения и мировоззрение их создателей остаются недостаточно исследованными в современной российской науке, в то время как неортодоксальные пути развития философии К. Маркса и Ф. Энгельса являются уникальным примером синтеза западной философии с русским философским миром и нашими традициями.

После 1991 г. в российском обществе возрастает интерес к либеральным идеологиям, вспомнили и о неортодоксальном марксизме [8, 10, 12, 13, 26]. Однако, в этих исследованиях уделялось очень мало внимания философской базе марксизма и взглядам его создателей на окружающий мир. Вместо этого чаще всего рассматривались политические программы и решения.

Объект исследования — неортодоксальные пути развития марксизма в России XX века. Предметом являются философские основания мировоззрения представителей неортодоксального марксизма. В качестве метода применен сравнительный и логико-исторический анализ. Целью данной работы является выявление тенденций формирования нового мировоззрения и уход от старого рационализма и антропоцентризма в марксистской мысли XX века. В качестве гипотезы выдвигается идея о существовании тенденции к усилению позиций рационализма и антропоцентризма в марксистской неортодоксальной философии, логическим следствием этого является признание необходимости коренной перестройки общества.

Методологическая «система координат» исследования может быть представлена следующим образом. Поиск нового мировоззрения является продолжением переходных изменений, включенных в общее развитие человечества, началом которых является вторая половина XIX века. Основным критерием этого состояния является переход от «старого» к «новому», изменчивость, усиление или ослабление тенденций старого и нового. Содержание переходного исторического типа мировоззрения соответствует исторической эпохе. «Старое» и «новое» представляются нам как бинарные оппозиции (в понимании А. Н. Тетиора [33]) — «универсальное рациональное средство, отражающее два противоположных состояния одного явления. Эти состояния рационально осмысливаются с помощью противоположных, с логической точки зрения, понятий» [14]. Исходя из этого, если под «старым» в данном переходном состоянии мы понимаем рационализм и антропоцентризм Нового времени, то под «новым» по правилам логики будет фигурировать «нерационализм» и «неантропоцентризм».

В конце XIX и в начале XX века Россия все чаще начала сталкиваться с новыми социально-классовыми противоречиями, вызванными интенсивным развитием капитализма. Созрели объективные и субъективные предпосылки для буржуазных и демократических преобразований, что привело к небывалому росту революционных движений. В таких условиях перенесение доктрины Маркса на российское общество с учетом западного «пересмотра» в виде бернштейнианства породили три направления в развитии марксистской философии —

«борющихся в марксизме идейных направлений» [2, с. 331]: 1) «ортодоксальное» (В. И. Ленин и др.). 2) «легальный марксизм» (меньшевики), активистское направление (эмпириомонизм, эмпириосимволизм, богостроительство).

Легальных марксистов определяют как объективистское или экономическое направление, так как они абсолютизировали роль объективных экономических факторов в историческом процессе. Легальный марксизм в советском ключе определяется как идейно-политическое течение, использовавшее для обоснования развития капитализма в России отдельные положения экономического учения Маркса. К нему относят П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, М. И. Туган-Барановского, Н. А. Бердяева: они выступали в легальной прессе (отсюда название), издавали журналы «Новое слово», «Начало», «Жизнь» [18]. В своих воззрениях они чаще всего обращались к неокантианству, так как члены этого движения считали диалектику и материализм «одинаково несостоятельными пред судом философской критики» [30, с. 343], и поэтому утверждали, что у марксизма нет философского обоснования. Они подчеркивали независимость человеческих знаний от объективной реальности. Это указывает на усиление позиций рационализма. «Человеческому сознанию, — писал С. Н. Булгаков, — стало раз навсегда очевидно, что наше научное знание покоится на этих свойствах чистого разума, короче говоря, разум сам является законодателем природы, сам устанавливает ее законы» [3, с. 199]. В данном утверждении провозглашается идея антропоцентризма. Человек и его разум возвышается над природой, разум является законодателем природы. Однако, здесь прослеживается и отход от традиционного видения человека как центра мироздания, так как теперь он может познать только то, что сам создает в процессе мышления.

Таким образом, наблюдается видоизменение рационализма. Несмотря на то, что роль разума в познании не преуменьшается, уменьшается область реальности, которую он может познать, утверждается непознаваемость социальных явлений вследствие их индивидуального характера. В этом один из главных тезисов легальных марксистов, что целиком и полностью совпадало с противопоставлением неокантианцами естествознания и обществознания [27, с. 142—152]. Вместе с тем Н. А. Бердяев отрицательно относился к кантовскому агностицизму, считал, что не только «мир явлений», но и «мир вещей в себе» является познаваемым [4, с. 34—35].

В мировоззрении легальных марксистов мир сводится к сознанию и выводится из него. Сущность мира, находящегося вне и независимо от сознания, не является вопросом знания. П. Б. Струве разделял концепцию «берклианско-кантовского идеализма», считал, что «дальше мы в определении объективности и реальности не можем идти: предполагать за индивидуальным или коллективным сознанием реальный мир внешних "вещей" есть метафизика» [31, с. 125]. Социальные явления, в силу их сугубо индивидуального характера, доступны лишь ценностно-нормативному, а не научному рассмотрению. Также независимы от чистой науки и практические проблемы, они относятся лишь к сфере нравственных оценок добра и зла. «Практические идеи, — писал П. Б. Струве, — могут, вторгаясь в известные теоретические построения, фальсифицировать их, но этой судьбе принципиально одинаково подвержены и воззрения Маркса и воззрения его противников» [11, с. 31]. В этой части своей философии легальные марксисты далеки от марксизма, так как практически никакого упоминания ни о марксизме, ни о материализме нет. Идею о социалистической революции и диктатуре пролетариата

вообще считали ложной, поскольку она научно не доказуемая. В чем, кстати, также прослеживается нотка рационализма. Но в отношении философии истории есть точки соприкосновения, на основании чего можно считать справедливым, что их все-таки относят к марксистам. Мыслители интерпретировали материалистическое понимание истории в духе социально-экономического фатализма, сводили историческое развитие к действию стихийных экономических сил, неуклонно ведущих общество по пути прогресса [3, с. 33]. В. И. Ленин критиковал легальных марксистов (прежде всего П. Б. Струве) за беспристрастное констатирование фактов вне учета конкретно-исторических условий, в рамках которых эти факты творятся людьми (классами, социальными группами, слоями), противопоставлял такой позиции классовый подход к явлениям социальной действительности. Явления оцениваются исходя из интересов трудящихся масс, что делает возможным объективное рассмотрение. Марксизм «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» [19, с. 418].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что легальный марксизм своими идеями ушел достаточно далеко от позиции К. Маркса. Принципиальные расхождения с марксизмом и неоднородность позиций участников привели к тому, что легальный марксизм как идейно-политическое течение перестал существовать, а его представители перешли на другие идейно-философские и социально-политические платформы. Возвращаясь к главной цели данного исследования можно заявить, что легальные марксисты, несмотря на свой разрыв со многими идеями классического марксизма, все равно в своих философских взглядах оставались рационалистами и антропоцентристами.

Активистское направление. Имея революционные взгляды, представители этого направления смешивают марксизм с социальным активизмом, где под реальностью понимается деятельностная активность человека, чем усиливается антропоцентризм. С их точки зрения сущность человека творческая, заключается не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира [15]. Мир поэтому становится предметным результатом активности индивида и его классовой идеологии. Отрицается понятие не зависящей от человека объективной истины. Однако, это противоречит революционным позициям авторов, так как понятие истины размывается и становится относительным, борьба масс теряет реальный смысл.

Ввиду разнородности данного течения дальнейший анализ целесообразно продолжать в отношении каждого учения в этом движении по отдельности. Так виднейшим представителем эмпириомонизма является А. А. Богданов. Мыслитель видел реализацию марксистской программы в революционной практике, нейтрально-безразличной по отношению к человеку (объекту), в ней преодолевается противоположность объекта и субъекта [1, с. 5—17]. Следовательно, в его философской системе человек уже не мыслился как центр мироздания, что противоречит базовому принципу антропоцентризма. Но с другой стороны, социальная практика (мир явлений) — это поле коллективного труда, где сталкивается человеческая активность и стихийное сопротивление вещей [7, с. 11]. Рабочий класс является наиболее совершенным субъектом организующей деятельности и прообразом человечества как некоего глобального трудового коллектива. Поэтому своей задачей А. А. Богданов видел создание и применение собственной системы организующих природу

и общественную жизнь методов, составляющих в совокупности совершенно особую пролетарскую культуру [28, с. 505—517]. В подобном представлении о субъекте организующей деятельности очень хорошо просматривается очередной отход от антропоцентризма, так здесь роль человека как центра мироздания уходит на второй план, а на место человека встает целая социальная группа со своим собственным классовым сознанием. Но этот отход не полный, поскольку на место человека в центр мироздания ставится класс. Эта количественная «ревизия» антропоцентризма не смягчила, а усилила антропоцентризм и рационализм («классовое сознание»).

Философская концепция А. А. Богданова (эмпириомонизм) является разновидностью махизма. Утверждение, что мир есть единый организованный опыт [16], близко к представлению эмпириокритицизма (Э. Мах и Р. Авенариус) о том, что мир состоит из ощущений (элементов), объединяемых затем в комплексы элементов по принципу экономии мышления. Но в отличие от них у А. А. Богданова элементы, из которых построены и объективная реальность, и наше сознание, одни и те же. Они по-разному связываются между собой. Физическое — это социально организованный опыт, психическое — опыт сугубо личный, индивидуальный [25, с. 18]. Философ не различает сознание и объективную реальность. Они — элементы, из которых построены психические и физические миры. Различие социально организованного и личного опыта в том, что эти элементы в них могут связываться по-разному. В этом отличие эмпириомонизма от эмпириокритицизма, где опыт должен был быть однородным. Таким образом, философия А. А. Богданова в аспекте гносеологического дуализма имеет черты кантианского агностицизма, а в аспекте онтологического монизма — черты классического марксизма.

Философ полностью отвергает идею об абсолютной истине, чем сильно отличается от ортодоксальных марксистов. Он видел в абсолютном лишь вопрос веры: с его точки зрения «содержание понятий берётся только из опыта, а в опыте нет и не может быть ничего абсолютного» [5, с. 16]. Он отрицал применимость «абсолюта» в вопросах познания. «К бесконечной величине можно прибавлять или от неё убавлять конечные сколько угодно — от этого она не изменяется: именно такова математическая характеристика бесконечно больших величин. Прибавляйте к длинному кубу сколько угодно плоскостей, линий, точек — объём его будет все тот же: ибо объём есть “бесконечное” по отношению к длине. Расстояние от “абсолютного” неизменно, пойдём ли мы вперёд, назад, направо, налево; и говорить о приближении к абсолютному есть насмешка над логикой, и над всяким прогрессивным стремлением» [5, с. 17].

А. А. Богданов очень необычно понимает культуру. Это способы организации труда, общения, познания и жизни, вырабатываемые крупными социальными коллективами (классами, социальными группами) в качестве общественно принятых. Такой подход привел к отождествлению культурных форм с социальными, которые являются структурными аналогами связей определенного коллектива или общества в целом. «Всякий строит мир по образу и подобию своего социального опыта» [5, с. 22]. Здесь нашёл свое отражение накапливающийся в обществе нигилизм, особенно проявившейся после октября 1917 г. в отказе от культурного наследия. Что в дальнейшем обусловило появление новой культурной формы — «советского человека», что является очень важным в решении задачи данного исследования. Хотя сам философ был против подобного нигилизма и выступал за приобщение к культурному наследию.

В процессе эволюции своей философии А. А. Богданов постепенно приходит к созданию «всеобщей организационной науки» — тектологии. Эта наука углубляет наши знания о действительности для дальнейшей перестройки познавательной деятельности и общественных отношений. Перспективой последних видится переход к «интегральному» социальному устройству, которое будет основываться на «строго научной планомерности», опирающейся на обобщенное понимание «организационных задач». Новая наука должна создать «идеологию современного технического прогресса», который приведет к строительству «разумного общества».

В изложенном выше мы обнаружили признаки, указывающие на наличие в данной теории крайней степени развития европейского рационализма. А. А. Богданов не только не отказывается от рационализма и антропоцентризма, но их усиливает. Вместо человека как основы мироздания мыслится целая группа людей, так как основой всего человечества понимается рабочий класс как совершенный субъект организующей деятельности. Несмотря на отрицательное отношение к абсолюту, он абсолютизирует рациональность в идее разумного общества.

Далее перейдем к рассмотрению *богостроительства*, которое отчасти обязано идеям А. А. Богданова. Это идеологическая платформа в российской социал-демократии (А. В. Луначарский, В. Базаров (В. А. Руднев), П. С. Юшкевич; к ним примыкали М. Горький (А. М. Пешков), М. Н. Лядов и др.) возникла после первой русской революции 1905 г. Тогда в общественном сознании наблюдались пессимистические настроения, и интеллигенция обратила свой взор к мистицизму. Это сопровождалось критикой марксизма, в том числе среди его сторонников. Также обнаружили попытки соединения его с эмпириокритицизмом (махизмом): последний провозглашался философией «современного естествознания». Нередки были призывы «сбросить ветхий плащ старого материализма» [21, с. 160], что указывает на серьезный кризис материалистического мировоззрения, который подвиг философскую мысль эпохи к поиску ответов. Так, представитель ортодоксального марксизма В. И. Ленин пишет работу «Материализм и эмпириокритицизм» [20], одновременно возникают идеи богостроительства.

Наиболее последовательно, с нашей точки зрения, концепция богостроительства выписана А. В. Луначарским. Он много ссылается на работы А. А. Богданова, так как считает, что именно в философском мировоззрении последнего заложена возможность создания социалистически ориентированных религиозных исканий: «...мы находим в его мирозерцании, в столь блестящих построениях его на прочном фундаменте подлинного марксизма, — прекрасную почву для расцвета социалистического религиозного сознания» [9, с. 190]. Это представляется философу особенно важным в связи с традиционной религиозностью русского народа и необходимостью повысить популярность марксистских движений.

Как и А. А. Богданов, А. В. Луначарский пытался решить основной вопрос философии путем преодоления онтологического дуализма материалистически понимаемого бытия и идеальности сознания. С его точки зрения в основе мира лежат нейтральные элементы «эти элементы не физичны и не психичны, это просто бытие» [23, с. 284]. Это отличает его позицию от позиции А. А. Богданова, который все таки сохранял разделение на психическое и физическое. А. В. Луначарский скептически относится к результативности науки: с его точки зрения история циклична, каждая новая эпоха, рождая

новые знания, разрушает знания предыдущей эпохи и заменяет их другими (поэтому философ взывает к вере). Предметом веры является социалистический идеал. Но это не вера в сверхъестественное. Тогда он представлял веру как ценностную ориентацию или как снятие противоречий между идеалом и действительностью. «Религия есть, — писал он, — такое мышление о мире и такое мироощущение, которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы» [22, с. 21]. Антитезисом разуму является вера. Но у него вера особая, созданная мышлением, и религия называется «религией научного социализма». На лицо усиление рационализма, несмотря на ориентацию на «новое». Указанный антитезис не стал бинарной оппозицией, не привел к отрицанию разума. Социализм рационально вытекает из религиозных исканий прошлого, он религиозен по существу, хотя и оплодотворен «фактом экономического роста человечества» [29, с. 363].

В произведениях А. В. Луначарского сильна антропоцентрическая вера в человека, имеющая истоки еще в философии XVIII века. Человек и общественные институты могут совершенствоваться до божественного подобия. Человечество станет богом при социализме. Пролетарии — богостроители, творцы будущего величия человечества. Бога обнаружить нельзя, ибо его не существует. Но его можно создать в будущем коллективном человечестве. Философ писал: «Бога нужно не искать, его нужно дать миру. В мире его нет, но он может быть. Путь борьбы за социализм, т. е. за триумф человека в природе, — это и есть богостроительство» [24, с. 439]. В этой фразе наиболее точно проявляется представление о том, что человек сам должен стать богом. Оно развивает идею антропоцентризма в его философии, можно даже сказать радикализирует её. По его мнению человек уже не просто центр мироздания, он становится богом — тем, выше кого не может быть. А. В. Луначарский не отходит и от рационализма, так как по его мнению социалистический идеал воплощает в себе красоту, разум, свободу и гуманизм.

Заключение. Марксистская философия дала действительно огромную базу для развития философии в России. Неортодоксальный марксизм неоднороден, поэтому в исследовании мы выделяли сущность каждого движения, входящего в его состав. У легальных марксистов — это построение социализма без марксизма, то есть равноправного общества, но без диктатуры одного класса и революции. У эмпириомонистов — создание принципиально нового общества с рабочим классом во главе. Пролетарий в будущем сформирует новое человечество, которое будет господствовать над природой, а весь старый мир должен быть отброшен как тормоз в развитии нового. У богостроителей — преобразование социализма в религию, где сам человек будет богом.

Связь описанных марксистских идей с классическим марксизмом проявлялась по-разному: у легальных марксистов — в философии истории, у А. А. Богданова — в необходимости диктатуры пролетариата и создании пролетарской культуры, а у А. В. Луначарского — в вере в цель развития как создание совершенного общества с совершенными людьми. Объединяет эти движения то, что они хотели преобразовать марксизм во что-то иное, в то, что, по их мнению, больше подойдет России, вместо того, чтобы следовать уже установленной в марксизме философской теории.

В ситуации поиска нового мировоззрения приход марксизма и марксистской философии в Россию оказался тем случаем, который меняет все. В результате последовавших за ним событий изменилось не только наше государственное устройство, но и сами люди, их мысли, цели, идеалы и пр.

Тенденция к усилению позиций антропоцентризма и рационализма у неортодоксальных марксистов стала средством продвижения новых мировоззренческих идей. В формировании нового мировоззрения делался акцент на то, что все люди должны будут понять то, что не может быть такого, что все они равны изначально, и не может быть кто-то лучше или хуже другого, а разум человека будет оставаться главным в вопросе миропонимания и познания.

В современности имеют свое продолжение идеи А. А. Богданова о появлении «разумного общества». Оно в совокупности с «Всеобщей организационной наукой (тектологией)» напоминает современную социальную инженерию. Идея философа о перерастании рабочего класса в единое человечество также оказалась предвидением, сегодня процесс «пролетаризации» человечества становится все более обсуждаемым в общественном сознании [17, с. 18—27]. А в современной дискуссии о человеке информационного общества обсуждается вопрос о безграничных возможностях совершенствования человека, созвучный мечтам А. В. Луначарского о совершенном человеке (человеке-боге).

Идея А. А. Богданова об отсутствии преемственности в развитии культуры была адекватна духу времени философа, наложилась на общий нигилистический настрой общества. Сам философ не собирался уничтожить старую культуру, вместо этого он считал, что нужно её приспособить под «пролетарскую культуру», но, к сожалению, многие его последователи не правильно поняли эту концепцию, превратив её в экстремистскую, а себя в «борцов за новую культуру». Что и выразилось в резком нигилистическом отрицании старой российской культуры, которое сам А. А. Богданов осуждал.

Список литературы

1. Андреев А. Л., Кузнецова Т. В. Общество, культура, политика в теоретическом наследии А. А. Богданова // *Философия и общество*. 2018. № 1 (86). С. 5—17.
2. Базаров В. Богоискательство и «богостроительство» // *Вершины: Лит.-крит. и филос.-публицист. сб. / отд. беллетристики заведует Семен Юшкевич, отд. ст. — П. Юшкевич*. Кн. 1. Санкт-Петербург: Прометей, 1909. 436 с.
3. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896—1903). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1903. 376 с.
4. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: Утса-Press, 1934. 480 с.
5. Богданов А. А. Вера и наука. Праздник бессмертия. М.: Директ-Медиа, 2014. 246 с.
6. Богданов А. А. О пролетарской культуре. 1904—1924. Л., М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.
7. Бордюгов Г. А. Неизвестный Богданов: в 3 кн. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928 гг. М.: ИЦ «АИРО—XX», 1995. 252 с.
8. Валицкий А. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О. В. Овчинниковой, О. Р. Пазухиной, С. Л. Чижкова, Н. А. Чистяковой под науч. ред. С. Л. Чижкова. М.: Мысль, 2012. 567 с.
9. Гапочка М. П. Уроки Богостроительства // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР: сборник / Академия общественных наук при ЦК КПСС; Институт научного атеизма. Серия: Вопросы научного атеизма. М.: Мысль: Редакции философской литературы, 1980. С. 186—204.
10. Гаджиев К. С. Политическая идеология: концептуальный аспект // *Вопросы философии*. 1998. № 12. С. 3—20.

11. Критика буржуазной футурологии: сборник научных трудов / отв. ред. А. М. Гендин. Красноярск: Красноярский рабочий, 1984. 150 с.
12. *Гобозов И. А.* Философия политики. М.: ТЕИС, 1998. 155 с.
13. *Дзарасов С. С.* Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М.: РГГУ, 1994. 335 с.
14. *Зубкевич Л. А.* Взаимосвязь социологических методик измерения бедности и развития человечества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 90—98.
15. *Ивин А. А.* Активизм // Философия: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004.
16. *Ильичёв Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалёв С. М., Панов В. Г.* Эмпириомонизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
17. *Иноземцев В. Л.* Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 18—27.
18. Легальные марксисты // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
19. *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб., 1894 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. 662 с.
20. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1968. 526 с.
21. *Луначарский А. В.* Атеизм // Очерки по философии марксизма. Философский сборник. СПб.: Кн-во «Зерно», 1908. С. 107—161.
22. *Луначарский А. В.* Религия и социализм Ч. 1. СПб.: Шиповник, 1908—1911. 222 с.
23. *Луначарский А. В.* Религия и социализм. Ч. 2. СПб.: Шиповник, 1911. 400 с.
24. *Луначарский А. В.* Об атеизме и религии: сборник статей, писем и др. материалов. / сост. и авт. примеч. Л. Р. Дунаевский и В. Д. Зельдович; предисл. д-ра филос. наук А. Ф. Окулова. М.: Мысль, 1972. 509 с.
25. *Любутин К. Н., Толмачев В. Д.* Александр Богданов: от философии к тектологии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 244 с.
26. *Леонтович В. В.* История либерализма в России 1762—1914. М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. 444 с.
27. *Малинов А. В.* «Социология в духе материализма» (о лекциях академика А. С. Лаппо-Данилевского) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 142—152.
28. *Маслин М. А., Андреев А. Л.* А. А. Богданов как философ и социальный мыслитель // Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 505—517.
29. Луначарский? ... Нет, он Антонов!: Документальное повествование о жизни и деятельности А. В. Луначарского: в 2 ч. / авт.-сост. Н. Ф. Пияшев. Ч. 1. М.: Б. и., 1998. 246 с.
30. *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. 527 с.
31. *Струве П.* Свобода и историческая необходимость // Вопросы философии и психологии. Кн. 36. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1897. С. 266—286.
32. *Струве П.* На разные темы. СПб.: Типография Дома Призр. Малолетн., 1902. 564 с.
33. *Тетиор А. Н.* Бинарная множественность природы. М.: РЭФИА, 1999. 234 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКСАНСКИЙ Олег Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН, г. Москва, Россия, obucks@mail.ru

BAKSANSKIY Oleg Evgenievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Physics Institute named after P. N. Lebedev, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, obucks@mail.ru

БУЛЫЧЁВ Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algorithm@mail.ru

BULYCHEV Igor Ilyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russia, igor-algorithm@mail.ru

ГРИГОРЯН Алла Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский энергетический университет, г. Иваново, Россия, apour@yandex.ru

GRIGORYAN Alla Yurievna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia, apour@yandex.ru

ГРИГОРЯН Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

GRIGORYAN Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, yerkat@yandex.ru

ЗАДОРОЖНИК Иван Евдокимович — доктор философских наук, доцент, начальник отдела гуманитарных журналов, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Россия, zador46@yandex.ru

ZADOROZHNYUK Ivan Evdokimovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian Journals, National Research Nuclear University “Moscow Engineering Physics Institute”, Moscow, Russia, zador46@yandex.ru

ЗУБКЕВИЧ Лада Альбертовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, lada-zubk@rambler.ru

ZUBKEVICH Lada Albertovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, lada-zubk@rambler.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

ILYIN Yuri Alexandrovich — Doctor Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ilyin37@mail.ru

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, руководитель Археологического научно-образовательного центра, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elkos-ty-le-va@mail.ru

KOSTYLEVA Elena Leonidovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Head of the Archaeological scientific-educational center, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, elkos-ty-le-va@mail.ru

ОРЕШКИН Олег Юрьевич — учитель истории Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа имени дважды Героя Советского Союза И. С. Полбина», г. Москва, Россия, vicit1945@mail.ru

ORESHKIN Oleg Yurievich — Teacher of history of the State budgetary educational institution of the city of Moscow “School named after twice Hero of the Soviet Union I. S. Polbin”, Moscow, Russia, vicit1945@mail.ru

ОСИПОВА Наталья Александровна — аспирантка кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, natalia-burova2008@yandex.ru

OSIPOVA Natalia Alexandrovna — Graduate student of the Russian History Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, natalia-burova2008@yandex.ru

ПАХОМОВ Егор Артемович — студент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, кафедра судебной экспертизы группы СОЭЗ, г. Нижний Новгород, Россия, pahomow.egor2014@yandex.ru

PAKHOMOV Yegor Artemovich — Student, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, the Department of forensic examination of the SOE3 group, Nizhny Novgorod, Russia, pahomow.egor2014@yandex.ru

ПЕТРЯКОВ Леонид Джоржович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

PETRYAKOV Leonid Dzhorzovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russia, tkstudia@yandex.ru

СУВОРОВА Галина Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, suvorova@76.ru

SUVOROVA Galina Mikhailovna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Life Safety, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, suvorova@76.ru

ТЮРИН Андрей Сергеевич — аспирант кафедры истории государства и права, Нижегородский институт управления РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия, andreynnr@yandex.ru

TYURIN Andrey Sergeevich — Post-graduate student of the Department of History of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management, RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia, andreynnr@yandex.ru

УТКИН Александр Витальевич — внештатный сотрудник Археологического научно-образовательного центра, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, u_two55@mail.ru

UTKIN Alexander Vitalievich — Freelance employee of the Archaeological scientific-educational center, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, u_two55@mail.ru

ХОЛОДОВА Зинаида Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kholodova_z@rambler.ru

KHOLODOVA Zinaida Yakovlevna — Doctor of Science (Philology), Professor, Researcher at the Scientific and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kholodova_z@rambler.ru

ШУРУПОВА Раиса Викторовна — доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и технологии обучения в высшей школе ИПО, ведущий научный сотрудник НИИ СМЭЗ и МС, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва, Россия, akraisa@gmail.com

SHURUPOVA Raisa Viktorovna — Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Technology of Teaching at the Institute of Higher Education, Leading Researcher of the Research Institute of SMEZ and MS, First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenova, Moscow, Russia, akraisa@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2021. Вып. 2**

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 11.06.2021 г. (online)

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 9,0.

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА
- ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)
- ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально